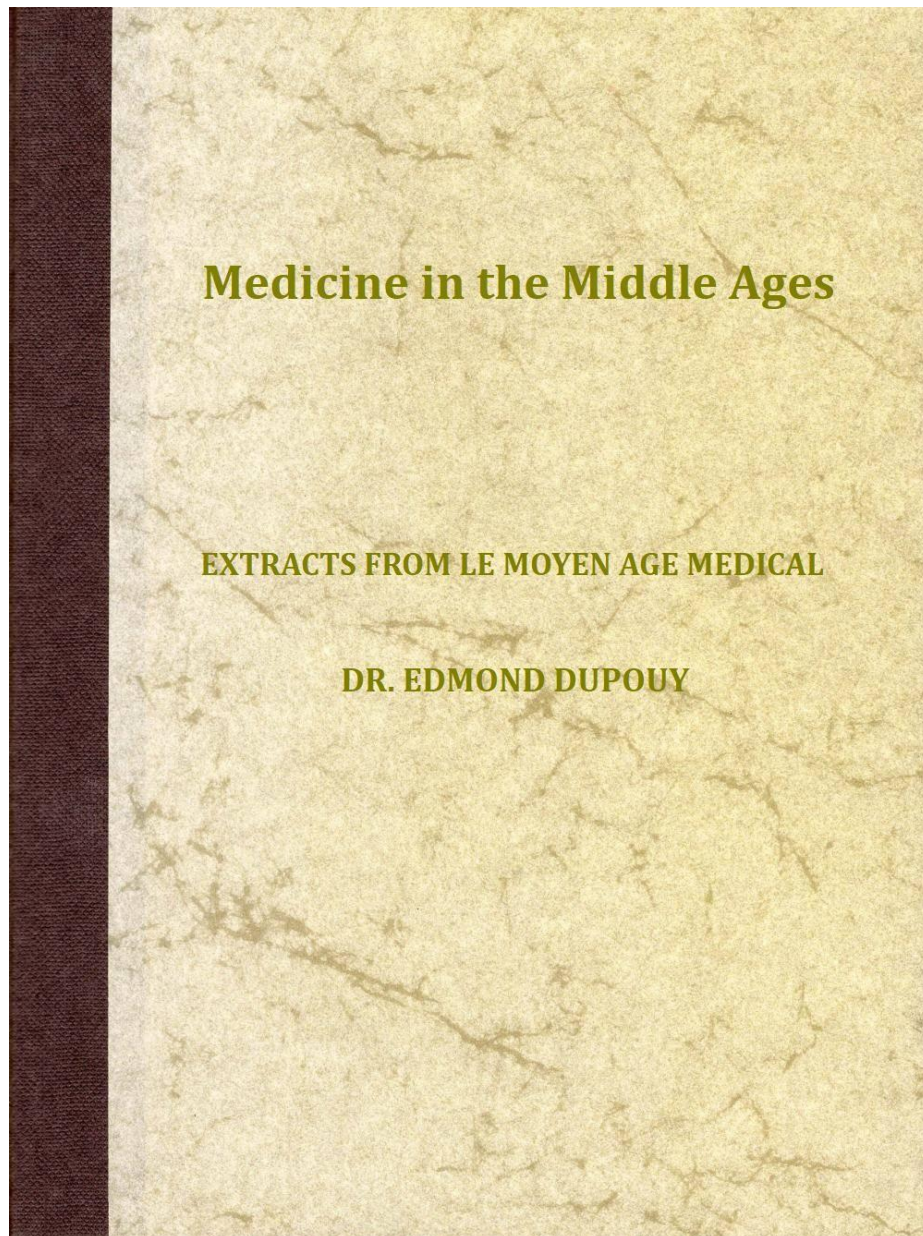

Медицина в Средние века. Отрывки из
книги "Медицина Средних веков"
доктора Эдмона Дюпуи; перевод Т. К.
Минора
Эдмон Дюпуи

The Project Gutenberg eBook of Медицина в Средние века.

Эта электронная книга может быть использована любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других стран мира бесплатно и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или использовать повторно на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Медицина в Средние века

Автор: Эдмон Дюпуи

Переводчик: Томас К. Минор

Дата выхода: 2 декабря 2020 года [eBook #63938]

Последнее обновление: 18 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Электронный текст подготовлен Тургутом Динчером, Лесом Галлоуэем и командой Online Distributed Proofreading Team (<https://www.pgdp.net>) на основе изображений страниц, щедро предоставленных Internet Archive (<https://archive.org>).

*** НАЧАЛО ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ МЕДИЦИНА В СРЕДНИЕ ВЕКА ***

Электронная книга проекта "Гутенберг" - "Медицина в Средние века", автор Эдмон Дюпуи, перевод Томаса К. Минора.

Примечание: Изображения оригинальных страниц доступны через Internet Archive. См. <https://archive.org/details/b29007720>

Примечание транскриптора

Следует отметить, что почти весь французский язык в книге не акцентирован. Попытки исправить это не предпринимались.

Медицина в Средние века.

ОТРЫВКИ ИЗ КНИГИ "МЕДИЦИНА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ" Д. EDMOND DUPOUY.

ПЕРЕВОД Т. К. МИНОРА, ДОКТОРА МЕДИЦИНЫ.

Перепечатано из "Cincinnati Lancet-Clinic", с 1 декабря 1888 г. по 16 февраля 1889 г.

ЦИНЦИННАТИ:

CINCINNATI LANCET PRESS PRINT,
1889.

ВРАЧИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ.

ВЕЛИКИЕ ЭПИДЕМИИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ.

ДЕМОНОМАНИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ.

МЕДИЦИНА В ЛИТЕРАТУРЕ СРЕДНИХ ВЕКОВ.

МЕДИЦИНА В СРЕДНИЕ ВЕКА.

ОТРЫВКИ ИЗ "МЕДИЦИНЫ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ" Д-РА. EDMOND DUPOUY.

ПЕРЕВОД Т. К. МИНОРА, ДОКТОРА МЕДИЦИНЫ.

ВРАЧИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ.

В четвертом веке христианской эры римская цивилизация прекратила свое существование; Западная Европа была захвачена варварами; литература и наука нашли последнее убежище в Александрии; начался Средний век.

Греческая медицина пыталась пережить революцию в городе Птолемеях и даже произвела на свет несколько знаменитых врачей, *таких* как Александр Итий, Александр Траллий и Паулюс Игинет, но в конце седьмого века Александрийская школа также пала и исчезла в облаках ложной философии, завещав все традиции Гиппократу арабам, которые продвигались как завоеватели на Запад.

Арабские школы в Дшондисабуре, Багдаде, Дамаске и Кордове были основаны и стали процветающими учебными заведениями благодаря нескольким несторианским грекам и евреям, которые были привлечены в эти центры обучения; такие люди, как Аарон, Разес, Хали-Абас, Авиценна, Авензоар, Аверроэс, Альбукасис и другие писатели, которые продолжили дело, оставленное греками, и оставили замечательные книги по медицине и хирургии. К сожалению, таинство исламизма помешало этим ученым слишком внимательно следить за анатомическими работами и, следовательно, ограничило прогресс, которого они могли бы достичь в медицине.^[1]

Что же происходило в Западной Европе в этот переходный период? Факел науки был потушен; священный огонь на алтаре знаний остался лишь мерцающей эмблемой, чей бледный свет тщательно охранялся в часовне монастырей. Медицина была отдана на откуп жрецам, и вся практика, естественно, скатилась в эмпирическую и слепую рутину. "Духовные врачи, - говорит Шпренгель, - в большинстве случаев прибегали к молитвам и святой воде, к

воззваниям к святым и мученикам и к святым мазиям". Эти монахи были недостойны называться врачами - по сути, они были не кем иным, как фанатичными санитарями".

Эфемерный луч света пробился из туч в эпоху Возрождения в 805 году, когда Карл Великий приказал соборным школам добавить медицину к их изучению в качестве части *квадривиума*. Некоторые монахи приступили к изучению трудов Цельса и Целия Аврелиана, но, как и в случае с мусульманами, католическая религия запрещала вскрытие человеческого тела, и монахи добились не большего прогресса, чем варвары; поэтому народные массы практически не доверяли медицинскому мастерству священнослужителей. Доказательство отсутствия доверия мы находим в готских законах, принятых Теодорихом примерно в этот период, которые сохранялись даже в одиннадцатом веке на большей части Западной Европы. Эти постановления, среди прочего, гласят следующее:

"Ни один врач не должен вскрывать вену женщине или дочери знати без помощи родственника или слуги; *quia difficillium non est, ut sub tali occasione ludibrium interdum adhærescat.*" (Их мораль в то время была предметом осторожности).

"Когда врач вызывается перевязать рану или вылечить болезнь, он должен позаботиться о том, чтобы договориться о своем гонораре, ибо он не может требовать его, если жизнь пациента находится под угрозой.

"За операцию по удалению твердой катаракты ему полагается пять су.

"Если врач ранит джентльмена кровотечением, он должен заплатить штраф в сто су; если же джентльмен умрет после операции, врач должен быть передан в руки родственников покойного, которые могут поступить с врачом по своему усмотрению".

"Когда у врача есть ученик, ему полагается двенадцать су за его услуги в качестве наставника".

Однако ближе к X веку прогресс в медицине наконец-то становится заметным. Мы видим, как некоторые монахи отправляются на обучение в Салерно и на гору Кассин, где в предыдущем веке монахи-бенедиктинцы основали медицинский колледж. Константин подарил этим монахам арабские манускрипты, которые были переведены на латынь с комментариями. А также труды ранних греческих врачей и трактаты Аристотеля по "Естествознанию". Именно в Салерно Эгидий де Корбейль изучал физику, прежде чем стать врачом Филиппа Августа. Тем не менее, медицина оставалась во тьме из-за невежества духовенства, суеверий и деспотизма церкви, которые были непреодолимым барьером для любой науки. Наконец, в 1206 году была проведена реформа - основан Парижский университет, который включил в число своих учебных заведений медицинский колледж, куда поступило множество студентов. Первыми профессорами этого учебного заведения стали *физик* Гуго и Обисо, врач Людовика Великого. Степени присваивались без разбора как духовенству, так и мирянам, причем к последним также предъявлялось условие безбрачия.

В отеле "Дье", который был построен перед входом в Нотр-Дам, под руководством духовенства была организована медицинская и хирургическая служба. В определенные дни священники собирались вокруг купели собора со святой водой, *supra curam*, чтобы обсудить вопросы медицины или связь схоластического образования с искусством врачевания.

Университет признавал студентами-медиками только тех, кто имел степень магистра искусств. Они совершенно отделяли *мегеров* и *миров*, хирургов, костоправов и цирюльников, которые не получали классического образования и которым как недостойным настоящим врачам было оставлено все, что касалось мелкой хирургии. Эти так называемые

чиновники здравоохранения в Средние века были малозначимыми и малоуважаемыми людьми; они держали лавки и никогда не выходили из дома, не имея при себе одного или двух перевязочных ящиков; их можно было сравнить разве что с торговцами наркотиками, а университет не налагал на них обета безбрачия.

Во многих литературных произведениях на латыни часто возникает вопрос о том, кого вызывать - лекаря или *мрира*, и некоторые отрывки замечательно служат доказательством этого исторического факта. Например, в "*Романе о Долопатосе*"^[2] поэт рассказывает, как предотвратить отравление ран, поскольку их легко вылечить, если рана нанесена недавно:

Ты слышал, как говорят

Перевязывать рану, пока она новая;

'Tis hard to heal when old.

Вы убедитесь, что это утверждение верно^[3].

Когда врач приходит поздно

Рана может быть отравлена;

Болячка может раздражать

И печальные результаты мы видим.

В другой песне трубадуров, "*Злой хирург*" (*Vilain Mire*), из которой Мольер позаимствовал свою пьесу "Врач назло самому себе", мы видим, как жена костоправа уверяет всех, что ее муж не только хороший хирург, но и знает о медицине и уроскопии столько же, сколько сам Гиппократ. (Не стоит забывать, что на знание мочи претендовали *болота* и *мегеры*). Так, жена костоправа заявляет:

"Мой муж, как я уже говорила,

Хирург, который может воскрешать мертвых.

Он видит болезнь в моче,

Знает больше, чем когда-либо знал Ипокрас".

Роман де ла Роза показывает нам бедного дьявола, который жалуется, что не может найти хирурга (*mire*), чтобы перевязать свои раны, т. е.:

"Ne sceus que faire, ne que dire,

Ne pour ma playe trover mire,

Ни от травы, ни от расина.

Je ne peux trover medecine".

Через несколько лет после основания Парижского университета в Западной Европе началось большое научное движение. Факультет Монпелье уже приобрел большую известность. В 1271 году был основан Парижский колледж хирургов. Медицинские круги насчитывали целую плеяду выдающихся людей: Ричард де Вендмер, Жан де Сент-Аманд,

Гийом Саличето, великий Альберт, Бернар Гордон, Арно де Вильнев, Ланфранк, Роджер Бэкон. Парижская школа теперь хотела сама управлять своими делами и, соответственно, в 1280 году отделилась от университета, приняв название *Physicorum Facultas*, а ее члены стали врачами. Поддерживаемые королевским указом, они получили богатые гранты от церкви и от государственных налогов, но эти знаки благосклонности вызвали ожесточенную ревность; критика обрушилась на искусство врачевания со всех сторон, и медицина была осмеяна; эти врачи тринадцатого века были высмеяны так жестоко, что сделали эпоху исторической и тем самым вдохновили комедийных писателей будущих поколений. Об этом с лихвой свидетельствуют злобные сатиры Гийо де Провинса (*Библия Гийо*), который жестоко издевается над врачами; именно он написал стихотворение, в котором говорится:

"Молодые врачи, только что приехавшие из Салерна.

Продают взорванные пузыри за фонарь".

Как мы видим из этих многочисленных насмешек, врачи не пользовались большим уважением, несмотря на сакральный характер, которым наделялась эта профессия. Между тем в "*Романе Нового Ренара*" мы находим отрывок^[4], позволяющий предположить, что врачи уже обладали определенной медицинской эрудицией; что они были знакомы с трудами Галена и имели полное представление обо всех писателях арабской школы, а также школы Салерно.

"Je faisoie le physicien

И аллегория Галена,

Et montrois oeuvre ancienne

И о Расисе, и об Авиценне,

И для всех, кто любит слушать.

In'estoie drois physiciens

Et maistre des practiciens".

В отместку автор "*Романса о Ренаре*" не слишком доверяет врачебному искусству, ибо очень злорадно добавляет:

"Всякая вера в медицину - глупость,

Доверься ей и потеряешь жизнь";

Ибо это самый печальный факт.

Там, где один излечивается, двое погибают в борьбе".

Почему поэт "*Романа дю Ренара*" был так зол на врачей своего времени - проблема, которую слишком сложно решить; однако, считая их не лучше преступников и опасных для общества людей, он не преминул вызвать врача перед смертью. Врачи, по какой-то странной и неизвестной причине, всегда подвергались критике со стороны французских литераторов как в современную, так и в древнюю эпоху. Наши французские авторы никогда, как и мастера греческой поэзии, не признавали нас братьями Аполлона. Позвольте мне здесь обратить их внимание на одного из авторов греческой антологии, который сказал о врачах:

"Сам сын Феба, Эскулап, вложил в твой разум, о Праксагор, знание того божественного искусства, которое заставляет забыть о заботах. Он передал в твои руки бальзам, исцеляющий от всех бед. От милой Эпионки ты узнал, какие боли сопровождают долгие лихорадки и какие средства следует применять к разделенной плоти; если бы смертные обладали такими лекарствами, как твои, паром Харона не был бы перегружен при переправе через Стикс".

Несмотря на сарказм, несмотря на эпиграммы и клевету, медицина всегда была источником возвышенного утешения для больных и страждущих, богатых и бедных. На сайте во все века священники были склонны предаваться врачебной практике, и именно по их наущению в Средние века монахини, известные как сестры милосердия, в определенной степени занимались медициной. В двенадцатом веке мы видим, как монахини монастыря Параклет в Шампани, следуя совету Абеяра, прибегают к хирургическому лечению больных. Правда, первой настоятельницей этого женского монастыря была Элоиза, в истории которой консервативная хирургия даже не упоминается. Монахини, которые перевязывали раны, назывались *медецианками* или *мистрисами*. Гальтье де Конизи оставил историю их добрых дел:

"И мир удивился, когда узнал.

Что женщина обрела новую миссию";

Когда врачи Монпелье и Салерна

Увидели в каждой монахине лекаря.

Они знали, что такое лихорадка, чувствовали пульс,

И что самое приятное, *они умели исцелять*".

Эта склонность женщин ухаживать за больными теперь стала общей. "У наших древних поэтов и романтиков, - говорит Рокфор, - мы часто замечаем, как молодые девушки[5] занимались лечить некоторые раны, потому что они были более нежными и мягкосердечными; Так, например, Жерар де Невер, будучи ранен, был отнесен в часовню, где "прекрасная дева взяла его на руки, чтобы вылечить, и он так много думал о ней, что через короткое время начал поправляться; и ему стало настолько лучше, что он мог есть и пить; и он так доверял мастерству девицы, что, прежде чем прошел месяц, он был совершенно излечен".

Уже в шестом веке в пересказе "*Des Temps Merovingiens*" Огюстена Тьерри мы узнаем, что королева Радегонд, жена Хлотаря I, превратила свой королевский особняк в больницу для неимущих женщин. "Одним из развлечений королевы было не просто навещать их, но и выполнять все самые отвратительные обязанности сиделки".

В феодальные времена было принято обучать девушек, принадлежащих к знати, практической медицине, а также хирургии, особенно той ее разновидности, которая применяется к ранам. Это было чрезвычайно полезно, поскольку их отцы, братья, мужья или любовники были галантными "рыцарями", которые часто возвращались из боя или турнира искалеченными или увечными. Именно нежные руки титулованных дам оказывали подобную услугу незнакомым иностранным рыцарям, которых могли привезти ранеными к воротам замка. Вот почему рыцари древности так благоговели перед представительницами слабого

пола, зная их доброту и любовь во время беды, когда нужно было зашить кровоточащие раны и унять лихорадку. В трубадурской песне "Анкассин и Николетта" мы находим такой отрывок:

"Николетта, в великой тревоге,
Спросила о его боли;
Нашла, что рука не в суставе,
Вложила ее снова;
Приложила травы к больной кости.
Растения ей были известны".

Хотя церковь враждебно относилась к философии Аристотеля, чьи труды были публично сожжены в 1209 году по приказу Собора, Пьер де Вернон в том же тринадцатом веке опубликовал короткую поэму под названием *Les Enseignements d'Aristote*, целью которой была вульгаризация научной части "Энциклопедии" великого греческого автора. Этот трактат начинался следующим образом:

"Primes saciez ke icest tretiez
Est le secre de secrez numez,
Ke Aristotle le Philosophe y doine,
La fiz Nichomache de Macedoine
A sun deciple Alisandre en bone fei,
Le grant, le fiz, a Philippe le Rei,
Le fist en sa graunt vielesce".

Что в переводе со старофранцузского гласит: "Отсюда узнаем, что этот трактат - секрет секретов, который философ Аристотель, сын Никомаха, передал своему ученику Александру Великому, сыну царя Филиппа, и который был составлен в его преклонном возрасте".

Напоминая о том, что Аристотель был сыном Никомаха, Пьер де Вернон, вероятно, хотел привлечь внимание своих читателей скорее к знаниям в области медицины, которые автор получил от своего отца, знаменитого врача, чем к блестящему ученику Платона.

Среди интересных отрывков этой поэмы мы выделяем те, которые советуют воздержание людям, чьи недуги вызваны излишествами за столом:

"Один человек не может жить без вина,
А другой без него должен ужинать;
Для последних все ясно,
Все виноградные соки и пиво
Ради собственного желудка должен отказаться".

Автор утверждает, что питье во время еды вызывает гастралгию из-за повышенной кислотности желудка:

"Признаки плохого желудка проявляются следующим образом:

Плохое пищеварение, красное вздутое лицо,

с выпученными глазами,

сердцебиение и вздохи.

С угнетением, как будто кружева".

Он упоминает извержения и кислую отрыжку как признаки фригидности желудка и советует пить очень горячую воду перед едой. Помимо этого, он дает хорошие советы относительно всех преимуществ трезвой и спокойной жизни:

"Если страсти внутри тебя разгораются,

Молитесь, не ешьте и не пейте, как сопляки.

Не давайте вину никаких прав;

От богатой пищи воздержись;

И роскошный покой - ваш удел".

Далее автор советует тщательно ухаживать за полостью рта и деснами, аккуратно чистить зубы после каждого приема пищи и полоскать всю полость рта настоем горько-сладких растений или листьев.

"Puis apres si froterez

Vos dents et gencives assez,

Od les escorces tut en tur

D' arbre chaud, sec. amer de savur

Kar iceo les dents ennientit" и т. д.

Несмотря на отсутствие научной формы, эти предписания все же сильно контрастируют с суеверными практиками, применявшимися монахами при лечении болезней. Когда святые мощи не помогали, священники прибегали к сверхъестественной силе; они верили в лечение верой; прикосновение королевской руки могло исцелить болезнь. Они возили всех своих больных золотухой и зобом к Филиппу I и к Святому Людовику. Эти государи не всегда чрезмерно верили в чудесные дары, которыми их хотели наделить, но соображения государственной политики заставили их принять этот монашеский обман, который регулярно практиковался духовенством каждый день Пятидесятницы.

Сцена была разыграна очень просто: король Франции после святого причастия в монастыре Святого Франциска выходил из здания в окружении оружейников и монахов-бенедиктинцев, затем прикасался к пятнам на своих людях, говоря каждому из своих страдальцев: "*Rex tangit te, Deus sanat te, in nomine Patris et filii et Spiritus sancti*"^[6].

Блок утверждает, что король Англии также обладал способностью излечивать эпилепсию, и замечает по этому поводу, что изобретение это не ново, поскольку Пирр, царь Эпира, обладал способностью излечивать людей, страдавших от увеличенной селезенки, просто нажимая правой ногой на эту внутренность.

Но сегодня это уже не суеверие, поскольку век чудес прошел, а божественность королей - вера, почти не имеющая учеников. Однако Гилберт и Дэниел Тернер, врачи XIII века, в своих трудах приписывают ему достоверность, но они имеют полное право высказывать свое независимое мнение.

Священники Средневековья не могли работать акушерами и лечить болезни матки. Единственными повитухами того времени были *вентриеры*; этим женщинам разрешалось давать показания в качестве экспертов в судах, но бремя доказательства лежало на показаниях по крайней мере трех *мудрых женщин*, когда новобрачная женщина обвинялась мужем в беременности, как, например, в следующем случае:

"Если мужчина объявит, что его жена, только что вышедшая замуж, беременна, а она будет отрицать это обвинение, то следует отвести обвиняемую женщину в дом какой-нибудь благоразумной подруги, а затем позвать трех *вентриеров*, которые смогут осмотреть подозреваемую. Если они объявят, что она находится в состоянии беременности, прокурор должен вызвать акушеров в качестве свидетелей, как уже говорилось; если же *мудрые женщины* объявят, что обвиняемая не беременна, тогда жена будет иметь повод против своего мужа; но лучше, если муж, видя причиненное зло, смирится и попросит прощения".

Акушерки были приведены к присяге, согласно статутам и ордонансам, содержащим формулы отчетов для представления судьям, для посещения девушек, которые жаловались на изнасилование; четырнадцать признаков такого растления были признаны в качестве свидетельства. Лоран Жубер переписал три таких доклада, из которых мы воспроизведем только один, адресованный губернатору Парижа 23 октября 1672 года:

"Мы, Мари Миран, Кристофлетт Рейн и Жанни Порте, лицензированные акушерки Парижа, подтверждаем, кого это может касаться, что 22 октября текущего года по приказу губернатора Парижа от 15 числа вышеуказанного месяца мы посетили дом на улице Помпьер и осмотрели девушку тридцати лет, по имени Олив Тиссеран, которая подала жалобу на некоего Жака Мудона Буржуа, который, как она утверждает, совратил ее насильно. Мы осмотрели истицу с помощью зрения и пальца и установили следующее:

"Ее грудь расслаблена ниже шеи вниз; *mammae marcidæ et flaccidæ*; вульва натерта; *os pubis collisum*; волосы на *os pubis* завиты; *pubes in orbem finuata*; промежность сморщена; *perinæum corrugatum*; природа женщины утрачена; *vulva dissoluta et mercessans*; половые губы приватные подвесные; *labia pendentia*; малые губы слегка шелушатся; *labiorum oræ pilis defectæ*; *nymphæ depressed*; *nymphæ depressæ*; каронкулы размягчены; *carunculæ dissolutæ*; мембрана, соединяющая каронкулы, втянута; *membrana connecteus inversa*; клитор возбужден; *clitoris excoriata*; маточная шейка повернута; *collum uteri*; влагалище растянуто; *finus pudoris*; в самом деле, девственная плева у дамы отсутствует; *hymen deductum*; наконец, внутреннее отверстие матки открыто; *os internum matricis*. Осмотрев это печальное положение вещей, знак за знаком, мы обнаружили следы *omnibus figillatum perspectis et perforutatis*, etc., и вышеупомянутые акушерки удостоверяют вышеупомянутого проректора, что вышеупомянутое заявление под присягой является истинным".

Магистраты не обязывали врачей определять природу изнасилований женщин; все гинекологические вопросы передавались повитухам. По правде говоря, из всех врачей

древности только Гиппократ обсуждал жалобы на матку, а Итий изучал акушерство. Только в XVI веке акушерство заняло свое место среди медицинских наук благодаря Родиону, Амбруазу Паре, Рейфу, Руссе и Гильмо. Незадолго до этого, то есть в пятнадцатом веке, Жак де Фориль опубликовал свои "Комментарии" о поколении, заимствовав свои идеи у Авиценны; его представления, однако, были абсурдны, так как полностью основывались на астрологических соображениях. Он утверждал, что младенец нежизнеспособен на восьмом месяце, потому что в первый месяц беременная женщина находится под защитой Юпитера, от которого исходит жизнь, а в седьмой - Луны, которая благоприятствует жизни своей влажностью и светом; в восьмой же месяц или в период правления Сатурна, который пожирает детей, влияние враждебно. Но на девятом месяце вновь ощущается благотворное влияние Юпитера, и по этой причине младенец в этот период беременности более склонен к жизни.

Схоластической философии Средневековья мы должны приписать предубеждение, что человеческое тело находится в прямой связи со Вселенной, особенно с планетами, и физические изменения не могут происходить без влияния созвездий. Таким образом, астрология стала рассматриваться как неотъемлемая часть медицины. Эта вера во влияние звезд пришла с Востока и была перенесена в Европу после крестовых походов.

Что касается трактата "О женских болезнях", приписываемого Тротуле, повитухе школы Салерно, то он представляет собой лишь формулу рецептов для использования женщинами ванн на морском песке под жарким солнцем для худых дам, страдающих от избыточного веса; признаки, по которым можно узнать хорошую мокрую медсестру: метод разминания головы, носа и конечностей новорожденных детей перед тем, как положить их в пеленки; использование девственного вина, смешанного с медом, в качестве средства для удаления морщин старости.

"Комментарии" Бернара де Провинциала сообщают нам, - говорит Даремберг, - что некоторые обычаи, не только суеверные, но и отвратительные, были распространены среди доктрин Салерно; так, например, они сами ели, а также обязывали своих мужей есть экскременты осла, поджаренные в печи, чтобы предотвратить бесплодие; также ели фаршированное сердце больной свиньи, чтобы забыть умерших друзей" и т. д.

На основании таких наблюдений мы можем составить некоторое суждение о *терапевтической* мудрости этих доктрин школы Салерно. Правда, в эту эпоху мало кто прописывал лекарства, кроме тех, что были уникальными и фантастическими. Англичанин Гилберт с величайшей британской *сентиментальностью* советовал привязывать свинью к кровати больного, страдающего летаргией; он предписывал львиную плоть в случае апоплексии, а также масло скорпиона и яйца углового червя; для растворения камня в мочевом пузыре он прописывал кровь молодого козленка, вскормленного на мочегонных травах.

Петр Испанский, который был архиепископом, а затем папой под именем Иоанна XXI, был человеком, который, как утверждают историки, больше прославился как врач, чем как папа; именно этот Петр адаптировал любопытный медицинский формуляр, известный под названием *Circa Instans*, и усовершенствовал это изобретение. Тем, кто носил на своем теле слова "Бальтазар", "Гаспар" и "Мельхиор", не нужно было бояться приступов эпилепсии; для того чтобы вызвать флюс в животе, достаточно было положить экскременты пациента в человеческую кость и бросить ее в поток воды.

Гуго де Лакнес при переломах костей использовал порошок, состоящий из имбиря и каннеллы, который он применял в сочетании с "Молитвой Господней", при этом он также

призывал на помощь Троицу. Грыжу он лечил прижиганием, а проказу - вливаниями ртутной мази.

Если терапия в XIII веке достигла лишь незначительного прогресса, то этого нельзя сказать о других отраслях медицинских и естественных наук.

Арнольд де Вильнев, врач, химик и астролог, особенно отличился открытием серной, азотной и соляной кислот, а также впервые изготовил скипидарную эссенцию.

Ланфранк привлек большое количество студентов в колледж Сен-Кома и продемонстрировал свое мастерство анатома и хирурга. В одной из своих публикаций он дает весьма примечательное описание шанкра и других венерических симптомов.

На факультете Монпелье, который был основан в 1220 году, мы видим декана Роже Пармского и профессора Бернара де Гордона, который оставил очень точный рассказ о проказе и ряд наблюдений о шанкрах после нечистой связи; эти наблюдения ценны тем, что их подтверждают Ланфранк и его современник Гийом де Саличето из Италии, *за два века до открытия Америки*.

Альберт Великий (Альбертус Магнус) и Роджер Бэкон также принадлежат к тринадцатому веку.

Альберт де Балльштат, выходец из знатного швабского рода, монах ордена Святого Доминика, после обучения в главных школах Италии и Германии прибыл в Париж в 1222 году н. э. и вскоре обрел многочисленных слушателей, среди которых можно назвать Святого Августина, Роджера Бэкона, Вильнева и других выдающихся людей. Его лекции привлекали такие толпы студентов из университета, что он был вынужден выступать в публичном месте в Латинском квартале, которое в память о его успехе было названо *площадью мэтра Альберта*, впоследствии преобразованной в площадь Моберта.

Его труды носили энциклопедический характер, их главной заслугой были комментарии к трудам Аристотеля, о котором в тот период было известно очень мало; он также изучал латинские переводы арабской школы, пересматривал Авиценну и Аверроэса, добавляя к этим работам некоторые оригинальные наблюдения.

Альберт Великий, или Альбертус Магнус, - так потомки называли этого гения, - также много занимался алхимией и выдавал себя за мага. Многие считали его колдуном, так как он, по слухам, вызывал духов усопших и производил удивительные явления.

Труды Альберта по естественной истории, ботанике и минералогии в действительности заимствованы из работ Аристотеля, как и его *parva naturalis*, которая является лишь воспроизведением "*Органона*" греческого философа; тем не менее Альберт заслуживает похвалы за свою хорошую работу по возрождению факела науки на Западе.

Его ученик, Роджер Бэкон, также был монахом; он учился в Париже, а затем переехал в Оксфорд, Англия, где активно посвятил себя естественным наукам, особенно физике. Он оставил после себя замечательные наблюдения за преломлением света, объяснение образования радуги, изобретение увеличительного стекла и телескопа. Его исследования в области алхимии привели его к открытию горючего тела, подобного фосфору, а его работа о "старости" (*De retardandis senectutis occidentibus*) обеспечила ему высокое положение среди врачей XIII века. Будучи одним из основателей экспериментальной науки, одним из зачинателей - если можно так выразиться - научного позитивизма, он также много времени уделял астрологии. Его осудили как мага и колдуна его же *единомышленники* в религии, он

был приговорен к вечному заточению и освобожден лишь за несколько лет до смерти, оставив после себя множество трудов почти по всем отраслям науки.

Прошло более века после смерти этих двух великих людей, и медицинская наука начала свой восходящий полет.

Анатомия, запрещенная католической церковью, в середине XIII века была на мгновение терпима благодаря покровительству Фридриха II, короля Двух Сицилий. Но эдикт папы Бонифация VIII, опубликованный в 1300 году, вновь запретил вскрытия, причем не только в Италии, но и во всех странах, находящихся под папским правлением. Тем не менее, в 1316 году Мондинус, прозванный реставратором анатомии, будучи профессором Болонского университета, набрался смелости препарировать трупы двух пациентов на публике; затем он опубликовал отчет об этом, который, по словам Шпрингера, имел "то преимущество, что был сделан по образцу природы, и который предпочтительнее всех работ по анатомии, опубликованных со времен Галена".

Несколько лет спустя во Франции исчезло предубеждение против препарирования человека, и анатомия была разрешена к преподаванию на факультетах Парижа и Монпелье. Анри де Эрмондавилль, Пьер де Серлата и Николас Бертруччи были особенно выдающимися анатомами в XIV веке и проследили научный путь Везалия, Фаллопия, Евстахия, Фабрики де Агуапенденте, Сильвиуса, Платера, Варолы де Торре, Шарля Этъена, Инграссиаса и Арантиуса в XVI веке.

С этого времени начинается выход медицины из-под церковной власти.

В 1452 году кардинал д'Эстутевиль, которому Папа Римский поручил реорганизацию Парижского университета, добился отмены предписания, обязывающего к безбрачию, заявив, что оно "нечестиво и бессмысленно" в отношении врачей.

Именно в этот момент врачебный факультет отказался от гостеприимства университета и поселился в доме на улице Бушери, который им любезно предоставил Жак Депар, врач короля. Теперь этот факультет открыл реестр своих деяний, который впоследствии стал *Комментариями Общества*, и, уже уверенный в блестящем будущем и собственных силах, колледж выгравировал на своем эскизе такие слова: "*Urbi et Orbi Salus*", и объявил себя хранителем античной морали; *veteris disciplinæ retinentissima*. Вскоре декан факультета получил от королевской власти право чеканить медали, которые вручались врачам, оказавшим ценные общественные услуги; на них был изображен герб колледжа, а Ги Патен дошел до того, что в 1632 году выпустил свое собственное чеканное чучело.

Королевская власть еще больше помогала медикам и факультету собирать студентов: например, был издан указ о присвоении врачам дворянских титулов и гербов в случае больших заслуг; они также освобождались от налогов и других взносов в пользу короны, ибо, как говорит Людовик XIV, "мы не можем отказать в таких знаках почета людям образованным и тем, кто по своей преданности благородной профессии и личным заслугам имеет право на высокое звание". Кроме того, некоторые из величайших имен Франции были занесены в реестры факультета; назовем, например, Прадера, Мерсенна, Сен-Йона, Монтиньи, Мовиллена, Сартеса, Ревелуа, Монтроза, Фарси, Юренси и других. Можно ли удивляться тому, что медицинский факультет, учитывая столь высокие милости, был так глубоко привязан к королевской власти, которая давала свободу и репутацию великим мыслителям эпохи?

Декан, который до XIII века носил лишь титул *Magister Scolarum*, бесконтрольно управлял делами факультета и был признан главным иерархом корпорации; но он избирался всеми профессорами, а часто выбирался и вне профессоров факультета. Таким образом, эта высокая должность была достойна, и это было справедливо.

Над деканом, однако, стоял первый лекарь короля, который был высшим офицером короны, обладал теми же правами и привилегиями, что и дворяне, получая при назначении графский титул с наследственной передачей его в семье; он был также государственным советником и носил костюм и украшения этого ордена. Когда он приходил на заседания факультета, его принимали декан и бакалавры, поскольку он был также великим магистром гигиены и юридической медицины в королевстве; он назвал все оплачиваемые медицинские должности, в частности, должности экспертов в области медицинской юриспруденции.

При Карле VIII Адам Фюме и Жан Мишель заседали в парламенте в качестве советников; Жак Койтье, врач Людовика XI, был председателем Налоговой комиссии; Фернель, не менее знаменитый как математик, чем как врач, был близким другом Анри II, в то время как Амбруаз Паре был хирургом последнего короля и двух его преемников; Ф. Мирон также впоследствии стал послом при Анри III.

Позже мы видим Вотье, врача *Мари де Медецис*, одного из злопыхателей, отправленных в Бастилию по политическим причинам. Вало, Дакен и Фагон, все врачи Людовика XIV, были политиками, но при этом пользовались большой королевской благосклонностью. Политики-медики занимали значительное место во времена Людовика XIV. Среди независимых можно назвать Ги Патена, близкого друга и советника Ламуньяна, и Габриэля Науде, одного из самых эрудированных людей эпохи. В таких условиях неудивительно, что медицина вступила в новую фазу прогресса. Срок обучения теперь составлял шесть лет; после этого проводились экзамены, из которых, к сожалению, была исключена клиническая медицина; экзамены соответствовали степеням бакалавра и доктора; наконец, триумфальный акт кульминации - защита диссертации с обязательством дать торжественную клятву Гиппократу.

Степень бакалавра существовала с момента основания Парижского университета. Вакхалауры, или бахаларии,^[7] всегда были студентами, претендующими на докторское звание. После множества других испытаний они подписывали следующее обязательство:

1. Клянусь с честью соблюдать все тайны, следовать кодексу и уставу, установленному факультетом, и делать все, что в моих силах, чтобы помочь ему.
2. Клянусь всегда слушаться и уважать декана факультета.
3. Клянусь помогать факультету в противодействии любым начинаниям, направленным против его чести или постановлений, особенно против так называемых врачей, занимающихся незаконной практикой; а также подчиняться любому наказанию, наложенному за запрещенное действие.
4. Клянусь присутствовать в полном облачении на всех собраниях, когда того потребует факультет.
5. Клянусь в течение двух лет ассистировать на занятиях Медицинской академии и школы, а также поддерживать любой вопрос, заданный мне по медицине или гигиене в виде диссертации. Наконец, я клянусь быть хорошим гражданином, любить мир и порядок и соблюдать приличия при обсуждении всех вопросов, поставленных факультетом".

Эту клятву на латыни зачитывал декан, и, как перечислялось, каждый кандидат на получение степени торжественно отвечал "клянусь" после каждого пункта.

Вместе с врачами в этот период, хотя и на более низком уровне, появились хирурги и цирюльники; они были созданы под названием *mires* и *meges* монахами-медиками, которые не могли, согласно канонам, прибегать к хирургическим операциям, как сказано в *Ecclesia abhorret a sanguine*.

Продолжим их историю. Когда в двенадцатом веке к Парижскому университету был присоединен Колледж врачей, другие факультеты этого учреждения оговорили, что хирурги не входят в состав медицинского факультета и не имеют права на какое-либо рассмотрение. Эти хирурги держали лавки и бродили по улицам с инструментами на спине в поисках клиентов, а помогали им в работе цирюльники, которые были еще более неграмотными, чем хирурги; но благодаря усилиям Жана Питара, хирурга Святого Людовика, этим хирургам удалось в 1271 году создать корпорацию. Их собрания проходили в мертвом доме церкви Кордельеров, и им были предоставлены те же привилегии, что и *magistri in physica*. Это были хирурги в длинной мантии.

Только в конце века Ланфранк получил от Филиппа Красивого приказ о реорганизации и присвоении степеней для обучения хирургическому искусству. Обучение было исключительно практическим; оно требовало нескольких лет пребывания в Hotel Dieu или в услужении у какого-нибудь городского хирурга, а также определенного литературного образования. Как и врачам, хирургам разрешалось носить халат и шапочку. Они пользовались большим успехом.

К сожалению, цирюльники XIV века получили, в свою очередь, эдикт от Карла V, который признал их корпорацию и разрешил рыцарям бритвы практиковать кровопускание, а также все виды мелкой хирургии.

Медицинский факультет, ревниво относившийся к Коллегии хирургов, всем своим влиянием поощрял цирюльников. Они основали для цирюльников специальный курс анатомии при условии, что цирюльник всегда будет признавать врача выше хирурга. Парикмахеры дали такое обещание, но пришло время, когда они возомнили себя сильнее медицинского факультета; это случилось в 1593 году; но в том же году парламент по наущению врачей принял постановление, лишившее цирюльников всей власти, дарованной им Карлом V.

Таким образом, цирюльники понесли наказание за неповиновение медицинскому факультету.

Коллегия хирургов, избавленная от конкуренции со стороны хирургов-парикмахеров, теперь претендовала на право стать частью медицинского факультета, и ордонанс Франсуа I дал им эту привилегию. Были выданы патенты, которые гласили:

"Постановляется, что вышеупомянутые профессора, бакалавры, лиценциаты или магистры, будь они женаты или холосты, должны пользоваться всеми привилегиями, правами, свободами, иммунитетами и освобождениями, предоставляемыми другим выпускникам медицинского факультета Университета".

Несмотря на этот королевский указ и подтверждение привилегий, предоставленных хирургам Анри II, Карлом IX и Анри III, медицинский факультет категорически отказался открыть свои двери для их смертельных врагов, презираемых парикмахеров-хирургов, как их называли.

Даже Людовик XIV отказался от идеи заставить врачей общаться с хирургами; последние продолжали держать лавки с вывеской из трех ящиков для причастия, поддерживаемых золотой лилией, и им разрешалось брать для препарирования только трупы убитых; эти тела были украдены с медицинского факультета. Тем временем штатные цирюльники-хирурги возобновили свою древнюю верность врачам, которые тщетно пытались заменить их студентами.

Чтобы положить конец борьбе, Коллегия хирургов приняла отчаянное, но вредное решение принять всех цирюльников в свое учреждение и признать их права на получение хирургической степени. Через год, в 1660 году, медицинский факультет потребовал, чтобы, поскольку Коллегия хирургов приняла в свою школу невежественных цирюльников, право хирургов носить медицинскую мантию и шапочку и присваивать ученые степени было отменено. Медицинский факультет добился своего.

В качестве незаменимого помощника врача в этот период упомянем аптекаря и банщика.

Покровителем аптекарей был Святой Николай; они принадлежали к корпорации бакалейщиков, где были представлены тремя членами. Их центральное бюро находилось в монастыре Сент-Оппортьюн.

Инспекция аптек и аптекарских лавок в Париже проводилась раз в год, ее осуществляли три члена, избранные из центрального бюро, и два доктора медицины. Парижский аптекарь четыре года был учеником и шесть лет - младшим аптекарем; затем он должен был сдать два экзамена и, наконец, пять дополнительных экзаменов, последний из которых проводился в присутствии мастера-аптекаря и двух докторов. Несмотря на клятву^[8] не прописывать лекарства больным и не продавать их без письменного распоряжения врача, аптекари тогда, как и сейчас, часто конфликтовали с врачами, поскольку последние всегда ревниво относились к непрофессиональному вмешательству и всегда отстаивали свое превосходство.

Однако стоит сказать, что аптекари никогда не нарушали правило о строгой проверке всех лекарств перед использованием. Все лекарства проходили проверку в центральном бюро, прежде чем аптекарша приобретала их для выдачи.

Что касается банщиков, то в античные времена, как и сейчас, они относились скорее к эмпирикам; их история восходит к тому периоду, когда римляне ввели в Галлии свою банную систему, которая сохранялась вплоть до XVI века.

Бани, построенные древними и разрушенные варварами, вновь появились в Средние века под названиями "паровые бани" и "печные бани". Эти бани представляли собой мастерские, обычно содержавшиеся цирюльниками, где можно было постричься, попотеть или помыться у тонзурного мастера. Тогда весь мир принимал ванны - даже монахи иногда мылись; на самом деле почти в каждом монастыре были свои бани, где бедняки могли мыться и пускать кровь без оплаты.

В те времена кавалеры мылись перед получением рыцарского ордена. Когда давали бал, было принято и галантно предлагать всем гостям, особенно дамам, бесплатную ванну. Когда Людовик XI отправлялся пообщаться со своими верными подданными, честными парижскими торговцами, он всегда находил в своем распоряжении горячую ванну. Наконец, запретить человеку принимать ванну считалось суровым наказанием, как это было сделано в случае с Генрихом IV, которого отлучили от церкви.

В Париже было много бань. С раннего рассвета до заката улицы были заполнены глашатаями бань, которые приглашали всех прохожих войти. Во времена Карла VI банщики ввели паровые бани. Некоторые из них были полностью отданы женщинам, другие предназначались для короля и придворных джентльменов. Стоимость паровых ванн была установлена полицейским ордонансом в размере двадцати сантимов за одну ванну и сорока сантимов для тех, кто моется после нее. Эта цена подлежала пересмотру только по желанию муниципальных властей.

Во время эпидемий паровые ванны прекращались. Вероятно, именно по санитарным соображениям распоряжение мэра Парижа Деламера запрещало всем принимать паровые ванны до кануна Рождества "под страхом крупного штрафа". Это же постановление было повторено актом парламента от 13 декабря 1553 года: "телесное наказание за оскорбление банщиков".

Парижские паровые бани имели настолько широкую известность и успех, что итальянский врач XVI века по имени Брикسانيус, прибывший в Париж, написал следующие стихи:

"Balnea si calidis queras sudantia thermis,
In claris intrabis aqua, ubi corpus inungit,
Callidus, et multo medicamine spargit aliptes',
Mox ubi membra satis geminis mundata lacertis
Laverit et sparsos crines siccaverit, albo
Marcida subridens componit corpora lecto".

Уже во времена Святого Людовика число банщиков было столь велико, что они объединились в профсоюз; почти все они были также цирюльниками; они мыли тело, стригли волосы, подстригали мозоли и ногти, брились и делали пиявки.

Банные дома более чем размножились с двенадцатого века, подражая восточным обычаям, благодаря крестоносцам. В банях работали не только мужчины, но и старые блудницы и шустрые девицы. Ни одна респектабельная женщина никогда не заходила в общественную баню; Кристина де Пизан свидетельствует об этом в следующих строках: "Что касается общественных бань и паровых ванн, то их следует избегать честным женщинам, кроме как по уважительной причине; они дороги и не приносят никакой пользы по многим очевидным причинам; ни одна женщина, если она мудра, не доверит туда свою честь, если хочет ее сохранить".

Заведения, известные как паровые бани, уже во времена Сен-Луи превратились в дома проституции. Полиция, защищая общественную мораль, была вынуждена запретить посещать такие места постной женщине и больному мужчине.

В Италии паровые бани были официально признаны и терпимы как места публичного разврата; так было и в Авиньоне. В Синодальном уставе Авиньонской церкви за 1441 год содержится постановление, составленное гражданскими властями и распространяющееся на женатых мужчин, а также на священников и духовенство, запрещающее посещать паровые бани на мосту Трука, которые были выделены муниципальными властями как место терпимого разврата. Этот ордонанс содержал весьма редкое для Средневековья положение:

штраф в десять марок за нарушение закона в дневное время и двадцать марок за нарушение, совершенное под покровом ночи.

В 1448 году городской совет Авиньона вновь попытался отрегулировать работу паровых бань на мосту, но золотые времена развратных женщин давно канули в Лету, а предыдущее столетие стало свидетелем апогея судьбы куртизанок. Пребывание пап в Авиньоне собрало со всего земного шара пеструю толпу паломников и породило ужасающее состояние распутства; мы имеем авторитет Петрарки, утверждающего, что оно даже превзошло Вечный город, а епископ Гийом Дюран представил Венскому совету наглядную картину этого социального зла.

Согласно прокламации Этьена Буало, мэра Парижа времен Людовика IX, содержателям цирюльных бань запрещалось нанимать в свои салоны женщин с дурной репутацией, чтобы те под прикрытием, как в нынешних массажных салонах, занимались позорной торговлей, под страхом лишения своих принадлежностей - сидений, тазов, бритв и т. д., - которые должны были быть проданы с публичного аукциона в пользу государственной казны и короны. Но мы прекрасно знаем, что королевский ордонанс 1254 года, целью которого была реформация общественного разврата, действовал только в течение двух лет, а новый закон 1256 года восстановил и легализовал общественную проституцию, которая имела менее предосудительные черты, чем подпольная проституция.

Использование общественных бань и водолечения продолжалось до XVI века. В эту эпоху, без всякой известной причины, население внезапно прекратило все бальнеологические практики, и это было заметно как среди аристократического сословия, так и среди простого народа. Противоположное зло было развито. "Честные женщины, - говорит Верниль, - с гордостью утверждали, что они никогда не позволяли себе определенных омовений". Тем не менее, Мари де Ромьен в своем классическом труде по обучению молодых женщин (*Instruction pour les Jeunes Dames*) замечает: "Они должны поддерживать чистоту, хотя бы для удовлетворения своих мужей; не стоит поступать так, как некоторые мои знакомые, которые не заботятся о том, чтобы помыться, пока не испачкают свое белье. Но чтобы быть прекрасной *дамуазель*, можно достаточно часто мыться в воде, предварительно прокипяченной и надушенной благовониями, ибо нет ничего более верного, чем то, что красота лучше всего расцветает в той молодой женщине, которая не только выглядит, но и пахнет чистотой".

В опусе, опубликованном в 1530 году под названием *De Drusæ*, мы видим, что "несмотря на естественные законы приличия, женщины используют ароматы чаще, чем чистую воду; и таким образом они только усиливают дурные запахи, которые пытаются замаскировать. Одни пользуются жирными парфюмированными мазями, другие - губками, пропитанными благовониями".

"Положите губки на кулаки и промокните их,

Чтобы не чувствовать мутонового запаха".

Однако этот ужас перед водой длился недолго, и в начале XVII века ложной скромности женщин был положен конец с появлением речных купален, подобных тем, что существуют и сегодня на берегах Сены.

Было ли это восстановление чистоплотных привычек вызвано советами врачей? Ответить на этот вопрос невозможно, но не лишним будет привести тот примечательный отрывок из "Эссе Монтеня" о гигиене купания, которое он рекомендует при некоторых заболеваниях:

"Полезно купаться в теплой воде, она смягчает и расслабляет в портах, где она застаивается на песке и камнях. Однако такое применение внешнего тепла делает почки кожистыми и твердыми и окаменяет материю внутри. Тем, кто купается: лучше всего мало есть на ночь, чтобы воды, выпитые на следующее утро, действовали легче, встречаясь с пустым желудком. С другой стороны, лучше всего ужинать понемногу, чтобы не мешать действию воды, которое не в полном согласии; не следует также наполнять желудок слишком внезапно после других его трудов; оставьте работу пищеварения на ночь, которая лучше дня, когда тело и ум находятся в постоянном движении и деятельности.

"По случаю своих путешествий я посетил все знаменитые бани христианства и в течение нескольких лет пользовался их водами, поскольку, как правило, считаю купание полезным для здоровья и не считаю его рискованным для физического состояния. Обычай омовения, столь распространенный в прошлые времена у всех народов, теперь лишь у немногих стал повседневной привычкой. Я не могу себе представить, почему цивилизованные люди позволяют своему телу покрываться грязью, а порам - забиваться нечистотами"[9].

Если Монтень широко пользовался минеральными водами, то в отместку он испытывал ужасный страх перед врачами и их лекарствами, который он унаследовал от своего отца, "который умер, - говорит он, - в возрасте семидесяти четырех лет", а его "дед и прадед умерли в восемьдесят лет, не попробовав ни капли лекарства".

Монтень справедливо критиковал медицину в нескольких эссе о врачебном искусстве. Ему была хорошо известна *intividia medicorum*, и именно по этой причине он заметил, что врач всегда должен лечить без консультанта. "Никогда не было врача, - говорит Монтень, - который, принимая услуги консультанта, не прекращал бы лечение или не корректировал что-нибудь". Не заслуживает ли такая же критика и в наши дни? Как абсурдны наши медицинские консультации. Примеры, которые Монтень приводит о разногласиях врачей во время консультаций по поводу доктрин, в равной степени применимы и к современности. Разногласия Герофила, Эрасистрата и Эсклепиада по поводу изначальной причины болезней были не больше, чем разногласия школ Бруссе и Пастера, которые менее чем за полвека приобрели всеобщую известность.

Монтень утверждал, что медицина обязана своим существованием лишь страху человечества перед смертью и болью, нетерпению к слабому здоровью и неистовой и нескромной жажде скорейшего излечения, но автор "Эссе" в заключение добавляет: "Я почитаю врачей не из чувства необходимости, а из любви к себе, и видел много честных врачей, которые были благородны и достойны того, чтобы их любили".

Репутация разногласий среди врачей, на которой так настаивал Монтень, послужила избитым текстом для многих других критиков.

В "Серрах" Гийома Буше, современника автора, мы находим тот же вал сарказма, направленный на врачей. Где вы найдете людей другой профессии, кроме медицины, которые бы так завидовали и ненавидели друг друга? Какая еще профессия на земле подвержена таким ожесточенным разногласиям? Как можно ожидать, что простые люди будут почитать и уважать экспертов и так называемых эрудитов, когда профессора называют друг друга невеждами и осликами? Призовите этих врачей к какому-нибудь делу, и один за другим они разойдутся во мнениях относительно диагноза и метода лечения. Как писал Пеллиссон:

"Когда врага ты хочешь убить

Не зови ассасинов, полных порока,
Но позови двух врачей, искусных
Чтоб дали противоположный совет".

Или в стихах оригинала:

"D'un ennemi voulez vous defaire?

Ne cherchez pas d'assasins

Дайте ему двух медиков,

Et qui'ils soient d'avis contrarie."

Эта профессиональная ревность всегда более кажущаяся, чем реальная. Помимо соперничества за общественное покровительство врачи - очень социальный класс людей, о чем свидетельствуют их многочисленные праздничные встречи. Мы устраиваем банкеты в честь святого Луки-врача и святого Пришествия после каждой диссертации, на юбилеях, при избрании декана и по многим другим поводам. Именно на этих братских встречах возрождаются старые чувства доброжелательности; наши мелкие ссоры только дисциплинируют медицинский организм и увеличивают величие факультета. Именно постоянное трение поверхностей заставляет сверкать настоящий профессиональный металл.

Когда мы слышим, как новые врачи, молодые выпускники, приносят клятву Гиппократу, мы не забываем, что основные статьи устава предписывают культивировать дружеские отношения, уважать старших членов профессии, проявлять благосклонность к молодым новичкам, сохранять профессиональную порядочность и доброту. Можно возразить, что банкеты не следует рассматривать как медицинские собрания, ведь там долго и громко смеются, выпивают много бамперов богатого бургундского, ведут веселые беседы, следуя знаменитому комплименту Мольера:

Salus, honor et argentum

Atque bonum appetitum.

Сегодня мы знаем многие из правдивых наставлений Салернской школы и их влияние на медицинские записи средневековья. Тогда, как и сейчас, врач сталкивался с постоянно растущей неблагодарностью пациента (*ad proccarendam oegrorum ingratitude*).

"Ученик Гиппократу часто встречается грубое лечение,

Платой за его неприятности становится низкая неблагодарность".

Когда пациент испытывает сильную боль, наступает подходящее время

Для проникательного, остроумного врача, чтобы сделать удачу.

Пусть он наживается на болях страдальца и собирает деньги,

Ведь муравей добывает себе пропитание на зиму, а пчела - мед на лето".

Однако наши древние друзья не испытывали жалости к шарлатанам. Они справедливо издевались над всеми медицинскими самозванцами, как мы читаем в наставлениях школы Салерно:

"Невежда, шарлатан глупый,
D'histrion imposteur, ou de Juif fourbe avide,
De sorciere crasseuse ou de barbier bavard,
De faussaire impudent, ou de moine cafard,
De marchand de savon, ou de avengle oculiste,
De baigneur imbecile, ou d'absurde alchimiste,
Pas d'heretique impur qui ne se targue, enfin,
Du beau titre, du nom sacre de medecin".

Изучение медицинской науки было далеко не в чести в Средние века. Лучшие представители профессии были скрыты в докторском святилище, окутанные теми тайнами, в которые никогда не проникнет обыватель и которые известны только посвященным.

Рекомендации относительно секретов нашего искусства адресованы всем молодым врачам в том знаменитом эпилоге, начинающемся:

"Gardez surtout, gardez qui'un profane vulgaire
К вашему искусству уваженья, не воспринимайте мистера;
Son eclat devoile perdrait sa dignite
D'un mystere connu decroit la majeste,"

Обратимся к Богу, верховному врачу, потребуем профессионального изгнания каждого врача, раскрывшего профессиональную тайну.

"Exsul sit medicus physicius secreta revelans".

ВЕЛИКИЕ ЭПИДЕМИИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ.

ЧУМА

Несколько великих эпидемий чумы уже опустошили мир: афинская чума в пятом веке до нашей эры; чума второго века, в царствование Марка Аврелия; чума третьего века, в царствование Галла; затем пришла самая ужасная эпидемия шестого века, известная под именем паховой чумы, которая, опустошив Константинополь, распространилась в Лигурии, затем во Франции и Испании. Согласно Прокопию, именно в 542 году эпидемия поразила весь мир и уничтожила почти весь человеческий род^[10].

"Она охватила всю землю, - говорит наш автор, - поражая все расы людей, не щадя ни возраста, ни пола; различия в жилищах, диете, темпераменте или занятиях любого характера не остановили ее опустошительного действия; она преобладала летом и зимой, фактически в любое время года".

"Она началась в городе Пелуза в Египте, откуда распространилась двумя путями: один через Александрию и остальной Египет, другой - через Палестину. После этого он охватил весь мир, продвигаясь всегда через регулярные промежутки времени и силы. Весной 543 года она вспыхнула в Константинополе и заявила о себе следующим образом:

"Многие жертвы верили, что видят духов усопших, реабилитированных в человеческом облике. Казалось, что эти духи появляются перед субъектом, на которого собираются напасть, и наносят ему удары по определенным частям тела. Эти явления предвещали наступление болезни. Справедливости ради следует отметить, что начало болезни не было одинаковым во всех случаях. Некоторые жертвы не видели явлений, а только видели их во сне, но все верили, что слышат призрачный голос, сообщающий о том, что их записали в список тех, кто должен умереть. Некоторые утверждают, что большее число жертв ни во сне, ни наяву не преследовали эти призраки и таинственный голос, который делал зловещие предсказания.

"Лихорадка в начале приступа наступала внезапно - у одних во время сна, у других во время бодрствования, у третьих во время работы. Их тела не меняли цвет, а температура была не очень высокой. Были заметны некоторые признаки лихорадки, но не было признаков острого воспаления. Утром и ночью жар был незначительным и не предвещал ничего серьезного ни для пациента, ни для врача, который считал пульс. Большинство из тех, у кого наблюдались подобные симптомы, не проявляли признаков приближающегося распада; но в первый день у некоторых, на второй день у других, а через несколько дней во многих случаях наблюдался бубон на нижней части живота, в паху или в складках подмышечной впадины, а иногда за ушами или на бедрах.

"Главные симптомы болезни при ее вторжении были такими, как я указал; в отношении остального ничего нельзя точно сказать о вариациях типа болезни в зависимости от темперамента; эти другие симптомы были только такими, которые были запечатлены Высшим Существом по его божественной воле.

"Некоторые пациенты погружались в состояние глубокой сонливости, другие становились жертвами неистового бреда. Те, кто находился в состоянии сонливости, оставались в пассивном состоянии, казалось, потеряв всякую память об обычных вещах. Если у них был кто-то, кто ухаживал за ними, они принимали пищу, когда им время от времени предлагали, а если за ними не ухаживали, то вскоре умирали от истощения. Бредовые пациенты, лишенные сна, были вечно преследуемы своими галлюцинациями; им казалось, что их преследуют люди, готовые их убить, и они стремились убежать от этих воображаемых врагов, издавая ужасные крики. Люди, подвергшиеся нападению во время ухода за больными, находились в самом плачевном состоянии - не то чтобы они были более подвержены заражению при контакте, однако, ведь медсестры и врачи не заражались от фактического контакта со страдальцами, так как некоторые из тех, кто обмывал и укладывал мертвых, никогда не заражались, а были совершенно здоровы на протяжении всей эпидемии; некоторые, однако, внезапно умирали без видимых причин. Многие медсестры были перегружены работой, не давая пациентам скатиться с кровати и не позволяя больным в бреду прыгать с высоких окон. Некоторые пациенты пытались броситься в проточную воду, но не для того, чтобы утолить жажду, а потому что потеряли рассудок. Со многими больными приходилось бороться, чтобы заставить их проглотить какую-нибудь пищу, которую они не принимали без большего или меньшего сопротивления. Бубоны ослабляли некоторых пациентов, которые не впадали ни в сон, ни в бред, но в конце концов поддавались своим жестоким страданиям.

"Поскольку об этой странной болезни ничего не было известно, некоторые врачи решили, что ее причиной является некий источник зла, скрытый в бубонах, и, соответственно, вскрыли эти железистые тела. При вскрытии бубона обнаруживались прилегающие к нему карбункулы, быстрое озлокачествление которых приводило к внезапной смерти или болезни, длившейся всего несколько дней. В некоторых случаях все тело было покрыто черными пятнами размером с фасолину. Такие несчастные редко проживали день, а обычно умирали в течение часа. Во многих случаях смерть наступала внезапно, с рвотой кровью. Одно я могу утверждать с полной уверенностью: самые мудрые врачи потеряли всякую надежду в случае многих пациентов, которые впоследствии выздоровели; напротив, многие погибли в тот самый момент, когда их здоровье было почти восстановлено. По всем этим причинам болезнь выходила за пределы человеческого разума, а исход всегда обманывал самые естественные прогнозы.

"Что касается лечения, то его эффект был непостоянным и зависел от состояния жертвы. Я могу заявить, что, по сути, не было найдено ни одного эффективного средства, которое могло бы предотвратить начало болезни или сократить ее продолжительность. Жертвы не могли сказать, почему на них напали, и как их вылечили.

"Беременные женщины, подвергшиеся нападению, неизбежно прерывали беременность, некоторые умирали во время выкидыша; некоторые доживали до конца беременности и умирали в родах вместе с младенцами. Известно только три случая, когда женщины выздоравливали от чумы после аборта; и лишь один случай, когда только что родившийся ребенок пережил свою мать во время этой эпидемии. Те, у кого бубоны быстрее всего увеличивались в размерах, созревали и нагноились, чаще всего выздоравливали, несомненно, по той причине, что злокачественные свойства бубонного карбункула были ослаблены или уничтожены.

"Опыт доказал, что такие симптомы почти наверняка предвещают возвращение к здоровью. Напротив, те, у кого опухоль не изменила своего вида с момента возникновения, подвергались нападению со всеми симптомами, которые я уже описывал. В некоторых случаях кожа высыхала и, казалось, таким образом предотвращала нагноение опухоли, хотя она могла быть хорошо развита. Некоторые были вылечены ценой потери силы языка, из-за чего жертвы до конца своих дней заикались и произносили слова сбивчиво и неразборчиво.

"Эпидемия в Константинополе продолжалась четыре месяца, три месяца из которых она бушевала с большой силой. По мере развития эпидемии смертность увеличивалась изо дня в день, пока не достигла 5 000 смертей в день, а в некоторых случаях доходила до 10 000 смертей за двадцать четыре часа".

Давайте пропустим это очень важное описание морального воздействия эпидемии на людей, сцены дикого и душераздирающего ужаса, любопытные примеры эгоизма и возвышенной преданности, примеры слепого суеверия, развившегося в огромном городе под влиянием страха и ужаса перед очень проблематичной инфекцией.

Схоластик Евагр, еще один греческий историк VI века, рассказывает в своих трудах о чуме в Константинополе. Он утверждает, что часто наблюдал, как люди, выздоравливающие после первого и второго приступа, впоследствии умирали при третьем приступе; кроме того, люди, прилетевшие из зараженной местности, часто заболевали после многих дней инкубационного периода, заболевая в местах своего убежища среди населения, свободного до этого времени от моровой язвы.

Проследивая развитие этой эпидемии от Востока до Запада, можно заметить, что она всегда начиналась в морских портах, а затем перемещалась вглубь страны. Болезнь переносилась на кораблях гораздо легче, чем в настоящее время, поскольку не существовало карантинных и пестушек для изоляции больных. Во Францию она попала по Средиземному морю. В 549 году чума поразила Галлию. "В это время, - пишет Григорий Турский, - болезнь, известная как паховая *болезнь*, опустошила многие районы, а провинция Арль была жестоко обезлюдена"[11].

Этот прославленный историк пишет в другом отрывке: "В этом году мы узнали, что город Нарбонна был опустошен *паховой болезнью*, столь смертоносной, что когда на человека нападали, он обычно умирал. Феликс, епископ Нанта, был поражен и, казалось, отчаянно болен. Когда лихорадка прекратилась, на его конечностях, покрытых гнойниками, появились прыщи. После наложения пластыря с кантаридами его конечности сгнили, и он перестал жить на семидесятом году жизни.

"Прежде чем чума достигла Оверни, она охватила почти всю остальную страну. Здесь эпидемия напала на людей в 567 году, и смертность была столь велика, что совершенно невозможно назвать даже приблизительное число умерших. Население погибало *массово*. В одно воскресное утро в часовне Святого Петра в Клермонте в ожидании отпевания насчитали триста тел. Смерть наступала внезапно; она поражала подмышечную впадину или пах, образуя язву, подобную змее, которая кусала так жестоко, что люди отдавали Богу душу на второй или третий день приступа, причем многие были настолько жестоки, что теряли рассудок. В это время Лион, Бурж, Шалон и Дижон почти обезлюдели от моровой язвы".

В 590 году города Авиньон и Вивье были жестоко опустошены паховой *болезнью*.

Однако в 587 году чума добралась до Марселя, куда ее доставило торговое судно из Испании, которое вошло в порт как очаг инфекции. Несколько человек, купивших товары на этом торговом судне, и все они, тем не менее, жили в одном доме, были унесены чумой в количестве восьми человек. Искра эпидемии сначала разгоралась не очень быстро, но через некоторое время страшный огонь чумы, медленно тлея, разгорелся в пламя, которое почти поглотило Марсель.

Епископ Теодорус уединился в одном из крыльев монастыря Сен-Виктор с небольшим количеством людей, которые оставались с ним во время чумы, и среди всеобщего опустошения продолжал молить Всемоущего Бога о милосердии, постом и молитвой до конца эпидемии. После двух месяцев затишья население города начало возвращаться, но чума появилась вновь, и большинство вернувшихся умерли. С тех пор чума неоднократно опустошала Марсель.

Англада[12], который, как и этот автор, черпает большинство своих цитат из Григория Турского, считает, что чума, опустошившая Страсбург в 591 году, была всего лишь той же паховой *болезнью*, которая опустошала христианство. В подтверждение своего утверждения он приводит отрывок из поэта-историка Клейнланда, переведенный доктором Буршем: "В 591 году по всей нашей стране была большая смертность, так что люди падали замертво на улицах, внезапно умирали в своих домах или даже на работе. Когда человек чихал, его душа вылетала из тела; отсюда и выражение при чихании: "Благослови тебя Бог!". А когда человек зевал, он совершал крестное знамение перед своим ртом".

Таковы имеющиеся у нас документы о великой эпидемии паховой чумы IV века, документы, предоставленные историками, которым обязана история медицины, а не авторами-медиками, которые не оставили никаких следов в тот период.

ЧЕРНАЯ ЧУМА.

Черная чума XIV века была более разрушительной, чем бубонная чума VI века и все другие эпидемии, наблюдавшиеся до сегодняшнего дня. За четыре года погибло более двадцати пяти миллионов человеческих существ - половина населения Земли. Как и все другие эпидемии, эта пришла с Востока - из Индии и, возможно, из Китая. Европа была захвачена с востока на запад, с юга на север. После Константинополя нападению подверглись все острова и побережья Средиземного моря, последовательно превратившиеся в многочисленные очаги болезни, из которых мор распространялся вглубь страны. Константинополь потерял две трети своего населения. Кипр и Каир насчитали 15 000 смертей. Флоренция отдала страшную дань болезни, смертность была настолько велика, что эпидемию часто называли "*Флорентийской чумой*"; "100 000 человек погибли", - говорит Боккаччо. Венеция потеряла 20 000 жертв, Неаполь - 60 000, Сицилия - 53 000, Генуя - 40 000, а в Риме умерших было бесчисленное множество.

В Испании, Германии, Англии, Польше и России болезнь была столь же смертельной, как и в Италии. В Лондоне на кладбищах похоронили 100 000 человек. То же самое было и во Франции. Авиньон за семь месяцев потерял 150 000 жителей, среди которых была прекрасная Лаура де Новес, увековеченная Петраркой, скончавшаяся от чумы в 1348 году в возрасте сорока одного года. В Марселе за один месяц умерло 56 000 человек; в Монпелье три четверти населения, включая всех врачей, сгинули во время эпидемии. В Нарбонне умерло 30 000 человек, в Страсбурге - 16 000 в первый год эпидемии. Не обошла стороной и Париж; *Chronique de Saint Denis* сообщает нам, что "в год Благодати 1348 началась вышеупомянутая смертность в королевствах Франции, которая продолжалась около полутора лет, увеличиваясь все больше и больше, пока Париж не терял каждый день 800 жителей; таким образом, число умерших там составило более 500 000 человек, а в городе Сен-Дени это число достигло 16 000"^[13].

Среди жертв были Жанна Бургундская, жена Филиппа VI; Жанна II, королева Наваррская, внучка Филиппа Красивого. В Испании умер Альфонс XI Кастильский. "К счастью, - пишет *Хроника*, - в течение нескольких лет после чумы плодовитость женщин была огромной, как будто природа хотела исправить разрушения, причиненные смертью". Симптомы и история этой чумы были описаны несколькими глазными свидетелями, среди которых Ги де Шолиак, знаменитый хирург и профессор в Монпелье, который оставил следующий рассказ на причудливом старофранцузском языке:

"Болезнь была такова, что никто никогда прежде не видел подобной смертности. Она появилась в Авиньоне в год Спасителя нашего 1348, на шестом году понтификата Климента VI, на службу к которому я поступил, благодаря его милости.

"Чтобы не разочаровать вас, я вкратце расскажу вам в назидание о появлении этой болезни.

"Она началась - вышеупомянутая смертность - в январе и продолжалась в течение семи месяцев.

"Болезнь была двух видов. Первый вид длился два месяца, сопровождаясь непрерывной лихорадкой и отхаркиванием крови. Однако эта разновидность умерла через три дня.

"Второй вид болезни, преобладавший в период эпидемии, также сопровождался непрерывной лихорадкой, апостумами и карбункулами на внешних частях тела, главным образом на подмышечных впадинах и в паху; все такие больные обычно умирали через пять дней".

"Болезнь была настолько заразительна, особенно та ее форма, при которой отмечалось отхаркивание крови, что человек заражался не только от пребывания с больными, но и, как иногда казалось, от созерцания болезни, так что люди умирали без своих слуг и хоронились без священников.

"Отец не навещал сына, а сын - отца. Благотворительность была мертва, а надежда исчезла.

"Я называю эпидемию великой, поскольку она покорила всю землю".

"Ибо мор начался на Востоке и оскалил свои клыки на весь мир, пройдя через Париж на Запад.

"Она была настолько разрушительной, что оставила после себя лишь четверть населения человечества.

"Это был стыд и позор для медицины, так как многие врачи не осмеливались посещать больных из страха заразиться; а те, кто посещал больных, делали мало исцелений и еще меньше гонораров, так как больные все умирали, кроме немногих. Немногие больные бубонами избежали смерти.

"Для сохранения не было лучшего средства, чем бежать от заразы, очищать себя пилюлями алоэ, уменьшать кровь флеботомией, очищать воздух огнем, успокаивать сердце сердобольными и яблоками и другими вещами с приятным запахом; утешать гуморы армянским бором и противостоять сухой гнили с помощью кислотных вещей. Для лечения чумы использовали кровопускания и опорожнения, элексиры, сиропы и сердечные средства, а наружные апостумы или опухоли присыпали вареным инжиром и луком, смешанными с маслом; после этого бубоны вскрывали и лечили обычными средствами от язв.

"Карбункулы очищали пиявками, скарифицировали и прижигали.

"Я, чтобы избежать позора, не смел отлучаться от ухода за больными, но жил в постоянном страхе, сохраняя себя как можно дольше с помощью вышеупомянутых средств.

"Тем не менее, к концу эпидемии я впал в лихорадку, которая продолжалась с апостемой в паху, и болел почти шесть недель, находясь в такой опасности, что все мои спутники считали, что я должен умереть; тем не менее, бубон был припудрен и вылечен, как я указал выше, и я выздоровел, благодаря воле Божьей".

Согласно записям того времени, многие люди умирали в первый же день своей болезни. Эти плохие случаи проявлялись сильной лихорадкой с цефалгией, головокружением, сонливостью, бессвязностью мыслей и потерей памяти; язык и нёбо были черными и коричневыми, выдыхая почти невыносимую фетовость. На других нападало жестокое воспаление легких с кровотечением, а также гангрена, проявлявшаяся черными пятнами по всему телу; если же, напротив, тело покрывалось абсцессами, у пациентов, казалось, оставался некоторый шанс на выздоровление.

Лекарства были бессильны, все средства казались бесполезными. Болезнь поражала богатых и бедных без разбора; она одолевала крепких и ослабленных; ее жертвами становились и молодые, и старики. При первых же симптомах пациенты впадали в глубокую меланхолию и, казалось, теряли всякую надежду на выздоровление. Эта моральная прострация усугубляла их физическое состояние, а психическая депрессия ускоряла

наступление смерти. Страх заражения был настолько велик, что лишь немногие посещали больных.

Духовенство, поощряемое Папой, посещало постели умирающих, которые завещали все свое состояние Церкви. Со всех сторон чума считалась наказанием, наложенным Богом, и именно эта идея побудила армии кающихся собираться на улицах, чтобы покаяться в своих грехах. Мужчины и женщины ходили полуголыми по улицам, бичуя друг друга плетьюми, и, приходя в отчаяние с наступлением ночи, совершали скандальные преступления. В некоторых местах евреев обвиняли в том, что это они отравили колодцы, поэтому евреев преследовали, иногда сжигали заживо фанатичные секты, известные как флагелланты, бегарды и турлупины, которых священники поощряли в их насильственных действиях, несмотря на вмешательство Климента VI.

Врачи не только были убеждены в заразном характере болезни, но и считали, что она может передаваться через взгляд и из уст в уста. Такие врачи обязывали своих пациентов закрывать глаза и рот куском ткани всякий раз, когда священник или врач посещал их постель. "*Cum igitur medicus vel sacerdos, vel amicus aliquem infirmum visitare voluerit, moneat et introducat aegrum suos claudere et linteamine operire.*"

Гийом де Машан, поэт и камердинер Филиппа Красивого, упоминает об этом факте в одном из своих стихотворений, а именно:

"Они не смели под открытым небом

Даже говорить укладкой,

Чтобы дыхание каждого не несло смерть.

Отравляя здоровье другого".

А в предисловии к "Декамерону" Боккаччо в свою очередь замечает: "Чума передавалась напрямую, как огонь к горючему веществу. Они часто заражались от простого прикосновения к больным, более того, не было необходимости даже прикасаться к ним. Опасность была одинаковой, если вы слушали их слова или даже если они смотрели на вас".

Одно можно сказать с уверенностью: те, кто ухаживал за больными, несомненно, заражались.

Все авторитеты Средневековья сходятся в своих утверждениях о заразном характере чумы. Правила и предписания, применяемые к больным, были варварскими и бесчеловечными. "Больные и здоровые люди из одной семьи, когда распространялась чума, - говорит Блэк,^[14] - содержались без различия в тесном заключении в своем доме, а на дверях дома был нарисован красный крест с печальной и отчаянной эпитафией: "*Dieu ayez pitie de nous!*". Никому не разрешалось покидать или входить в дом, пораженный чумой, кроме врача и медсестры или других лиц, уполномоченных правительством. Двери таких домов охранялись и оставались закрытыми до тех пор, пока все заключенные не умирали или не поправляли свое здоровье".

О том, какой ужас внушала чума, можно судить по мерам предосторожности, которые принимали врачи, ухаживая за больными. В своем трактате о чуме Моге описывает костюмы, которые носили те, кто подходил к постелям больных:

"Костюмы, - говорит он, - были из левантийского сафьяна, маска имела хрустальные глаза и длинный нос, наполненный тонкими духами. Этот нос был в виде рыла, с отверстиями по

одному с каждой стороны; эти отверстия служили дыхательными путями и были хорошо заполнены в передней части лекарствами, так что при каждом вдохе в них входил целебный воздух. Под плащом доктор носил также бусины из сафьяна; к ботфортам выше щиколотки прикреплялись тесно сшитые мосты; рубашка, шляпа и перчатки также были из мягкого сафьяна".

В таком облачении доктор напоминал современного водолаза, облаченного в купальный костюм из кожи.

Чтобы не тревожить население, все публичные упоминания о похоронах были запрещены. В постановлениях магистратов Парижа, принятых 13 сентября 1553 года, читаем: "А также объявляется, что вышеупомянутая палата запрещает по уставу всем глашатаям похорон и бурдюков, а также всем другим, в каком бы состоянии они ни находились, выставлять на продажу в любой церкви, домах, дверях или воротах этого города или на его улицах любую черную ткань или траурные принадлежности, используемые для похоронных целей, под страхом лишения их лицензий и имущества, а также конфискации всех товаров, особенно вышеупомянутых черных тканей."

Следует хорошо понимать, что великие эпидемии чумы в шестом и двенадцатом столетиях имели такой характер, чтобы наводить ужас на невежественное население. Повествования историков той эпохи свидетельствуют о том, что они были пропитаны суеверными представлениями древности. Нападение невидимого врага, удары которого сыпались направо и налево, парализовало и приводило в ужас каждого. "В разгар этой оргии смерти, - замечает Англада, - мысль о самосохранении поглотила все остальные чувства. Под влиянием этого эгоистического инстинкта человеческий разум беззащитно демонстрировал свою трусость, эгоизм и суеверие. Социальные связи были грубо разорваны, сердечные привязанности отброшены. Больных покидали родственники, все с ужасом бежали от чумного воздуха и контакта с ужасной болезнью. Трупы жертв эпидемии, брошенные без погребения, источали ужасный гнилостный запах и становились отправной точкой для новых очагов инфекции. Жесточайшее расстройство перечеркнуло все условия существования. Человеческие страсти бушевали бесконтрольно, голос авторитета больше не уважали, колеса цивилизации перестали вращаться".

Что касается других эпидемий чумы, которые периодически опустошали Францию с XIV по XVIII век, то мы располагаем лишь небольшим количеством исторических документов. В наши руки попал опус Пьера Сордеса, заболевшего чумой в 1587 году в возрасте двадцати лет и написавшего впоследствии трактат об этой эпидемии, который он посвятил кардиналу де Сурдису, архиепископу Аквитании.

В этой монографии автор пытается объяснить средства, которые в то время использовались для предохранения от заражения этой болезнью. "Избегайте всякого утомления, гнева, невоздержанности, слишком частого общения с женщинами, так как эти действия истощают наши силы и ослабляют наш дух. Следует одеваться в шерсть из Оверни и камзолы из Эскота". Кроме того, говорит наш автор, "следует благоухать одеждой лавром, розмарином, серпухой, марьяном, шалфеем, фенхелем, дудником, миррой и ладаном". Когда нужно было дезинфицировать помещение, "следует использовать фумигации из хорошего сухого сена. Не следует выходить рано, не поев и не выпив. Уши следует заткнуть ватой, надушенной мускусом, а во рту держать гвоздику или кусочек корня дягиля. В руке следует держать кусочек губки, смоченной в уксусе, который следует часто нюхать. На животе следует носить желудь, наполненный зыбучим серебром, и маленький мешочек с мышьяком.

Наконец, дважды в неделю следует принимать пилюлю, состоящую из алоэ, мирры и шафрана".

Несмотря на все эти меры предосторожности, на Пьера Сордеса напала чума; в левом паху у него появился пузырь, который причинял ему острую боль и к которому он приложил "*un emplastre de diachyllum cum gummis*", а затем волдырь. Не имея возможности добиться разрешения, чувствуя упадок сил и замечая, что все его тело "покрыто черными шишками и пятнами, роковыми прогностическими признаками для всех, кто отмечен таким образом, я позвал хирурга, последнего, кто остался в живых, и он принес свой каутеризатор и проткнул им апостум. После этого лихорадка мало-помалу исчезла, и через восемь дней после применения вышеупомянутого прижигания я совершенно выздоровел, за исключением того, что, прочитав в черновике "Трактат о чуме" Бартаса, я вызвал новый приступ лихорадки, который едва не унес меня с собой".

"Таков мой опыт в Фигеаке в 1587 году, когда чума уничтожила 2500 человек, со всеми бедами и несчастьями, о которых можно прочесть в греческих и римских историях."

LE MAL DES ARDENTS.

В конце X века в Европе появилась новая эпидемия, последствия которой наводили ужас на жителей Запада; эта болезнь была известна под названиями *mal des ardents*, священный огонь, огонь святого Антония, огонь святого Марцелла и адский огонь.

Эта великая эпидемия Средневековья рассматривается многими современными авторами как одна из форм эрготизма, несмотря на противоположные выводы, к которым пришла комиссия 1776 года, состоящая из таких людей, как Жюссье, Пауле, Сайлант и Тейсье, которым Королевское общество поручило представить доклад о природе болезни. Согласно работе этой комиссии, *mal des ardents* была разновидностью чумы, с бубонами, карбункулами и петехиальными пятнами, а огонь святого Антония был всего лишь гангренозным эрготизмом. Это замечательный пример путаницы, в которую попали научные факты по вине небрежных авторов. Именно в таких случаях мы можем оценить важность истории. В "Хрониках Фродоарда", написанных в 945 году, мы находим следующее: "В 945 году, во время истории Парижа и его многочисленных пригородных деревень, болезнь под названием *ignis plaga* поразила конечности многих людей и поглотила их целиком, так что смерть вскоре завершила их страдания. Лишь немногие выжили, благодаря заступничеству святых, и даже значительное число людей было исцелено в церкви Нотр-Дам де Пари. Некоторые из них, считая себя вне опасности, покинули церковь; но вскоре огонь чумы разгорелся вновь, и они спаслись, только вернувшись в Нотр-Дам".

Совель, переводчик Фродоарда, отмечает, что в эту эпоху церковь Нотр-Дам служила госпиталем для больных, подвергшихся эпидемии, и иногда вмещала до шестисот пациентов.

Другой историк того времени, Рауль Глабер,^[15] упоминает, что "в 993 году среди людей царил убийственный недуг. Это был своего рода скрытый огонь, *ignis occultus*, который поражал конечности и отделял их от туловища после того, как сжигал члены. У некоторых пожирающее действие этого огня происходило за одну ночь.

"В 1039 году, - продолжает наш автор, - божественное возмездие вновь обрушилось на человеческую расу с ужасающим эффектом и уничтожило многих жителей мира, поражая в

равной степени богатых и бедных, аристократов и крестьян. Многие люди лишились конечностей и волочились по земле в качестве примера для тех, кто шел за ними".

В "*Хронике Франции* от начала монархии до 1029 года"[16] монах Адемар говорит об эпидемии в следующих выражениях: "В эти времена язвенный огонь (*pestilential ignis*) напал на население Лимузена; бесконечное число людей обоих полов было сожжено невидимым огнем".

Михаил Фелибьен, бенедиктинский монах из Сен-Мора, также оставил заметки об эпидемии гангрены. В своей "*Истории Парижа*" он пишет: "В том же 1129 году Париж, как и вся Франция, был поражен *болезнью пылких*. Эта болезнь, хотя и известная по смертности, которую она вызвала в 945 и 1041 годах, была тем более ужасной, что от нее, казалось, не было никакого средства. Масса крови, уже испорченная внутренним жаром, который пожирал все тело, выталкивала свои жидкости наружу в опухоли, которые перерастали в неизлечимые язвы и таким образом убивали тысячи людей".

Мы могли бы привести еще много цитат, взятых из древних писателей, но мы думаем, что процитировали достаточно авторов, чтобы доказать, что *mal des ardents* была всего лишь чумой, спутанной с симптомами, известными как гангренозный эрготизм. Не могла ли это быть чума гангренозного типа? Однако мы не можем с уверенностью утверждать, что она не была связана с отравлением *сфацелией*, развивающейся в зерне, особенно во ржи. Заболевание начиналось внезапно и часто очень быстро заканчивалось летальным исходом. У *пылкой лихорадки* не было продрома с общими симптомами и выраженными периодами, как при гангренозной эрготизме, но, напротив, она имела нерегулярное течение, быстро развиваясь, "пожирая, - как говорит Мезерей, - ноги, руки, лицо и интимные части, начинаясь, как правило, в паху".

ВСПЫШЕЧНЫЕ ЛИХОРАДКИ ШЕСТОГО ВЕКА - ВЕТРЯНАЯ ОСПА, КОРЬ, СКАРЛАТИНА.

До шестого века, страшного периода чумы, о вспышечных лихорадках никто не слышал. Оспа, корь и скарлатина были неизвестны древним. Ни Гиппократ, ни Гален, ни один из греческих врачей, практиковавших в Риме, не упоминают об этих болезнях. Историки и поэты Греции и Италии, которые много писали на медицинские темы, хранят молчание по этим трем великим вопросам патологии. Некоторые авторы пытались вымучить тексты, чтобы пролить свет на заразные экзантемы, но им не воздалось за свежую фантазию.[17] Сегодня признается, что эруптивные лихорадки - сравнительно новые заболевания, появившиеся в Средние века.

Первый документ, которым располагает история медицины на этот счет, оставлен Мариусом, епископом Авентикума в Швейцарии, который в своей хронике пишет: "*Anno 570, morbus validus cum profluvio ventris et variola, Italiam Galliamque valde affecit*"[18].

Десять лет спустя Григорий Турский описал симптомы новой болезни в следующих выражениях:[19]

"На пятом году правления Чилдеберта, в 580 году, область Овернь была затоплена наводнением и многочисленными погодными катаклизмами, за которыми последовала ужасная эпидемия, захватившая всю Галлию. У заболевших наблюдались сильные лихорадки, сопровождавшиеся рвотой, сильными болями в районе почек, тяжестью в голове и шее. Отвергаемая желудком материя выглядела желтоватой и даже зеленой, и многие считали, что это какой-то тайный яд. Крестьяне называли гнойники кораллами.[20] Иногда

после прикладывания чашек к плечам или конечностям появлялись волдыри, которые, когда их разбивали, выделяли целебное вещество, что нередко спасало пациента. Очень эффективными были и напитки, приготовленные из симплов для борьбы с действием яда.

"Эта болезнь, начавшаяся в августе, поражала всех маленьких детей и уносила их с собой".

"В те дни Чилперик также серьезно пострадал, и когда король начал выздоравливать, его младший сын заболел этой болезнью, и когда его состояние стало очевидным, его окрестили. Вскоре после этого ему стало лучше, и тут на его старшего брата по имени Хлодоберт напал недуг. Принца положили в лохань и повезли в Суассон, в часовню святого Медарда; там он приложился к гробнице доброго святого и дал ему обет выздоровления, но, очень слабый и почти бездыханный, он отдал Богу душу среди ночи.

"В те дни от этой болезни умерла и Австрильда, жена короля Гонтрана, а Нантин, граф Ангулемский, тоже поддался тому же недугу: его тело стало настолько черным, что казалось, будто в нем прокалили древесный уголь."

Григорий Турский в другой главе рассказывает:

"В год правления короля Чилдеберта, 582, разразилась очередная эпидемия; она сопровождалась черноватыми пятнами злокачественного характера, гнойниками и пузырьками, и унесла множество жертв.

"Турень была жестоко опустошена этой болезнью. Пациент, на которого нападала лихорадка, вскоре покрывал поверхность тела везикулами и мелкими пустулами. Везикулы были белыми и очень твердыми, без малейшего элемента мягкости, и сопровождалась сильной болью; достигнув зрелости, они лопались и позволяли выходить находящемуся в них содержимому. Прилипание их к одежде тела значительно усиливало боль. Медицинское искусство было совершенно бессильно перед этим недугом, по крайней мере, когда Бог не приходил на помощь врачу.

"Жена графа Эборина, на которую напала эта болезнь, была так покрыта пузырьками, что ни рука, ни подошва ноги, ни какая-либо часть тела не освобождались; даже глаза ее оставались закрытыми. Вскоре после прекращения лихорадки пустулы спали, и пациентка выздоровела, не испытывая больше никаких неудобств".

Значит, оспа пришла с Востока - этого вечного центра всех язв и проклятий. Начиная с седьмого века армии сарацин распространяли болезнь повсюду, где они проходили - в Сирии, Египте и Испании; в свою очередь, крестоносцы, возвращаясь из Святой земли, приносили болезнь во Францию, Англию и Германию. Отсюда начались великие эпидемии XII и XIII веков, после которых оспа приобрела характер эпидемии, появляясь и исчезая без всякой причины, но всегда уничтожая мириады жертв. "В 1445 году, - пишет Совель, - с августа по день святого Андрея (30 ноября) в Париже от оспы умерло более 6000 младенцев".^[21] Врачи не знали ни природы, ни лечения новой болезни.^[22]

Корь впервые была отмечена в то же время, что и оспа, и впервые проявилась в виде эпидемии в шестом веке.

Более чем вероятно, что корь зародилась в Египте, и, по словам Борсиери, она настолько распространилась по Западной Европе, что было мало людей, которые не страдали от ее приступов. История кори, однако, менее четко определена, чем история оспы, хотя Англада говорит, что она фигурировала среди *пятнистых заболеваний*, о которых говорит Григорий Турский.^[23] Но только в XVI веке Проспер Марциан точно описывает эту болезнь.

Марциан говорит: "Это болезнь особого типа, свойственная детям, которые могут избежать ее не больше, чем оспы. Начинается она с сильной лихорадки, за которой к третьему дню следует высыпание мелких красных пятен, которые постепенно увеличиваются, делая кожу шершавой на ощупь. Лихорадка длится до пятого дня, а когда она прекращается, папулы начинают исчезать".

Корь в средние века обозначалась названием *Morbilli*, что означало мелкую чуму, так же как *Morbus* - особую чуму. Справедливо предположить, что тогда вид заболевания был не более серьезным, чем в наши дни.

Вероятно, корь шестого века включала в себя одновременно оспу, корь и скарлатину, дифференциальный диагноз которых древние не проводили. Ангела утверждает существование всех форм эруптивных лихорадок и приводит следующие доводы:

"Одновременное появление вариолы и краснухи представляет собой первое проявление эпидемической конституции, возникшей в результате совокупности неизвестных по своей природе, но проявляющихся по своим последствиям воздействий. С тех пор земля была подготовлена к приему скарлатины, и вскоре она принесла свои зловещие плоды. В трудах арабской школы мы встречаем некоторые упоминания о скарлатине, но это лишь подозрения и неясные указания. Но если вспомнить, как трудно поначалу поставить диагноз между ветряной оспой и корью, то мы не удивляемся нерешительности, проявленной при добавлении еще одного экзантематозного заболевания к медицинскому инкогнито. Только после бесчисленных наблюдений и опыта нескольких столетий третья новая болезнь получила свое нозологическое крещение. Ничто не доказывает, что она не сотрудничала с более ранними эпидемиями вариолы и краснухи, оставаясь, однако, неотличимой от них по типу".

Что ясно доказывает, что существовала путаница между различными лихорадками *exanthemata*, так это то, что Инграссиас описывает скарлатину в 1510 году под названием *розалия*, добавляя: "Некоторые считают корь и *розалию* одним и тем же заболеванием; что касается меня, то я неоднократно определял их различия. *Nonnulli sunt qui morbillos idem cum rossalia esse existimant. Nos autem soepissime distinctos esse affectus, nostrismet oculis, non aliorum duntaxat relationi confidentes inspeximus.*"[24]

Эти факты кажутся достаточно убедительными, чтобы признать, что корь и скарлатина, как и ветряная оспа, являются продуктами эпидемической конституции, развившейся в шестом веке, как современники бубонной чумы, и все эти болезни представляют собой медицинскую конституцию первых веков Средневековья.

ПОТЛИВАЯ БОЛЕЗНЬ АНГЛИИ.

Название "потливая болезнь" было дано великой эпидемии лихорадки, которая появилась в Англии в пятнадцатом веке, а затем распространилась по континентальной Европе. Эта эпидемия вспыхнула в сентябре 1486 года в армии Генриха VII, стоявшей лагерем в Уэльсе, и вскоре достигла Лондона, распространившись по Британским островам с ужасающей быстротой. Ее появление было тревожным, и за время ее действия, которое длилось всего месяц, она принесла значительное число жертв. "Она была настолько ужасной и острой, что на памяти человека никто не видел ничего подобного".

Эта эпидемия вновь появлялась в Англии в 1513, 1517 и 1551 годах. Ей предшествовала очень влажная погода и сильные ветры. Смертность была огромной, больные часто умирали

в течение двух часов; в некоторых случаях уносилась половина населения города. Эпидемию 1529 года можно назвать только убийственной; король Генрих VIII подвергся нападению и едва избежал смерти. Перелетая из деревни в деревню, дворяне Англии платили огромную дань Королю Ужасов. Посол Франции в Лондоне М. дю Белле, писавший 21 июля 1529 года, отмечает: "В тот день, когда я посетил епископа Кентерберийского, восемнадцать человек из его окружения умерли за несколько часов. Я был единственным, кто остался, чтобы рассказать об этом, и до сих пор далеко не выздоровел".

В том же году потливая болезнь распространилась по всей Европе. Она произвела ужасные опустошения в Голландии, Германии и Польше. На знаменитом синоде Лютера и Цвингле, состоявшемся в Марбурге, реформатские священнослужители, охваченные страхом смерти, молились об избавлении от моровой язвы. В Аугсбурге за три месяца заразились восемнадцать тысяч человек, четырнадцать сотен умерли.

Эпидемия не дошла до Парижа, но развилась на севере Франции и в Бельгии. Мезьерэ упоминает об этом факте в следующих выражениях: "В этом году (1529) появилась некая болезнь, начавшаяся в Англии. Она имела заразный характер, перешла из Франции в Нижние страны и таким образом распространилась по большей части Европы. Больные обильно потели; именно по этой причине болезнь получила название *"английский пот"*. Сначала был сильный озноб, затем очень высокая температура, которая уносила пациента за двадцать четыре часа, если не принять срочных мер".

Фернель, врач Генриха II, практиковавший в Париже, также рассказывает об этой потогонной болезни в одном из своих трудов[25]. Он говорит: *"Febres sudorificae quae insolentes magno terrore in omnem inferiorem Germaniam, in Galliam, Belgicam, et in Britanniam ab anno Christi millesimo quingentesimo vigesim autumno potissimum pervagatae sunt."*

Он преобладал почти всегда летом и осенью, особенно когда погода была влажной и туманной. В отличие от других эпидемий, было замечено, что слабые и бедные люди, старики и младенцы подвергались нападению не так часто, как крепкие люди и люди, живущие в достатке.

Симптомы, отмеченные врачами, такими как Кайе и Бэкон, можно разделить на три различных периода: 1. Период озноба, характеризующийся болями и мучениями в конечностях, необычайной протрацией физических сил - дрожащий, трясущийся период. 2. Период потливости, которому предшествовали жгучий жар по всему телу и неутолимая лихорадочная жажда. Пациенты были возбуждены, охвачены ужасом и отчаянием. Многие жаловались на спазмы в желудке, за которыми иногда следовали тошнота и рвота, удушье и боли в пояснице - постоянный симптом - головная боль, учащенное сердцебиение и прекордиальная тревога. 3. Этот период сопровождался сильным бредом, иногда бормочущим, иногда болтливым; фекальным запахом пота, неровным пульсом, комой, и в последнем случае всегда наступала смерть.

Продолжительность болезни чаще всего составляла несколько часов, редко превышала сутки, независимо от того, был ли конец благоприятным или смертельным.

Выздоровление всегда было долгим, часто осложнялось диареей или водянкой. В связи с этим было замечено, что болезнь можно спутать с милиарной потницей, наблюдаемой в Пикардии и центральной Франции, но при первом заболевании не наблюдалось кожных высыпаний. Фернель четко подтверждает это утверждение, говоря: "При этом заболевании нет ни карбункула, ни бубона, ни экзантемы, ни экземы, а просто повышенная секреция пота".

Такова была потливая болезнь шестнадцатого века, которая принесла так мало жертв во Франции, но уничтожила так много людей в Англии и Германии. Происхождение этой болезни, а также ее природа часто обсуждались, но все теории, выдвигаемые различными авторами, относятся к доктринам других времен и слишком устарели, чтобы их переделывать. Мы довольствуемся тем, что классификация периодов, сделанная нами, логична, и рассматриваем потливую болезнь XV века как пагубную лихорадку, в которой преобладала стадия потливости, ставшая характерным симптомом заболевания.

СКУРВИ.

Многие полагают, что Гиппократ описал цингу под названием *увеличенной селезенки* - заболевание, приписываемое употреблению застойной воды и характеризующееся воспалением десен, запахом изо рта, бледностью лица и язвами на нижних конечностях. Но изучение этого отрывка из книги Гиппократа заставляет нас думать, что эти симптомы были скорее характерны для золотухи, чем для цинги. Перечисление Плинием болезней римских солдат во время экспедиции в Германию, похоже, указывает на цингу, которая, по утверждению Козлия Аврелиана, а за ним и арабских врачей, представляет лишь незначительную аналогию с этим заболеванием.

Спрингер считает, что первые следы цинги мы можем найти в экспедиции норманнов в Винланд, в первые годы одиннадцатого века. Признавая, что люди под командованием Эрика Торстейна были вынуждены зимовать на западных берегах Винланда и почти все погибли от эндемической болезни этой страны, он доказывает, что это было не что иное, как цинга, хотя единственное значение этого слова в датском языке - язва во рту.

Кроме того, у нас есть еще один документ, имеющий большую аутентичную ценность, - доказательство, переданное нам самым ранним и лучшим летописцем Средневековья, Жоанвилем, другом и спутником Святого Людовика в его крестовом походе в Палестину. В своих мемуарах он очень кратко описывает эпидемию голода и цинги, которая напала на французскую армию на берегах Нила в 1248 году, сразу после битвы при Мансуре. Жоанвиль отмечает: "После двух упомянутых сражений начались большие бедствия в армии; по истечении девяти дней тела наших мертвых солдат поднялись на поверхность воды (их ткани были испорчены и сгнили), и эти трупы приплыли к месту между двумя нашими лагерями (короля и герцога Бургундского), в точке, где мост касался воды. Их было убито так много, что огромная толпа трупов плыла по течению на большое расстояние. Тела убитых сарацин были ужасны; армейские слуги открыли часть моста и позволили мертвым неверным плыть вниз по реке, а мертвых крестоносцев они хоронили в больших ямах, вырытых в земле. Среди прочих трупов я видел тело камергера графа д'Артуа, а среди убитых - многих других друзей.

"Единственная рыба, которую мы ели в течение четырех месяцев, была из разновидности, называемой *барбус*, и эти *барбусы* питались трупами, и по этой причине и из-за других бед страны, где никогда не выпадало ни капли дождя, в наше войско вошла болезнь такого рода, что плоть на конечностях высохла, кожа на ногах стала черной и похожей на старые кожаные сапоги, и многие больные гнили в паху; и все, у кого был последний из названных симптомов, умерли. Другим признаком смерти было кровотечение из носа".

Рассказ Жоанвиля не оставляет сомнений в характере эпидемии, напавшей на крестоносцев. Здесь мы имеем наглядное представление о слабости, кровоизлияниях, синюшном экхимозе кожи, грибковом поражении и кровоточивости десен, которые характеризуют болезнь, известную как цинга.

Согласно трудам некоторых немецких врачей XV века, этот недуг был эндемичен в септентральных частях Европы на берегах Балтийского моря. В Голландии наблюдались многочисленные эпидемии цинги среди низших слоев населения, что совпадало с плохими условиями общественной гигиены. Пища, состоящая из соленого и копченого мяса, жилища, расположенные на болотистой местности, холодная атмосфера, наполненная туманами, и т.д. и т.п.

Это была та же самая болезнь, которая атаковала наши колонии в Канаде, но в то время мы не имели представления о терапевтических показаниях в таких чрезвычайных ситуациях и приводим в качестве доказательства замечательное наблюдение, записанное в журналах Картье на его судах во время его пребывания в Канаде: "Болезнь началась среди нас любопытным и неизвестным образом; некоторые пациенты лишились плоти, их конечности почернели и распухли, как уголь, а некоторые покрылись кровавыми пятнами, как пурпура; После чего болезнь проявилась на бедрах, ляжках, руках и шее, и у всех рот был заражен и прогнил в деснах, так что вся плоть отвалилась до корней зубов, которые тоже чаще всего выпадали; и так ужасна была эта чума, что на трех моих кораблях к февралю из команды в сто с лишним человек осталось только десять здоровых.

"Поскольку болезнь была нам неизвестна, капитана кораблей попросили вскрыть несколько тел, чтобы узнать, сможем ли мы обнаружить поражение и таким образом защитить оставшихся в живых. Мы обнаружили, что сердца умерших были белыми и увядшими, окруженными розовым выпотом; печень была здоровой, но легкие черными и омертвевшими, и вся их кровь уходила в сердечную сумку. Селезенка также была повреждена на протяжении примерно двух пальцев, как будто ее натерли грубым камнем".

В этом грубо сделанном вскрытии[26] действительно можно обнаружить большинство признаков золотухи: глубокое изменение крови и вытекание жидкости в некоторые внутренности, что указывает на уменьшение количества фибрина и числа глобулинов, изменения, которые также объясняют склонность к кровоизлияниям, наблюдаемую в очень серьезных случаях цинги.

ЛЕПРОЗИЯ.

Проказа - это болезнь, зародившаяся на Востоке; Египет и Иудея были основными центрами заражения. Именно возвращение экспедиции в Палестину под командованием Помпея завезло эту болезнь в Италию. В первые годы христианской эры она упоминается Цельсом, который советовал лечить ее потоотделением, которому способствовали паровые ванны. Спустя несколько лет Аретей использовал в лечении геллебору, серные ванны и плоть гадюк, принимаемую в пищу; этот метод лечения переняли и другие, например, Муса и Архигенес.

Во втором веке болезнь была в Галлии; Соран лечил прокаженных Аквитании, которых было много[27].

Согласно Велли, проказа была распространена во Франции в середине VIII века, когда Николас, аббат Корбейля, построил больницу для прокаженных, которая не была особо посещаемой до крестовых походов XI-XIV веков. В этот период число прокаженных, или *ладров*, - название, данное несчастным в память об их святом покровителе, святом Лазаре, - стало настолько велико, что каждый город и деревня были обязаны построить дом прокаженных, чтобы изолировать больных. При Людовике VIII таких больниц было 2 000, позже число таких убежищ достигло 19 000.

Согласно историкам того времени, если человек подозревался в том, что он прокаженный, он не мог вступать в социальные отношения без полного заявления о том, какова истинная природа его болезни. Без этой предосторожности его действия были недействительны, начиная с капитулярия Пипина, который расторгал все брачные контракты с прокаженными, и заканчивая законом Карла Великого, запрещающим им общаться со здоровыми людьми. Страх перед заразой был настолько велик, что в местах, где не было проказы, строили небольшие домики для тех, кто мог подвергнуться нападению; эти домики назывались *bordes*.^[28] Жертвы получали серую мантию, шляпу и кошелек, а также *tartarelle*, разновидность погремушки, или маленький колокольчик, которым они предупреждали всех прохожих, чтобы те не приближались. Кроме того, на дальней стороне дороги ставили чашу, в которую все желающие могли бросить милостыню, не приближаясь к прокаженному.

Благодаря щедрости королей, вельмож и народа дома прокаженных мало-помалу обогащались, и быть прокаженным стало не так бесчеловечно и ужасно, как вначале.

Однако прокаженные были вынуждены подчиняться суровым полицейским правилам. Им запрещалось под страхом жесточайших наказаний вступать в половые отношения со здоровыми людьми, поскольку такая близость считалась самым опасным способом передачи заразы. После попадания в дом прокаженных жертва считалась мертвой по гражданским законам, и, чтобы больные лучше понимали свое положение, священнослужители провожали их до убежища так же, как на похороны, бросая на них кладбищенскую пыль и говоря при этом: "Не входите ни в какой дом, кроме своего убежища. Когда вы разговариваете с посторонним человеком, встаньте с подветренной стороны. Когда просишь милостыню, издавай звук своей трещотки. Не выходите далеко из убежища без одежды прокаженного. Ты не должен пить из колодца или источника, кроме как на своей территории. Не передавайте тарелки и чашки, не надев предварительно перчатки. Вы не должны ходить босиком, не должны ходить по узким улицам, не должны прислоняться к стенам, деревьям или дверям, не должны спать на краю дороги" и т. д.

После смерти их хоронили на кладбище прокаженных вместе с их собратьями по несчастью.

Отделенные от общества, эти изгои, живя вместе, иногда воспроизводили свой собственный вид и заканчивали свои дни в самой страшной кахексии, вызывая лишь презрение, брезгливость и отвращение у здоровых людей.

Правда, каждый раз, когда власти ослабляли санитарные меры - например, полностью изолировали больных, - количество прокаженных увеличивалось. Когда это наблюдалось, старинные предписания вновь неукоснительно соблюдались. Так, в 1371 году парижский губернатор издал указ, предписывающий всем прокаженным покинуть столицу в течение пятнадцати дней под страхом тяжелых телесных и материальных наказаний; в 1388 году всем прокаженным запрещалось въезжать в Париж без специального разрешения; в 1402 году это ограничение было возобновлено "под страхом быть схваченным палачом и его помощниками и содержаться в течение месяца на диете из хлеба и воды, а затем вечного изгнания из королевства". Наконец, в апреле 1488 года было объявлено, что "все лица, пораженные этой отвратительной, очень опасной и заразной болезнью, известной как проказа, должны покинуть Париж до Пасхи и удалиться в свои больницы со дня издания этого эдикта под страхом заключения на месяц на хлебе и воде, а если у них есть имущество, то ареста их домов и драгоценностей и произвольного телесного наказания; им разрешалось, однако, посылать вещи на слугам, если последние находятся в здравии".

Из этого мы можем понять, как в разные эпохи этих несчастных обвиняли в ужасных преступлениях, в том числе в отравлении рек, колодцев и фонтанов. В связи с этим

обвинением, пишет автор "*Словаря французов*", Филипп Длинный сжег на костре некоторое количество этих несчастных дьяволов и конфисковал их богатства, передав их Мальтийскому ордену и Сен-Лазару.

Историки и хронисты одиннадцатого и двенадцатого веков часто обозначали человека, пораженного проказой, именами *mesel*, *mezel*, *meseau* или *mesiaus*. Между тем Барбазин утверждает, что необходимо провести различие [29].

Мезель, по мнению Барбазина, - это человек, покрытый язвами и язвами, в то время как прокаженный - это бесчувственный человек. Он считает, что *мезелье* в основе своей было иным заболеванием, чем проказа, и что эти две болезни ошибочно смешивают. "Они оба служили, - говорит он, - для обозначения страшной болезни, которая считается самой опасной из всех недугов".

В подтверждение этого утверждения Барбазина мы нашли в романском языке несколько документов, убедительно подтверждающих этот тезис. Они представляются более интересными, поскольку до сих пор не были известны медицинской литературе, как, например:

"Сенешаль, я спрашиваю вас, сказал он (Людовик Святой), что вы любите больше: быть ли вам *мезией* или совершить смертный грех; и я, который никогда не лгал, ответил, что скорее совершу тридцать смертных грехов, чем буду *мезией*". (Joinville, *Histoire de Saint Louis*.)

Проказа, однако, не была абсолютной причиной для развода, как мы видим из следующего отрывка: "Мужчина может оставить жену только за блуд, а не только за проказу, и прокаженные могут жениться; и можно отменить брак, если муж стал прокаженным, и то же самое можно сказать о невесте".

В том же манускрипте приводится еще один аналогичный факт, свидетельствующий о недействительности брачного акта по причине *мезеллерии*, осложненной импотенцией или бесплодием.

"Женщина, которая из-за импотенции потеряла то, что ей необходимо, так что он не может с ней сожительствовать, по причине того, что он *mesiaus*, может выйти замуж за другого, сказав, однако, последнему, что первый, за которого она вышла замуж, ничего не стоит, даже младенца, поскольку он не может сожительствовать; что ничто не может помешать ни сожительству в браке, ни рождению детей".

Лица, подвергшиеся нападкам *мезельера*, в действительности находились вне поля зрения закона. Ведь мы читаем в "*Кутюме де Бовуазис*", сар. 39, что "*mesiaus* не должны привлекаться в качестве свидетелей, поскольку обычай не позволяет им участвовать в разговоре господ".

"Вторая причина заключается в том, что, когда *мезиас* вызывает здорового человека или когда здоровый человек вызывает *мезеля*, *мезиас* может оправдываться тем, что он находится вне сферы действия мирского закона и не может нести ответственность в таком случае".

Кроме того, эти несчастные не могли ни наследовать, ни распоряжаться собственным богатством при жизни. Об этом свидетельствует следующий отрывок из "*Древних обычаев Нормандии*", а именно:

"Мезель не может быть наследником человека с момента развития его болезни, но он может иметь пожизненную долю, как если бы он не был мезелем".

Как и многие другие болезни, проказа проявляла себя в разных формах и с разной степенью тяжести, о чем свидетельствует следующий отрывок из книги *Le Pelerinage de l'humaine lignee*:

"Хомс, не умеющий хорошо различать

Между здоровьем и болезнью,

Entre le grant mesellerie

Entre le moienne et le meure".

О притяжении различных форм проказы упоминала и арабская школа, в частности Авиценна, который видел множество случаев, осложненных изъязвлениями половых органов; также англичанин Гилберт, писавший в XIII веке о существовании нескольких видов проказы, которые не всегда можно было легко отличить из-за неопределенности их симптомов. Что касается ее конституционального характера, то мы располагаем словами сирийца Джалиаха ибн Серапиона, который приписывает ее связь с преобладанием определенных гуморов; наконец, Валеск из Тарентума настаивает на наследственности болезни.

Проказа, свиная корь и мезеллерия были тогда лишь клиническими формами одного заболевания заразной природы - наследственной болезни, симптомы которой последовательно проявлялись на коже, в слизистых оболочках, в кишечнике и в нервной системе. Затем требовался диатез, который по своему развитию сильно напоминал сифилис, с которым его часто путали.

Врачи больниц для прокаженных оставили после себя большое количество медицинских документов, касающихся характеристик этого заболевания, но их наблюдения настолько запутаны, что мы можем только заключить, что они считали все кожные заболевания принадлежащими к одному и тому же конституциональному пороку.

Тем не менее, они распознали *ladrerrie* (болезнь, возникающую от жареной свинины) по следующим симптомам, которые были описаны Ги де Шольяком:

"Веки и брови опухшие, выпадение ресниц и бровей, которые заменяются более тонкими волосами; изъязвление перегородки носа, запах озона, гранулированный язык, едкое дыхание, болезненное дыхание, утолщение и твердость губ, с трещинами и синюшностью их; десны опухшие и изъязвленные; пушистые чешуйки в волосах, пурпурное лицо, неподвижное выражение, отвратительный вид; лоб гладкий и блестящий, как рог; пустулы на лице; вены на груди сильно развиты; грудь твердая."

"Тонкость мышц рук, особенно большого и указательного пальцев; синюшность и растрескивание ногтей; холод конечностей; наличие серпигинозных высыпаний; нечувствительность ног, скопления наростов вокруг суставов; под воздействием холода на кутисе появляются возвышения, делающие его похожим на гусиную кожу".

"Ощущение укалывания, изъязвления на коже; сон беспокойный, обильное потоотделение; слабый пульс, неприятный запах крови, которая на ощупь вязкая и маслянистая, а после сожжения - зернистая, также фиолетово-черного цвета".

Заразность проказы при половых связях была замечена врачами при больницах и стала предметом полицейских ограничений со стороны государственных санитарных чиновников. Так, в XIII веке знаменитый Роджер Бэкон, прозванный восхитительным врачом, писал, что связь с прокаженной женщиной может очень серьезные последствия. Это мнение было подтверждено врачом Оксфордского университета, его современником Джоном из Гадсена, а также наблюдениями Бернарда Гордона, знаменитого врача из Монпелье. Всем нам известна история графини, которая приехала лечиться от проказы в Монпелье, когда бакалавр медицины, которому было поручено перевязать ее язвы, отчаянно влюбился в прокаженную даму и от своих *похождений* заразился тяжелой кожной болезнью.

В этот период проказа уже начала принимать выраженный венерический характер, и многие проститутки страдали от приступов. Как нам всем известно, свое мнение по этому поводу полностью высказал итальянский врач Жан Манарди. В письме, адресованном другу, Мишелю Сантане, одному из первых специалистов, лечивших оспу, Манарди замечает: "Эта болезнь напала на Валенсию в Испании, будучи распространена по радио одной известной куртизанкой, которая за пятьдесят крон оказала свои услуги дворянину, страдавшему проказой. Эта женщина, будучи запятнанной, в свою очередь заражала всех молодых людей, которые обращались к ней, так что за короткий промежуток времени было поражено более четырехсот человек. Некоторые из них, последовав за судьбой короля Карла в Италию, несли и распространяли этот жестокий недуг по своим следам".

Другой итальянский врач, Андре Матиола, также доказывает идентичность проказы и сифилиса - в следующих выражениях: "Некоторые авторы пишут, что французы заразились этой болезнью от нечистой торговли с прокаженными женщинами во время путешествия по горам Италии"[30].

Мы могли бы легко умножить подобные цитаты, чтобы дополнить факты, отмеченные Фернелем и Амбруазом Паре во Франции, а также многими итальянскими врачами, из чего легко понять, почему Манарди пришел к следующему выводу: "Те, кто имеет связь с женщиной, которая недавно имела связь с прокаженным, куртизанкой, в чреве которой могут затаиться семена болезни, иногда заболевают проказой, а в другое время страдают от других болезней более или менее серьезного характера, в соответствии с их предрасположенностью".

Эта модификация из *кори* (болезни от испорченной свиной диеты) в проказу венерического типа происходит постепенно при посредничестве обычных агентств проституции, - блудниц и распутниц, - которые в течение очень долгого периода ускользали от мудрых законов, предписанных санитарной полицией для ограничения прокаженных. В 1543 году болезнь была настолько распространена, что не поддавалась санитарному контролю, и эдикт Франсуа I о создании больниц для прокаженных ничего не дал. Оспой болело слишком много людей. В 1540 году в парижском госпитале Лурсин, который специально занимался этими случаями, содержалось 600 пациентов, а в палатах госпиталя Троицы и отеля Дье их было гораздо больше. То же самое происходило и в провинциях, в частности в Толузе, где была создана первая венерологическая больница под гасконским названием "*Houspital das rognosez de la rougno de Naples*". Наконец, пятьдесят лет спустя, в 1606 году, за неимением

прокаженных, приюты для прокаженных были официально закрыты. Генрих IV в своей прокламации отдал оставшихся "бедным джентльменам и калекам-солдатам".

Так закончилась эпидемия проказы во Франции, которая господствовала со II века, наблюдая за тем же прогрессом в других странах Западной Европы в тот же период времени. Сифилис, продукт венерических болезней античности и проказы Средневековья, возвестил о наступлении новой эры; таким образом, сифилис стал современником эпохи *Возрождения*.

В сборнике писем Ги Патена есть интересный документ, касающийся связи проказы и сифилиса, о чем свидетельствует следующий отрывок:

"Не так давно в Оверни я видел пациента, которого подозревали в кори (*свиная болезнь*), поскольку его семья имела репутацию больной этой болезнью, хотя на его теле не было никаких следов этой болезни. Это заставило меня вспомнить, что некоторые семьи в Париже подозревались в этом заболевании; но на самом деле у нас здесь нет ни кори, ни проказы. В былые времена в Фобур-Сен-Дени существовала больница, предназначенная для таких случаев. Я не заметил ни одного случая в Шампани, Нормандии или Пикардии, хотя во всех этих провинциях я обнаружил убежища, ранее использовавшиеся для таких случаев, которые теперь превращены в больницы для жертв чумы. В прежние времена по невежеству врачей и варварству эпохи проказу путали с оспой; тем не менее, в Провансе, Лангедоке и Пуату еще есть несколько прокаженных".

Здесь мы имеем авторитет Ги Патена, утверждающего, что проказа почти полностью исчезла из Франции в XVI веке.

Хотя современные факультеты склонны настаивать на том, что настоящая наука медицина берет свое начало только с открытия микроскопа и что изучение античной медицины - это лишь ретроспективная экспозиция, призванная показать малую научную ценность древних наблюдений, я утверждаю, что многие наблюдения, записанные нашими предками-медиками, имеют огромную ценность. Приведем в качестве примера трансформацию конституционального недуга, ослабленного временем, передающегося по наследству через одни и те же массы людей на протяжении десяти веков, - популяции с похожим диатезом, - болезнь, набирающая новую силу и атакующая другие поколения, но обреченная в определенное время исчезнуть, скорее всего, в свою очередь, в другой неизвестной метаморфозе. Такая идея может вызвать улыбку в той надменной *секции hors rang* в медицине, которая настолько посвящена культуре специфических микробов, что только одна идея может быть принята в качестве неопровержимой догмы в медицине - то есть если факты, которые она представляет, совпадают с модификациями влияния в хвостовой части бациллы.

Что касается меня, то я по-прежнему убежден, что все увиденное в наше время с помощью объективного, даже точного инструмента не может уничтожить накопленный труд двадцати веков медицинских наблюдений и исследований.

Scientiæ enim per additamenta fiunt.

СИФИЛИС.

Если настоящий сифилис - разновидность, появившаяся в XV веке, - был неизвестен в Средние века, то сохранились документы, которые полностью подтверждают существование заразных венерических заболеваний за несколько сотен лет до итальянских войн Карла VIII и Людовика XII. Болезни, которые в древности поражали евреев и римлян в результате нечистой сексуальной торговли, сегодня являются лишь результатом прогресса,

достигнутого проституцией после крестовых походов; то есть это всего лишь продукты разврата и вирус проказы, завезенный с Востока.

Уже в двенадцатом веке Франция знала *mal malin* или *mal boubil*, заболевание, характеризующееся язвами и изъязвлениями на руках и половых органах. Готье де Коинси, приор аббатства Сен-Медар де Суассон, в начале XIII века считал эти недуги нечистыми и заразными и предостерегал своих священников в следующих стихах:

"Монах, церковный служитель и священник

Не должны осквернять себя ни в малейшей степени,

Но с доброй совестью и чистым сердцем

Руки свои от частностей держать подальше.

Молитесь Богу утром и вечером.

Чтобы скрыть разврат от их глаз";

Злой бубиль и злой малан

Настигнет каждого грешника".

Из этих строк мы можем предположить, что болезнь локализовалась в "нечестивом месте, которого не должны касаться руки", и что это было лишь заболевание той же природы, что и *gorre* и *grand gorre*, одно из многочисленных выражений, применяемых ко всем заразным заболеваниям половых органов. Этот факт невозможно оспорить, поскольку в ту же эпоху в поэме под названием "*Des XXIII Manieres de Vilains*" мы находим проклятие, произнесенное этим анонимным автором в адрес всех чернокнижников и потаскух:

"Чтобы они были

Чесоточными, оспинами и апостумами,

Покрыты язвами, сильно ревматизированы,

Полны лихорадки, желтухой поражены,

Чтобы их еще и хлопали".

Или, в переводе с французского:

"Qu ils aient ...

Rogne, variole et apostume,

Et si aient plente de grume,

Plente de fievre et de jaunisse,

Et si aient la chade-pisse".

Опус, из которого взяты эти стихи, был переиздан в 1833 году Франциском Мишелем и соответствует рукописям XIII века, проанализированным М. Литтре в *заметке о*

сифилисе,[31] где наш эрудированный автор говорит: "В эту эпоху венерические заболевания имели форму, аналогичную той, которую мы наблюдаем сегодня".

Этот документ датируется 200 годами до открытия Америки и должным образом подтверждается свидетельством Гийома Салицети, врача и итальянского священника XIII века. "Когда мужчина получает разложение пениса, после сожительства с непристойной женщиной или по другой причине, в паху появляется опухоль"[32] А через несколько лет после этого Ланфранк, ученик Салицети, в свою очередь, написал в своей *Parva Chirurgia*, что "бубоны появляются после язв на пенисе". Его описание шанкров и других венерических заболеваний весьма примечательно.

Другой писатель XIII века, Мишель Скотт, шотландский врач, алхимик и философ, много лет проживший во Франции и Германии, в одной из своих многочисленных работ пишет:[33] "Женщины становятся синюшными и имеют выделения. Если женщина находится в таком состоянии и мужчина сожительствует с ней, его пенис легко заболевает, что мы часто наблюдаем у подростков, которые, не зная этого факта, часто заражаются болезнью органа или подвергаются нападению проказы. Также хорошо знать, что если выделения существуют в момент зачатия, то плод в большей или меньшей степени болен, и в этом случае мужчина должен воздерживаться от всякой связи, а женщина должна сопротивляться сексуальным домогательствам, если у нее есть предвидение".

Этот отрывок не оставляет сомнений в существовании бленноррагии с выделениями и в наличии наследственного сифилитического диатеза, поскольку если автор и дает последнему название проказы, то только потому, что в этот период не существовало положительного термина для обозначения венерических заболеваний,[34] которые с основанием или без него путали с проказой, причем первая была, возможно, лишь трансформацией второй.

Примерно столетие спустя, то есть 8 августа 1347 года, королева Жанна Неаполитанская, графиня Прованса, отправила в Авиньон устав, касающийся создания домов проституции в этом городе. Статья IV. этого закона регулировала полицейские меры в следующих выражениях: "Королева предписывает, чтобы каждую субботу судебный пристав и цирюльник, назначенный членами Совета, посещали всех развратных девиц в этом месте, и если они найдут хоть одну, страдающую болезнью, возникающей от венерических заболеваний, чтобы такая девица была отделена от других девушек и помещена отдельно, дабы никто не имел с ней сношений, и чтобы молодые могли таким образом избежать заражения"[35].

Эти законы были впервые обнародованы Аструком[36], и Грисоль без промедления включил их в свой *"Труд по внутренней патологии"*, а Казенав - в *"Труд по сифилидам"*; однако Жюль Курте, а вслед за ним Рабуто и Англада считают эти документы несколько апокрифическими.

Мы не будем останавливаться на обсуждении подлинности этих документов; они обладают характеристиками, которые делают их подлинность практически неоспоримой. Кроме того, мы можем процитировать других авторов, против которых нет аргументов; например, приведем слова Джона из Гаддесена, врача английского двора, который утверждал, что половая связь с прокаженной женщиной приводит к язвам на половом члене:[37] кроме того, его соотечественника Жильбера, который в 1300 году описал в своем *"Медицинском сборнике"* лечение гонореи и шанкра, столь распространенных после крестовых походов; или Ги дю Шолиака, который в 1360 году заметил "язвы, рожденные от торговли с запятнанной женщиной, нечистой и шанкрозной (*ex coitu cum foetida vel immunda vel cancrosa muliere*)."[38] Опять же, обратите внимание на итальянца Тореллу, который считал

оспу заразной болезнью, существовавшей с древних времен и проявлявшейся в разные эпохи, но симптомы которой, плохо изученные медиками, не позволяли выделить ее и установить ее правильную патологическую идентичность[39].

Нам нет нужды воспроизводить тексты всех французских и особенно итальянских врачей, которые установили идентичность венерических заболеваний до 1494 года - таких авторов, как Монтаньяна, Петрус Пинтор, Николай Леоникен, Иосиф Грюнпек и др. Что касается этих работ, то все они были упомянуты Фракастором в его знаменитом *"Трактате о заразных болезнях"* (*de morbis contagiosis*), произведении, которое одновременно является прекрасной поэмой, чей латинский язык безупречен, и монографией с подлинной научной точностью.

Фракастор описал как пациента, так и болезнь: "Жертвы были печальны и разбиты, с бледными лицами".

"У них были шанкры на интимных частях; эти шанкры были изменчивы; когда они излечивались в одном месте, то появлялись снова в другом; они всегда вспыхивали вновь".

"На коже появлялись пустулы с корочками; у некоторых они начинались сначала на волосистой части головы; это был обычный случай; у некоторых они появлялись и в других местах. Сначала они были маленькими, затем увеличивались в размерах, напоминая молочную корку у детей. На сайте у одних эти пустулы были маленькими и сухими, у других - большими и влажными. Иногда они были алыми, иногда белыми, иногда твердыми и розовыми. Эти гнойники вскрывались через несколько дней, выливая невероятное количество вонючей и мерзкой жидкости, а после вскрытия становились настоящими фagedеническими язвами, которые разъедали не только плоть, но даже кости".

"У тех, чьи верхние регионы подверглись нападению, появились злокачественные флюктуации, разъедающие нёбо, трахею, горло и миндалины. Некоторые пациенты теряли губы, другие - носы, третьи - глаза, четвертые - интимные части тела".

"У многих появились большие липкие опухоли, обезобразившие конечности. Эти наросты часто были размером с яйцо или французскую булку хлеба. При вскрытии из этих опухолей выделялась беловатая муцилагиновая жидкость. В основном они наблюдались на руках и ногах; при изъязвлении иногда они становились мозолистыми, в других случаях оставались опухолями до самой смерти".

"Как будто этого было недостаточно, ужасные боли часто нападали на конечности; обычно они появлялись, когда появлялись гнойники. Эти боли были продолжительными и почти невыносимыми, больше всего они мучили по ночам, затрагивая не только сочленения, но и кости и нервы конечностей. Иногда у пациента были гнойники без болей, иногда - боли без гнойников; но у подавляющего большинства были и гнойники, и боли".

"Пациенты погружались в состояние томления. Они становились худыми, слабыми, без аппетита, не спали, всегда были грустными и угрюмыми, лицо и конечности опухали, временами наблюдалась небольшая лихорадка. Некоторые страдали от болей в голове, болей длительных, которые не отступали ни перед какими средствами".

"Хотя большинство смертных заразились этой болезнью, не менее очевидно, что огромное количество других заразились ею от инфекции. Невозможно поверить, что за столь короткое время зараза, которая так медленно распространяется сама по себе и передается с таким трудом, должна охватить такое количество стран, после того как она была (как утверждается) завезена одним флотом испанских кораблей. Ведь хорошо известно, что ее существование

было установлено в Испании, Франции, Италии, Германии и по всей Скифии в один и тот же период времени. Несомненно, болезнь возникла спонтанно, как петехиальная лихорадка, или же существовала всегда".

"У одного цирюльника, моего друга, есть очень старая рукопись, содержащая указания по лечению этого недуга. Ее название: *"Лекарство от толстых струпьев, сопровождающихся болями в суставах"*. Парикмахер запомнил средство, изложенное в этом труде, и в самом начале нового недуга думал, что узнал заразу по названию *"толстые струпья"*. Но врачи, изучив это средство, нашли его слишком сильным, так как оно состояло из зыбучего серебра и серы. Он был бы счастливее, если бы не посоветовался с врачами; он бы разбогател на неисчислимые суммы".

Из этого мы видим, что сифилис пятнадцатого века не имел точно таких же симптомов, как его разновидность в наши дни. Раньше вторичные и третичные случаи наступали гораздо быстрее, к тому же они были очень бурными в своих проявлениях. Кроме того, болезнь была чрезвычайно злокачественной и часто приводила к смерти в короткие сроки, что заставляло многих авторов той эпохи считать симптомы болезни следствием моровой язвы, вызванной общими причинами.^[40] Николас Масса писал, в частности, следующее: "У пациента боли в голове, руках и особенно ногах, которые всегда усиливаются ночью. Пузыри в обоих пахах полезны, когда они нагноятся. Мы наблюдаем натертые и чешуйчатые ладони и подошвы ног. На пенисе часто отмечаются язвы плохого вида; эти язвы твердые и мозолистые и очень медленно заживают. При исследовании горла мы часто обнаруживаем расслабленное состояние язычка и наличие гнойных язв, которые редко нагноятся. При всем этом эруптивном процессе мы отмечаем некоторые твердые опухоли, которые прилипают к коже и костям и носят название *гуммы*. Эти опухоли могут изъязвляться и вызывать костный кариес"^[41].

Мы замечаем одни и те же ошибки во всех описаниях авторов XVI века; они демонстрируют несовершенное знание симптоматики, генеза и примитивных конституциональных случайностей. Мы видим, что клиническая медицина еще не существовала и что наши предшественники не владели искусством продуманной координации признаков болезни. Тем не менее, их описательные способности при написании статей о венерических заболеваниях, как уже отмечалось, были превосходны, и их достоинствами были точность и честное наблюдение; как отмечает Пьер Манарди: "Главный признак французской болезни заключается в пустулах, появляющихся на конце пениса у мужчин и у входа в вульву или шейку матки у женщин. Чаще всего эти пустулы изъязвляются; я говорю "часто" по той причине, что мне приходилось видеть пациентов, у которых эти язвы были твердыми, как бородавки, гвоздики или яблочные семечки".

Здесь мы имеем аспект первичного сифилиса, представленный врачом, чье имя, по справедливости, будет оставаться связанным с этим заболеванием до тех пор, пока оно будет существовать. Вторичные симптомы болезни никогда не были изображены более драматично, чем у Фернеля, который отмечает: "На них были ужасные язвы, которые можно было принять за железы, судя по размеру и цвету, из которых выходили каловые выделения злодейского заражающего вида, достаточные, чтобы вызвать сердечную боль; у них были длинные лица зеленовато-черного цвета, настолько покрытые язвами, что ничего более отвратительного нельзя было себе представить"^[42].

Что касается продолжительности вторичных симптомов, то под 1495 годом Марчелло де Кумес писал из лагеря Новарро, что "пустулы на лице, как при проказе и ветряной оспе, держались год или больше, когда больного не лечили"^[43].

Физиономия несчастных, чьи лица были украшены шишками, а на лбу красовалась печально характерная *corona veneris*, хорошо описана в следующих стихах Жана Лемера из Бельгии, поэта и исторического писателя XV века. Портрет точен:

"Но в конце концов, когда яд созреет,
Прорастают большие бородавки алого цвета,
Устойчивые, распространяющиеся по лицу,
Оставляя клеймо стыда и позора,
Обида, оставшаяся после грубой бури страсти,
И так уродует человеческую природу.
Высокий лоб, шея, круглый подбородок и нос
Много бородавок на лице;
И яд, со смертельной болью,
бежит по всем венам,
Вызывая, без сомнения, бесчисленные недуги,
От чесотки до вечно мучительной подагры" и т. д.

Тем временем симптомы сифилиса не замедлили потерять свои острые черты. Уже в 1540 году Антуан Лекок отметил этот факт во Франции:[44] "Иногда, - говорит он, - вирус, похоже, тратит свои силы на пах, вызывая опухоль желез; и если этот бубон нагноится, то все будет хорошо. Эту опухоль мы называем бубоном; другие называют ее *poulain* (жеребенок или кобылка) из озорства, поскольку те, кто подвергается такому нападению, разъединяют ноги при ходьбе, по-лошадиному". Фернель заявил, что венерическая болезнь в конце XVI века так мало походила на ту, что была в его ранние времена, что он едва ли мог поверить, что это одно и то же. Он замечает: "Эта болезнь потеряла большую часть своей свирепости и остроты".

Со своей стороны, Фракастор в 1546 году заметил: "За шесть лет болезнь значительно изменилась. Теперь мы замечаем пустулы лишь у немногих пациентов, у них мало болей, и они, как правило, незначительны; но все чаще наблюдаются клейкие опухоли. Удивляет выпадение волос на голове и облысение других частей тела. Иногда случается, что в самых тяжелых случаях зубы расшатываются и даже выпадают"[45].

Эти явления, очевидно, были вызваны действием ртутной мази, которая широко использовалась в Италии с тех пор, как ее рекомендовал Гюго из Булони для лечения *malum mortuum*, или злокачественной проказы, распространенной на Западе. Во Франции широко использовался гваяк, или святое дерево, которое тогда было известно как *sanctum lignum*, когда в моде был только латинский эквивалент. Кроме того, в прологе "Пантагрюэля" Рабле упоминается ртутианский стоматит, возникающий после применения так называемой неаполитанской мази.

Этот отрывок из книги доктора Франсиса Рабле[46] заставляет нас думать, что в XV веке врачи не были уверены в том, как лечить сифилитических пациентов, почти все врачи, по сути, отказывались исследовать характер болезни, о которой они ничего не знали; болезни,

очагами заражения которой были самые деградированные и неблагородные общественные места; болезни, не описанной ни в трудах Гиппократы, ни в трудах Галена.

Итак, эта *lues venerea*, как ее называет Фернель, принесла множество жертв во всех странах. Она распространялась в городах и сельской местности и порой приводила к таким опустошениям, что в крупных городах власти были вынуждены применять санитарные меры против этой оспы, как это делалось в другие времена в случае проказы. Сифилитиков изгоняли из мест и запрещали под страхом сурового наказания вступать в связь со здоровыми людьми. Но вскоре стало известно, что заражение может происходить только через половую связь, и тогда больных стали прятать в больницах, где их специально лечили методами, изложенными первыми сифилографами, - паровыми ваннами, ртутными инукциями, трением и т. д. К сожалению, никаких профилактических мер против проститутков не предпринималось, хотя за ними признавалась монополия на венерические заболевания; ведь в то время они не верили, подобно Жану де Лорму, который сказал: "Заразиться оспой можно, прикоснувшись к зараженному человеку, дыша тем же воздухом, ступая босыми ногами в мокроту больного и многими другими способами".

Даже поэты писали сонеты, поэмы и баллады об этой *болезни любви*. Можно было бы составить огромный том, собрав все стихи, написанные и опубликованные на эту тему в течение шестнадцатого века. Но ни одно стихотворение, написанное в этот период, не представляет столь большого интереса для медицинской науки, как баллада Жана Дройна из Амьена, посвященная принцу, в которой автор, более сильный в этиологии сифилиса, чем врачи его времени, советует молодым людям, опасаящимся *grosse verole* (оспы), не вступать в связь с городскими девушками, не убедившись предварительно в их патологической невинности.

Эта баллада была опубликована в Лионе в 1512 году, то есть через семнадцать лет после появления болезни в армии Карла VIII, в эпоху, когда большинство врачей считали болезнь инфекционным недугом, вызванным действием язвенных миазмов в воздухе. Мы воспроизведем лишь несколько строк этого поэтико-медико-исторического документа:

"Парфюмированные милашки, денди, пажоны,
В каждом случае примите предупреждение,
Остерегайтесь всех видов плотской обнаженной натуры
И не впадайте в немилость.
Конечно, джентльмены и торговцы геи
Могут выбросить свои деньги на ветер,
Устраивать банкеты и играть в азартные игры,
Как мух привлекает мед.
Я предупреждаю вас всех о сладостных чарах любви,
Положите на них протокол,
Ибо часто объятия чужих женщин

Приносит порой *страшную беду*.
"Пусть любовь, с умеренностью мудрой,
Присутствует на каждом амурном пире.
Пусть все будет чисто для ваших глаз,
Пусть уйдут все развратные девицы.
Счастливее и благороднее - получить
Для добродетели высокую славу
Чем честь свою запятнать,
с городскими женщинами.
Берегите себя от болезней,
Здоровье вам обеспечено,
Но если ты стремишься плоть ублажить
Остерегайся *грозного вероломства*".

В последних строфах этого стихотворения, которое не выдерживает более полного воспроизведения из-за сентиментальности, существующей в наше время, мы видим, что пророк Иов не считается строго добродетельным, так как мы читаем:

"Принц, скажите, что Иов был верен,
Mais si futile rongneux et grateleux,
Nous lui prions qu'il nous garde et console,
Для исправления роскошных монстров,
S'est engendree ceste grosse verole".

Несмотря на несомненные доказательства древности венерических заболеваний, Астриук, как мы все знаем, отстаивает американское происхождение болезни и пытается подкрепить свои взгляды гипотезой, высказанной Ульрихом де Хуттенем в 1519 году, а *именно*: при осаде Неаполя в конце 1494 года на помощь осажденным пришла испанская армия под командованием Гонсальвы Кордовского. Их солдаты передали городским девушкам и окрестным куртизанкам *американскую* болезнь, которая, в свою очередь, после взятия Неаполя попала в армию короля Карла, а затем распространилась по всей Франции. Но история сообщает нам, что король Франции вернулся в Париж со своими войсками из итальянского похода только в марте 1496 года. Именно 6 марта того же года парламент издал прокламацию о борьбе с оспой, первый раздел которой гласил: "Сегодня, 6 марта, поскольку в городе Париже преобладает болезнь определенного заразного характера, известная как *verole* (оспа), которая значительно распространилась в королевстве за последние два года, как в Париже, так и в других местах, и есть основания опасаться, что сейчас, в весеннее время, она может усилиться, считается целесообразным принять меры по борьбе с ней".

Другие свидетельства можно почерпнуть из рассказа о путешествиях Христофора Колумба его современника Петруса Мученика из Анхиерры, историка при дворе Фердинанда и

Изабеллы. Согласно записям, переданным ему великим мореплавателем по возвращении в Испанию, - подлинным записям, которые велись изо дня в день, -[47] испанские и итальянские моряки Колумба обнаружили "людей, которые жили в золотой век; без рвов, без заборов, без книг, без законов. Мужчины были полностью обнажены, женщин защищал только пояс из легкого материала; несмотря на все это, их нравы были чисты". Кроме того, Петрус Мартир (*La Syphilis au XV. Siecle*) доказывает, что в 1487 году в Испании был сифилис.

Когда Колумб во второй раз вернулся в Европу, он по приказу брата оставил за собой сотню своих соратников по оружию, которые представляли собой сборище авантюристов из всех народов земли. Эти люди совершали всевозможные бесчинства среди несчастных индейцев - погрязали в похоти и всевозможных преступлениях, насиловали женщин и предавались повальному разврату. Шарль Рено говорит: "Рассматривая ситуацию с этой точки зрения, я готов поверить, что испанцы перенесли болезнь на коренных жителей Иspanьолы, и что последние не передали ее испанцам".

Мы не будем более подробно останавливаться на происхождении сифилиса и его связи с проказой и другими кожными заболеваниями, которые были так распространены в Европе на протяжении всего Средневековья. Мы можем рассматривать эту болезнь как нечто новое и проследить период ее вторжения и развития до открытия Америки или утверждать, что она возникла на основе полувывмершего заболевания (проказы), приняв новый тип под влиянием особой эпидемической конституции.

Ясно одно - сифилису предшествовали заразные венерические заболевания, которые утратили свои неправильные и злокачественные формы в XV веке. Когда цивилизованные народы Земли создадут настоящую службу здравоохранения, сифилис будет побежден и перейдет в ряды других исчезнувших болезней.

ДЕМОНОМАНИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ МАГИИ И КОЛДОВСТВА

С того дня, как Людовик XIV распустил парламент Руана, приговоривший нескольких человек в провинции Вир к смерти за колдовство, во Франции стало появляться лишь несколько колдунов.

В 1682 году Урбен Грандье был подвергнут пыткам и сожжен заживо за то, что выступил с проклятием против урсулинок из Лудуна.

Благодаря мужественному вмешательству выдающихся философов и ученых, справедливо возмущенных преступлениями римско-католического священства, против инквизиторов, богословов и их сообщников-мясников последовала бурная реакция. Эта реакция наглядно продемонстрировала тот факт, что бесчисленные жертвы религиозной нетерпимости в Средние века не были ни колдунами, ни одержимыми дьяволом, ни приспешниками ада. Психологи и моралисты утверждали, что жертвами этих заблуждений были безумцы, люди, страдающие полубредом, подверженные мономании. Наука разделила этих несчастных на несколько групп, среди которых можно перечислить страдающих галлюцинациями, демономанов, эротоманов, субъектов ликантропии и т. д., не считая вампиров, хореоманов, липеманий и других, чьи приступы признаны медицинской наукой.

Энциклопедисты и их ученики объявили себя удовлетворенными, поскольку психологи покончили с абсурдными традициями Средневековья и античными суевериями. Смертная казнь за демонидолопоклонство была отменена, но для его последователей открылись двери сумасшедшего дома.

Можно ли придумать что-то лучшее в наши дни? Давайте возьмем историю этой знаменитой эпидемии демонидолатрии других дней и рассмотрим документальные доказательства, выдвинутые против обвиняемых в колдовстве, пропустив свидетельства через горнило современной науки, патологии, физиологии, вместе со всеми наблюдаемыми симптомами, имея в виду современные неврологические открытия; давайте попытаемся, одним словом, решить этот великий психологический вопрос, который сильно будоражит человеческое понимание уже четыреста лет.

Мы верим, что *то, что есть*, - правда, и для того, чтобы лучше судить о фактах, о которых рассказывается, хорошо бы сначала упорядочить наши знания о психологическом состоянии населения Запада в Средние века, состоянии, которое было лишь продолжением идей и традиций древности, измененных фанатичными предрассудками новой религии и жестокой и варварской социальной конституцией.

Если история позволяет нам сделать вывод, что оккультные науки существовали с древнейших времен, что люди, принесшие знания с Востока на Запад, во все времена допускали существование джиннов, ангелов и демонов, то легко объяснить, какое действие эти таинственные традиции могли оказать на невежественные умы крестьянства Средних веков, подпавших под ярмо рабства феодалов и клерикального деспотизма римской церкви.

Давайте беспристрастно изучим эти исторические тексты, проанализируем эти древние теогонии, которые являются, так сказать, *вербальным процессом* философского развития человеческого разума, и мы увидим, можем ли мы допустить, что психические заболевания могут *эпидемически* преобладать в течение нескольких поколений, как, например, моровая язва IV века.

Мы знаем, что именно в Индии, колыбели человеческого гения, зародилось учение о сверхъестественном, о добрых и злых духах, оказывающих оккультное влияние на человечество. Древняя история свидетельствует о том, что такая вера уходит корнями в античные времена. Зороастр, вдохновленный всеведущим *Ахура Маздой*, написал в "Зенд-Авесте" текст и комментарии к религиозному закону, посвященному ариям Индии и Персии. Целью этого закона было уничтожение культа *росов* или демонов, населявших землю под человеческими формами, а также подавление натуралистического инстинкта древнейшего народа *Азии* путем посвящения его в веру в небесных джинов.

Учениками Зороастра были *волхвы*, то есть ученые люди того времени, но они изменили учение пророка, которое сохранили в чистоте только гебры, с основополагающей доктриной дуализма света и тьмы, представленной *Ормаздом* и *Ариманом*, духом блаженных и духом проклятых.

Халдеи, с древних времен славившиеся своими познаниями не только в астрономии, но и во всех других науках, приняли доктрины Зенд-Авесты, а их волхвы передали их египтянам, евреям, грекам, римлянам и, наконец, галлам, адептами которых были друиды.

Наука или магия халдеев состояла только из магнетизма, сомнамбулизма и спиритизма.

М. Ф. Фабарт отмечает: "Маги, согласно некоторым *барельефам*, обнаруженным в восточных странах, знали силу магнетических пассов. Мы видим фигуры с вытянутыми руками,

воздействующие своими жестами на субъектов, которые сидят перед ними с закрытыми глазами".

"Питонессы и сивиллы не обладали способностью предвидения, пока не прошли через кризис искусственного сомнамбулизма, и мы находим в античных источниках отрывки, где обсуждается этот навязанный сон"[48].

В одной из моих предыдущих работ я говорил о нескольких очень любопытных отрывках в "Фарсалии" Лукана, где он рассказывает об оракулах женщины-мага Эрихто и ответах питонесс в храме Дельф на расспросы Аппия. Кассандра, жрица Аполлона в трагедии "Агамемнон" трагика Сенеки, представляет собой идеальный тип гипнотизируемой истерички, и, если поэт не описывает методы, которыми пользовались жрецы храма, чтобы околдовать своих подданных, мы находим их описание у других латинских авторов в таких ясных выражениях, которые не оставляют сомнений в их знании о магнетических пассах (гипнозе).

Вот что говорит Целий Аврелиан: "Мы делаем круговые движения руками перед глазами пациента. Под нашим взглядом субъект следует за движениями наших рук, глаза моргают". Именно во время лечения каталепсии римский врач, современник Галена, знакомит нас с магнитной практикой. Дав описание невроза, который он характеризует прострацией, неподвижностью, ригидностью шеи, потерей голоса, оцепенением чувств, широко открытыми веками, фиксацией взгляда и глазного выражения, латинский автор учит нас, как облегчить болезнь и частично пробудить движения, чувства и интеллект пациента; и он магнетизирует, как ясно показано в следующих строках: *"Atque ita, si ante oculos eorum quisquam digitos circum moveat, palpebrant ægrotantes, et suo obtutu manuum trajectionem sequuntur; vel si quicquam profecerint etiam toto obtutu converso attendunt; et inclamati, respicientes lacrymantur nihil dicentes, sed volentium respondere vultum æmulantes"*[49].

Наставления Зороастра были по-разному изменены древними людьми. Моисей, желавший славы великого пророка Израиля, написал закон Иеговы и отрекся от волхвов, которыми он был посвящен. Евреи тем временем сохранили в памяти религию мазадеев; они создали магию. Ариман стал Астаротом, Вельзевулом, Асмодеем и другими демонами, которые имели в качестве толкователей питонесс и пророчиц (медиумов). Ормазд был преобразован в легион ангелов и архангелов, которые являлись людям, чтобы произносить пророчества. В настоящее время еврейские маги изобрели Каббалу, оккультную науку, с помощью которой, произнося определенные слова, они творили чудеса и подчиняли сверхъестественные силы капризам человеческой воли; они были прежде всего некромантами.

Оккультные науки древних, некромантия и магия, имели, как мы увидим, большую или меньшую связь с явлениями магнетизма в наши дни. В то же время некромантия напоминала современный спиритизм, к которому стремятся исследования современных магнетизеров. Некроманты обращались к душам умерших, чтобы узнать будущее и тайны настоящего. Евреи с большим рвением занимались этим, несмотря на запрет Моисея, который велел им не *разговаривать с деревом*. Мы знаем, что пифонесса (ведьма) из Эндора вызвала дух Самуила перед Саулом накануне битвы и предсказала смерть царя. Грот, в котором жила эта знаменитая медиум, существует до сих пор, и, говорят, она принимает путников, которые приходят к ней издалека, с горы Фавор.

Магией владели и верховные жрецы при дворе фараона. Подобно волхвам Медеи и Халдеи, они вызывали духов и сверхъестественные силы с помощью методов и церемоний, состоящих в основном из жестов и песен.

Гермес Трисмегист, которого алхимики считают своим учителем, распространил науку оккультной магии. Вслед за ним мистические доктрины Востока расцветают в Александрии у основателей неоплатонизма. Они учили, что *гоэтия* - это сверхъестественное искусство, которое практикуется с помощью злых духов, что *магия* производит таинственные проявления с помощью материальных демонов и высших духов, что *фармацевты* управляют духами с помощью филеров и эликсиров.

В Греции и Италии верили в небесных джиннов, и они размножались до бесконечности, населяя Олимп политеизма. Жрецы наживались на суеверных представлениях народа, призывая на помощь колдунов и сивилл, черпавших мудрость у восточных волхвов. Следуя этому примеру, историки, философы и поэты, по-видимому, были приведены к вере во всех гениев, в силу духов и их близкие отношения с людьми через посредство провидцев, в состоянии безумия или сомнамбулизма (транса).

Мы знаем, что поэт Гесиод в своей "Теогонии", Платон со времени своего посвящения в герметические доктрины, Аристотель в своих философских трудах - все они допускают существование нематериальных существ, проявляющих интерес к делам человечества. Пифагорийцы, со своей стороны, утверждали, что могут управлять демонами, держа себя в постоянной медитации, воздержании и целомудрии[50].

Во все времена античности существовали корпорации жрецов, философов, теософов, тауматургов и других сект, которые занимались ремеслом вызова духов, вызывая их с помощью чар, чародейства и колдовства, изменяя с их помощью законы природы, повелевая стихиями и совершая другие необыкновенные подвиги. Для совершения этих чудес они прибегали к кабалистическим формулам, указанным в книгах по колдовству, или заклинаниям, магическим кругам, или просто к магнетической силе.

Симон Самарийский, Цирцея, Медея, Плотин, Порфирий, Ямблих и знаменитый Канидий, так справедливо проклятый Горацием, принадлежали к этому клану магов, гностиков, чародеев и медиумов, которые знакомили людей с оккультными искусствами волхвов Халдеи. Чтобы убедиться в этом, достаточно изучить историю.

Дамис, историк и ученик Аполлония Тианского, оставил нам биографию своего учителя, самого выдающегося тауматурга древности. Именно в этой работе он рассказывает, что когда Аполлоний читал лекции по философии в Эфесе, он остановился посреди своей речи и крикнул убийце, который в тот же момент убил Домициана в Риме: "Мужайся, Стефан, убей тирана!". Аполлоний долго жил в Индии, и все его ученики свидетельствовали о чудесных вещах, которые он мог делать. Он исцелял неизлечимые болезни и совершал другие чудеса, поражавшие его современников, которые, как и он сам, были приверженцами доктрин Пифагора.

Порфирий опубликовал пятьдесят четыре трактата своего учителя Плотина, прославленного неоплатоника, труд, в котором мы находим все идеи современной экспериментальной психологии и мистической философии, основанной на экстазе, созерцании и гипнозе - идеи, которые в один прекрасный день были вновь высказаны чародеем Мерлином, Альбертом Магнусом, Пиком де ла Мирандолом, Луллом, Корнелием Агриппой, графом Сен-Жерменом, Джозефом Бальзамо, Робертом Фладдом, Ричардом Прайсом и *братьями Роза Круза*.

Но до них были и другие, считавшие, что хранят таинственные секреты природы, - иллюминаты, провидцы и другие, не наши непосредственные предки; друиды в темных лесах

Галлии, а также друидессы. Оба сословия принадлежали к сацердотальному ордену и получали облачение священного сана только после двадцати лет, посвященных изучению астрологии, законов природы, медицины и каббалы. Их теодицея учила о существовании только одного Бога и нематериальности духа, призванного после смерти перевоплощаться неопределенное количество раз вплоть до достижения совершенства, когда достигается новое, более божественное и счастливое отличие. В качестве основной религиозной догмы она признавала восходящий метемпсихоз, как в случае с первыми волхвами и великими греческими философами, а также множество джиннов и высших духов, промежуточных между божеством и человечеством.

Друиды были не только жрецами, но и диктаторами Галлии; им помогали *эвбаги*, прорицатели и жертвоприношения их религии, *барды*, поэты и глашатаи, и *бранны*, которые участвовали в верховной власти. Друидизм был смесью воинственных идей первых жителей Галлии и доктрин, завезенных магами из Халдеи. Таким образом, друиды были астрономами, врачами, хирургами, жрецами и законоучителями. Друидессы, потомки восточных питонесс и сивилл, произносили оракулы и предсказывали будущее; их влияние было значительным и часто превосходило влияние самих друидских жрецов, поскольку они одинаково хорошо знали каббалу и магию; кроме того, как девственницы, освященные хранительницы тайн Бога, они занимали высокое положение в глазах народа. Именно по этой причине друиды и друидессы были во времена римского господства защитниками национальной независимости; но, вынужденные укрываться в глухих лесах вдали от людей, преследуемые римлянами, варварами и христианами, они постепенно превратились в магов, чародеев, пророков и заклинателей, осужденных Соборами и изгнанных гражданской властью.

Именно в эту эпоху было замечено, что злые духи бродят в ночных тенях и предаются непристойным развратным действиям. Это были *Гаурики*, существа ростом с гиганта; *Сулевы*, безбородые персонажи, которые были суккубами, нападавшими на путников; *Дусиены* - инкубы, демоны, совращавшие молодых девушек во время их девичьей дремоты.

Святой Августин верил всем этим басням, которые распространялись по всей стране, утверждая, что мы не имеем права сомневаться в существовании этих демонов или духов распутства, которые совершают нечистые нападения на людей во время сна. (*Hanc assidue immunditiam et tentare et efficere*, - святой Августин в своем "Городе Божьем").

Постепенно наступил упадок, так что в седьмом веке друидизм исчез, но практика магии, оккультное искусство и таинственная наука о духах передавались из поколения в поколение, но в меньшей степени, утратив философский характер древних времен. Одним словом, магия превратилась в колдовство, а ее адепты больше не вербовались, кроме как в позорных и невежественных слоях общества. Поклонение природе и Богу, бессмертие души, грандиозные церемонии у подножия гигантских дубов уступили место отвратительным демонам, грубым суевериям, колдовству и самым безнравственным абберациям. Оккультизм по-прежнему подчинял себе массы, но наука перешла в руки профанов и шарлатанов.

ТЕОЛОГИ И ДЕМОНОЛОГИЧЕСКИЕ СУДЬИ.

Магия, или наука о магии, служила тогда основой, как мы уже говорили, для мифологии и легенд и была заметна в догматах всех религий, ибо, как замечает святой Августин, "чтобы проникнуть в мистические смыслы вымыслов и аллегорий, а также притч, содержащихся в священной истории, необходимо быть сведущим в изучении оккультных наук, частью которых являются числа"[51].

Но из греческого *dæmon*, или *Sapiens* Платона, христианство сделало демона, павшего ангела, который желал населить свою империю душами некрещеных; он заимствован у евреев вместе с Вельзевулом, Асмодеем, Сатаной и их многочисленными коллегами. После Иисуса, искушаемого дьяволом и освобождающего одержимых бесами, мы видим апостолов и святых, которых поочередно посещают ангелы Божьи, а также духи зла, которые ведут сражения между духовными армиями. Это всего лишь видения, явления ангелов или демонов, которые побеждены перед помазанником Господним.

Человечество желало приобщиться к почестям и эмоциям общения со сверхъестественными существами; именно с этой целью оно обращалось к магам и практикам оккультизма. Как мы видим, в первые века христианства епископы были неспокойны в отношении магов из-за популярности последних, несмотря на то, что крестьянство подчинялось догмам церкви.

Поль Лакруа, эрудированный библиофил, приводит в качестве самого древнего памятника, упоминаемого в этой связи, скопление тенистых женщин, собранных для таинственной цели, которые посвятили себя магическим заклинаниям; этот фрагмент взят из канонов Собора, который, по его мнению, состоялся до времен Карла Великого. В нем говорится о воздушных полетах, которые эти колдуны совершали или думали, что совершали, в компании с Дианой и Иродиадой, *m.e.* "*Illud etiam non est omitendum quod quædam sceleratæ mulieres, retro post Satanam conversæ, demonum illusionibus et phantasmatis seductæ, credunt et profitentur se nocturnis horis, cum Diana, dea paganorum, vel cum Herodiate et innumera multitudine mulierum, equitare super quasdam bestias, et multarum terrarum spacia intempestæ noctis silentio pertransire ejusque jussionibus velut dominæ obedire, et certis noctibus ad ejus servitium evocari.*"[52]

Что в вольном переводе гласит: "Мы не должны забывать, что нечестивые женщины, преданные сатане, обольщались видениями, демонами и призраками и утверждали, что по ночам они скачут на фантастических зверях вместе с Дианой, языческой богиней, или Иродиадой и бесчисленной толпой женщин. Они притворялись, что преодолевают огромное пространство в тишине ночи, повинаясь приказам двух демонниц, как приказам государя, призванного к ним на службу в определенных случаях".

Из этого можно понять, что если христианство заставило замолчать языческие оракулы, то оно не разрешило магам отбросить духовный мир. Духовенство принимало свидетельства благодатных очевидцев, но отвергало свидетельства профанов, которых вдохновляли только демоны; они признавали за последними силу внушать людям иллюзии чувств, сожительствовать с девами в виде *инкубов* и с мужчинами в виде *суккубов*, - демонов, которые могли проникать через естественные отверстия во все полости тела и овладевать смертными.

Богословы описали все боли, которые испытывали одержимые, - удары в грудные и брюшные органы, которые, сделанные демонами, заставляли их жертвы говорить, петь, двигаться, находиться в состоянии анестезии или гиперстезии, следуя воле беса; иными словами, одержимые были подвержены inferнальному воздействию. Поклонение духам первые епископы Церкви заменили глупым страхом перед демонами.

Из этого преувеличения власти злых джиннов над человеком проистекали глупые страхи и суеверные опасения проклятия, которые стали отправной точкой аберрации среди первых демономанов. Именно для этих несчастных духовенство придумало экзорцизм и большие ежегодные церемонии, предназначенные для избавления одержимых демонами, церемонии, на которые епископы созывали народ и дворян, чтобы продемонстрировать победы Церкви над Сатаной и его импами.

Театральная постановка этих собраний, конечно, вызывала некоторые видимые исцеления, заставляя верующих восклицать: "Чудо, воистину чудо!" Но кто не знает, что все заболевания нервной системы любят лечиться руками тауматургов? Придумать демонов, чтобы иметь славу победить их и избавить человечество от их влияния, - такова, по-видимому, была цель первобытной христианской церкви. Это, безусловно, был ловкий трюк в теологической магии, и, если цель не оправдывает средства для критического философского взгляда, мы можем признать, по крайней мере, что лучше изгонять одержимых, чем сжигать их заживо на костре, как это делалось несколько веков спустя.

"Эта доктрина о демонах была так тесно связана с догмами этой совершенной религиозной системы Отцами Церкви", - говорит Шпренгель, - что "не удивительно, что авторы приписывали многие явления природы влиянию демонов". Один из самых знаменитых врачей Церкви, Ориген Александрийский, в своей "*Апологии христианства*" замечает: "Есть демоны, которые производят голод, бесплодие, порчу воздуха, эпидемии; они порхают, окруженные туманами в нижних областях атмосферы, и влекутся кровью своих жертв в благовониях, которые язычники приносят им в жертву как своему божеству. Без запаха жертвы эти демоны не смогли бы сохранить свое влияние. Они обладают самыми утонченными чувствами, способны к величайшей активности и обладают самым обширным опытом".

Святой Августин уже писал, что демоны были возбудителями болезней христиан и нападали даже на новорожденных, пришедших принять крещение.

Церковь учила, что эти демоны действуют при посредничестве падших существ, которые восстают против Бога и его святых служителей. Такими были колдуны и женщины-медиумы, которых можно было встретить среди развалин, в скалистой пещере и в других скрытых и безвестных местах. За кусок хлеба или горсть ячменя с такими существами можно было посоветоваться; у них можно было потребовать тайны будущего, орудия мести, чары для обретения любви.

Среди этих колдунов были старые сводники, знавшие по личному опыту все приемы разврата и давшие название *бдений* сатурналиям, которым предавались жители деревни в определенные ночи, - сборищам, состоявшим из публичных домов и сутенеров, на которые приглашались многочисленные новички в распутстве. Эти колдуны и ведьмы знали также, какие средства должны принимать молодые девушки, чтобы уничтожить физиологические результаты своих неосторожностей, и что нужно старикам, чтобы восстановить свою мужественность. Им были известны целебные свойства растений, особенно тех, которые одурманивают. Возможно, некоторые из этих колдунов открыли с помощью магических заклинаний эпоху избавления от феодальных нравов, отмены рабства, равенства и свободы. Одно, однако, несомненно: духовенство не видело в них ничего, кроме врагов Церкви и религии, существ, опасных для общества и заслуживающих только уничтожения, *per fas et nefas*, экзорцизмом, огнем - более того, даже обвинениями, вырванными у безумцев.

Так, папа Григорий IX в письме, адресованном нескольким немецким епископам в 1234 году, описывал посвящение колдунов следующим образом: "Когда мастера-колдуны принимают послушника и тот впервые входит в их собрание, он видит жабу огромного размера - фактически, размером с гуся. Одни целуют ее в рот, другие - в зад. Затем послушник встречает бледного человека с очень черными глазами, настолько худого, что кажется, будто от него остались только кожа да кости; он целует и это существо и чувствует холод, холодный как лед. После этого поцелуя легко забыть о католической вере. Затем колдуны собираются на пир, во время которого черная кошка выходит из-за статуи, которую обычно ставят в

центре сбирища. Послушник целует заднюю анатомию этой кошки, после чего приветствует подобным образом тех, кто председательствует на пиру, и других достойных этой чести. Ученик в колдовстве получает в ответ только поцелуй мастера; после этого свет гасится, и среди собравшихся совершаются всевозможные нечистые действия"[53].

Так считали те, кто несколько лет спустя составил "*Трибунал инквизиции*" и принял знамя Лойолы, а вскоре после этого снова член конгрегации Святого Доминика и профессор теологии Бартеlemi де Лепин, убежденный в существовании демонов и демонидолаторов, показал себя яростным противником колдунов в знаменитой диссертации, которая была немедленно принята его единовѣрцами. Он утверждал, что "*одержимые* ходят на собрания колдунов телом или духом и вступают в плотские сношения с дьяволом; что они замуровывают детей, превращая их в животных, в частности в кошек; что у них бывают непристойные видения, и лучше всего их истребить, ибо их число растет".

Бартеlemi де Лепин, говоря так, лишь следовал традициям отцов Церкви, святого Георгия, святого Епарха, святого Бернарда, Иннокентия VIII и Антонио Торквемады, которые были историками *инкубов* своего времени и разразились анафемами против *одержимых* демоном роскоши.

Отец-иезуит Костадо в своем трактате *De Signis* пишет об инкубизме следующее: "Это слишком необычное явление, чтобы относиться к нему легкомысленно. Мы бы сами не поверили в это, если бы не убедились на личном опыте в злобе демона, а с другой стороны, находим бесконечное множество трудов первого порядка от пап, теологов и философов, которые подтверждают и доказывают, что есть люди настолько несчастные, что с такими демонами ведут постыдную торговлю и другие более отвратительные вещи".

Другой иезуит, Мартин Антуан дель Рио, в 1599 году опубликовал шесть книг (*Disquisitiones Magicæ*), в которых его легковѣрие достигло предела фанатизма, что сделало доброго священника одним из самых ярых врагов демономании. Таковы были доктрины, на которых зиждились теократические притязания богословов.

Неудивительно, что в последние годы Средневековья, когда религиозная борьба достигла своего наивысшего обострения из-за распри между римским двором и Реформацией, число демономанов увеличилось настолько, что весь мир начал верить в силу демонов. "В это злополучное время, - замечает Эскироль, - отлученных от церкви, колдунов и проклятых видели повсюду; встревоженная, церковь создала трибуналы, перед которыми вызывали дьявола, а *одержимых* предавали суду; воздвигались эшафоты, вокруг кольев зажигались погребальные костры, а демономаны под именами колдунов и *одержимых*, вдвойне ставшие жертвами распространенных заблуждений, сжигались заживо после пыток, чтобы заставить их отказаться от притворных договоров, заключенных с лукавым. Против колдовства и магии существовала судебная практика, как против воровства и убийства. Люди, видя, что церковь и князья верят в реальность этих экстравагантностей, были положительно убеждены в существовании демонов".

Ни один орган власти не поднялся на защиту этих несчастных *одержимых* людей; правосудие, философия и наука оставались в подчинении у теологии, становясь все более и более пособниками самодержавной и вечно нетерпимой церкви.

Среди магистратов, историков и публицистов, которые были самыми ярыми сторонниками инквизиции, можно упомянуть Ж. Бодена из Анжера, который в 1581 году опубликовал работу под названием "*Демонomanия*". Он показывает, что жертвы демономании обладают совершенной целостностью психических способностей и во всех смыслах несут

ответственность перед церковными судами и парламентами за свои нечистые отношения со сверхъестественными существами, и логически заключает, что все демономаны должны быть к колям и сожжены заживо. "Тем временем, - говорит этот любезный автор, - мы можем избавить одержимых с помощью экзорцизма, и животные могут быть изгнаны таким образом так же, как и люди". В подтверждение своего тезиса он приводит огромную коллекцию нелепых историй, которые не подкреплены доказательствами. Он говорит: "Одержимые демоном могут выплевывать изо рта тряпки, волосы, дерево и гвозди". Он приводит случай одержимой женщины, у которой подбородок был повернут к спине, язык высунут изо рта, а горло издавало звуки, аналогичные карканью вороны, стрекотанию сороки и песне кукушки. Наконец, он утверждает, что дьявол может говорить устами одержимого и использовать все известные и неизвестные идиомы; что он может совращать молодых девушек и вызывать у них сладострастные ощущения и т. д.

Эта работа Ж. Бодена - в действительности аргументы прокурора, изложенные со страстью и предубеждением, со всеми ошибочными доводами инквизиторов, так что последние были более чем удовлетворены, убедив светских судей и закрепив их юрисдикцию в отношении преступления колдовства. С другой стороны, в тот же год, когда Боден обнародовал свою бесчеловечную сторону вопроса, в Париже появились "*Эссе*" *Мишеля Монтеня*, в которых этот знаменитый писатель апеллировал к философии. Он требовал защитить человеческую жизнь от фантастических обвинений и дал знаменитый ответ одному князю, который показал ему колдунов, приговоренных к смерти: "С точки зрения веры, я бы скорее прописал геллебору, чем болиголов, так как они кажутся скорее безумными, чем виновными". Монтень завершил одно из своих эссе на эту тему сатирическим замечанием: "Мы высоко ценим человеческие догадки, когда варим живьем человека ради его мнения".

Тем временем Боден рассуждал против Монтеня. Но один оставался невежественным прокурором Средневековья, а другой - бессмертным философом, которого Кольбер непременно цитировал, прежде чем представить Людовику XIV знаменитый эдикт 1682 года, запрещавший в будущем "*варить заживо колдунов*".

Тем временем прошло еще целое столетие, прежде чем один из премьер-министров Франции положил конец всем судебным процессам за колдовство, а за это время появились и другие исполнители смертной казни через костехранилища инквизиции; среди них были знаменитый Богуэ, уголовный судья из Бургундии, и Пьер де Л'Анкара, его коллега из Аквитании, которых Кальмей назвал самыми фанатичными судьями своего времени.

Богуэ в своем "*Discours des Sorciers*" писал: "Во Франции было всего триста тысяч при короле Карле IX, и с тех пор их стало больше более чем в два раза. Немцы препятствуют их росту, сжигая на костре; швейцарцы уничтожают целые деревни за один раз; в Лотарингии чужестранец может увидеть тысячи существующих при небольшом количестве казней. Трудно понять, почему Франция не может очиститься от этих существ. Эти колдуны ходят тысячами и размножаются на земле, как гусеницы в наших садах. Хотел бы я ввести наказание в соответствии с моими представлениями, и тогда земля вскоре очистилась бы от одержимых. Я бы хотел собрать их всех в одну массу и сжечь живьем в одном костре".

Пьер де Л'Анкара, советник парламента Бордо, опубликовал в 1613 году "*Таблицу нечисти и демонов*", а в 1622 году - "*Incredulite et mecreance du sortilege pleinement convaincue*". В этих двух работах автор рассматривает все вопросы, касающиеся колдовства, и заявляет, что в качестве судьи он считает ошибкой щадить жизнь любого человека, обвиненного в магии, поскольку считает колдунов *врагами морали и религии*, и обвиняет их в том, что они нашли способ "насилловать женщин, когда те лежат в объятиях своих мужей, принуждая их к этому и

нарушая священные брачные клятвы, ибо жертвы прелюбодействуют даже в присутствии своих мужей, которые остаются неподвижными и обещенными, не имея возможности помешать; Женщины немые, окутаны вынужденным молчанием, тщетно взывают к помощи мужа против колдовского нападения и бесполезно зовут на помощь; муж очарован и не в силах оказать сопротивление, терпит свое собственное бесчестье с открытыми глазами и беспомощными руками.

"Колдуны танцуют вокруг кровати в непристойной манере, как на вакхическом пиру, прелюбодействуют дьявольским образом, совершают отвратительные содомии, богохульствуют, коварно мстят, совершают всевозможные противоестественные действия, огрубляя и денатурализируя все физические функции, держа в руках лягушек, гадюк и ящериц и другие смертоносные животные яды, издавая зловонные запахи, ласкаясь с похотливым любострастием, предаваясь ужасным и постыдным оргиям."

Так говорит прокурор Совета Бордо, но он не подкрепляет свои заявления ни одним существенным фактом, даже ни один отдельный случай не доказан. Его судебные процессы не показывают ничего, кроме нескольких несчастных безумных женщин, которые всегда утвердительно отвечали на непристойные и неприличные вопросы судей и прокуроров, *нанятых Святейшей инквизицией.*

Печально, что философия регистрирует знаменитые имена в эту эпоху. Мы упомянем лишь Рене Декарта, Блеза Паскаля, Николая Малебранша, Томаса Гоббса, Фрэнсиса Бэкона, Лейбница и бессмертного Ньютона. К сожалению, эти великие гении не смогли принять участие в борьбе между клерикальной партией и свободными мыслителями. Почитаемые как ученые, их правительства никогда не спрашивали их совета по вопросам, которые, как утверждалось, находились в ведении религиозных орденов. У духовенства была вся свобода действий в написании истории демонологии, а также в выбивании показаний из обвиняемых в колдовстве - смутных ответов, вырванных страхом, пытками, внушением, навязанных в безвестности покаянной обители. Правдивый свидетель, как мы уже говорили, никогда не давал показаний о поведении колдунов на тайных бдениях. Их заклинания при посвящении, их знаменитые привороты, применяемые на теле с помощью магических мазей в состоянии абсолютной наготы; их конные позы на палках метлы; их трюки с полетами в дымоход и их заколдованные воссоединения, когда рогатые дьяволы скакали на их плечах, - все это легендарные рассказы, которые могли принять только невежественные фанатики и твердые в Вере судьи. Как человек с кажущимся умом прокурора Бодена, делегированный государством, написавший шесть работ о *Республике и Конституции - работы*, которые по уровню способностей сравнивают с "*Духом закона*" Монтескье; как талантливый публицист мог поддерживать в своем труде о колдовстве такие истории, как мы уже упоминали, - вызывает глубокое изумление. Тем не менее, Боден свидетельствует о своей вере в историю о крестьянине из Турени, "который обнаружил себя голым, бродящим утром по полям", и который объяснил свое поведение тем, что накануне вечером он застал свою жену врасплох, когда она готовилась идти на колдовское бдение, и что он последовал за своей лучшей половиной, сопровождаемый дьяволом, вплоть до Бордо, за много лье от него. Боден также поверил рассказу той девушки из Лиона, "которую любовник увидел натирающей себя магической мазью перед посещением колдовского бдения; и любовник, используя ту же мазь, последовал за своей девушкой и прибыл на бдение почти сразу после нее".

Что касается того бедного крестьянина, которого нашли голым и одиноким в поле и заставили донести на жену властям, Боден впечатляюще замечает: "Женщина призналась и была приговорена к сожжению на костре".

Пьер де л'Анкара так и не смог подтвердить свои рассказы часовым, сержантам, стражникам или полицейским о появлении демона, описанного им в "*Трактате о демонах*"; духа, который проявлял себя как большая кровавая гончая или как дикий бык. Правда, в другой части своей книги он демонстрирует переменчивый характер своего дьявола и дает следующее описание, которое, как ему кажется, скорее достойно пера сумасшедшего, чем магистрата: "Дьявол *саббата* (бдения) сидит в черном кресле, с короной из черных шипов, двумя рогами по бокам головы и одним во лбу, которым он пронзает собравшихся. У дьявола щетинистые волосы, бледное и озабоченное лицо, большие круглые глаза, широко раскрытые, воспаленные и отвратительные на вид, козлиная борода, кривая шея, тело человека в сочетании с телом козла, руки как у человека, только ногти кривые и заостренные на концах; руки выгнуты назад. У дьявола есть хвост, как у осла, которым он, как ни странно, скромно прикрывает свои интимные места. У него страшный голос без мелодии; он сохраняет странную и превосходную серьезность, имея лицо человека, который очень меланхоличен и устал от переутомления".

Таков был дух лейтенантов правосудия, призванных инквизиторским духовенством назначить наказание за колдовство. "Колдовство - это преступление, - говорят они в духе убеждения, - о котором договорились человек и дьявол; человек склоняется, чтобы поклониться сатане, и получает взамен часть его адской силы".

Согласно этому договору, "демон плотски соединяется с колдуном и женщиной-медиумом; они объединяются с сатаной, отрицая Бога, Христа и Деву, и оскверняют все предметы святости своим оскверненным присутствием".

Они становятся ревнителями зла и оказывают вечное почтение князю тьмы".

Они крестятся от дьявола и посвящают ему на службу всех детей, рожденных ими от природы".

"Они совершают кровосмешения, отравляют людей, околдовывают и доводят до смерти скот.

"Они питаются падалью из гниющих тел повешенных преступников.

"Они вступают в кабалистический круг, созданный проклятым, и становятся членами тайного ордена, который занимается всеми видами злодеяний против общества; они принимают тайные знаки, подтверждающие их полную вассальность сатане.

"Наконец, они отрекаются от всякой власти, кроме власти мастера Каббалы, и, что самое мерзкое, *подстрекают народ к восстанию*".

В то время как судьи и инквизиторы преследовали всех разумных людей с самой злобной решимостью, Лелойер опубликовал свою монографию о призраках,^[54] чьи доктрины тесно связаны с современными спиритуалистическими теориями.

Этот знаменитый советник писал, что душа, духовная сущность, оживляющая организм, может быть отвлечена и на мгновение отделена от тела, как мы видим в случаях экстаза.

Теперь мы знаем, что это нервное явление, которое может быть *естественным*, когда связано с каталепсией, истерией и сомнамбулизмом, или *спровоцированным*, когда оно производится экспериментально на субъектах в гипнотическом состоянии, почти всегда совпадает с острым моральным впечатлением и приостановкой одного или нескольких чувств. Именно во время этого феномена душа, по мнению Лелойера, совершает далекие

путешествия, что, однако, не является ортодоксальным, поскольку нам рассказывают, что в период таких экстазов, следовавших за каталептической неподвижностью, семь таких экстатиков были заживо сожжены в Нанте в 1549 году.

В другой главе он добавляет, что души после смерти могут воздействовать на наши органы чувств, принимая фантастические формы. Он подкрепляет это мнение случаем с дочерью знаменитого юриста XVI века Шарля Дюмулена, которая явилась своему мужу и сообщила ему имена убийц; и о призраке, который сообщил судье о преступлении, совершенном женщиной Сорнин против своего мужа, что душа Коммода так часто являлась Каракалле.

Автор "*Призраков*" приписывает сверхъестественным существам страхи, испытываемые некоторыми людьми, живущими в домах с привидениями. Каждую ночь их будят звуки - удары в пол и стук в перегородки; каждые несколько минут раздаются раскаты призрачного смеха, свист, хлопанье в ладоши, чтобы привлечь внимание; эти нервные люди видят духов и пугаются внезапных явлений мертвых; призраки хватают их за ноги, нос, уши и даже садятся на грудь. Считается, что в таких домах обитают демоны.

Люди, о которых говорил Лелойер, *сегодня известны как медиумы, производящие физические эффекты*, а явления, наблюдаемые столетия спустя, очевидно, те же, что исследовал Уильям Крукс при сотрудничестве с Кейт Фокс и Хоум[55].

"В экстазе колдунов, - продолжает Лелойер, - душа присутствует, но настолько занята впечатлениями, которые она получает от дьявола, что не может действовать на тело, которое она оживляет. Проснувшись, такие экстатики могут вспомнить вещи, которые они видели, события, в которых они помогали, как в случае, когда душа временно покидает свое земное жилище".

Между тем, справедливости ради стоит отметить, что автор делает некоторые оговорки: он допускает, что экстаз и галлюцинации могут быть спровоцированы патологическим состоянием нервной системы и не всегда являются результатом работы демонов. Он также комментирует определенное количество вампиров, остающихся в летаргическом сне, от нервного состояния, после возвращения с колдовского бдения, факт, который, по словам Кальмейля, был такого рода, что повергнет теории советников инквизиции в уныние.

Теория автора *Spectres* значительно напоминает, как сразу будет замечено, теорию первых волхвов и современную доктрину спиритизма. Кроме того, Лелойер собрал ряд фактов, подтверждающих его утверждения; среди прочих он приводит наблюдение, переданное ему Филиппом де Меланхтоном, ученым эллинистом и автором знаменитого Аугсбургского исповедания. Это было духовное проявление, испытанное вдовой дяди Меланхтона: Однажды, когда она плакала и думала о дорогом потерянном человеке, к ней внезапно явились два духа: "один в величественной, величавой форме ее мужа, другой - в одежде седого монаха. Тот, что представлял ее мужа, подошел к ней, сказал несколько утешительных слов, коснулся ее руки и исчез вместе со своим монашеским спутником".

Меланхтон, хотя и был одним из вождей Реформации, все еще был пропитан идеями римской церкви; после некоторых колебаний он пришел к выводу, что призраки, которых видела его теть, были демонами. Те же явления наблюдали и современные *медиумы*; Уильям Крукс, знаменитый лондонский ученый, рассказывает о фактах, свидетелем которых он был, еще более необычных, чем тот, о котором мы только что рассказали.

Жером Кардан из Парижа, знаменитый математик, прославившийся своим открытием формулы решения кубических уравнений, торжественно подтвердил, что у него был дух-

покровитель, и никогда не сомневался в реальности этого явления. Кардан также рассказывает, как однажды вечером его отца посетили семь призраков, которые не побоялись вступить в спор с ученым стариком.

Воображение, возвышенное химерическим страхом перед демонами, видит работу этих злых духов во всем: в азартных играх, в болезнях, в несчастных случаях, в немощи, во всех обычных происшествиях жизни. Колдунов обвиняют в том, что они колдовством покушаются на мужскую силу. Жертвы говорят, что кто-то завязал узлом их половые органы (*nouer l'aiguillette*). Эта мнимая катастрофа в магии, происхождение которой уходит корнями в глубокую древность, может быть отнесена к аномальным физиологическим эффектам под влиянием моральной причины, страха, робости и, конечно, внушения слабого ума.

Именно таких колдунов обвиняет Боден, возможно, не без оснований, поскольку мы видим эту импотенцию у некоторых молодых меланхоликов, которые легко поддаются фантастическим внушениям.

"Колдуны, - говорит Боден, - обладают способностью удалять из тела только один орган, а именно - детородный; Это они часто делают в Германии, нередко пряча мужские приваты в животе, и в связи с этим Шпрангер рассказывает о человеке в Шпиле, который думал, что потерял свои приваты, и посетил всех врачей и хирургов в округе, которые не смогли найти ничего там, где когда-то находились девичьи органы, ни раны, ни шрама; но жертва, помирившись с колдуном, к своей великой радости вскоре вернула свое сокровище".

В таком колдовстве, *pour nouer l'aiguillette*, не было никакой необходимости для робкого мальчика, уже поработанного страхом перед дьяволом. Конечно, если колдуны имели представление о той силе, которая сегодня известна как *внушение*, они могли очень легко уничтожить мужественную силу субъекта, управляя его волей и мыслями, его физической и моральной личностью. Когда мы можем конфисковать физическую анатомию человека, он становится всевозможным импотентом. Кто подтвердит, что внушение не является одной из тайн колдовства?

ДЕМОНОЛОГИЧЕСКИЕ ВРАЧИ.

После теософов, теургов и жрецов мы обратимся к трудам врачей древности и средневековья по вопросу о духах и их связи с делами человечества.

Мы видим, что Гален часто увлекается верованиями своего времени, впадая в самые нелепые предрассудки и причуды, и что он является защитником магических заклинаний. Он утверждал, что однажды во сне к нему явился Эскулапий и посоветовал кровопускание при лечении плеврита, которым он был болен.

После Галена Соран из Эфеса использовал магические песнопения для лечения некоторых болезней. Скрибоний Ларгус, современник императора Клавдия, указал, как собирать растения, чтобы они обладали наиболее сильными целебными свойствами (левая рука должна быть поднята к Луне). Собранные таким образом растения излечивали даже змеиные укусы. Архигенес подвешивал амулеты на шеи своих пациентов. И хотя Плиний часто заявлял, что желает "исследовать все в природе и не рассуждать об оккультных причинах", он воспроизводит в своих трудах все суеверные практики, используемые в медицине.

В VI веке врач константинопольского двора Итий приобрел большую славу в хирургии благодаря приготовлению помад, мазей и других местных средств, в которых суеверие играло главную роль[56]. Так, при изготовлении определенной мази нужно было несколько раз повторить низким голосом: "Пусть Бог Авраама, Исаака и Иакова придаст действенность

этому лекарству". Если в горле оказывалось инородное тело, нужно было коснуться шеи больного и сказать: "Как Иисус Христос воскресил Лазаря, а Иона вышел из кита, так выходи и ты, кость"; или, еще лучше, "Мученик Блаз и раб Христов повелевает тебе выйти из горла или спуститься в желудок"[57].

После Этия мы видим, как Александр Тралльский предается тем же глупостям. При коликах он велит использовать камень, на котором изображен Геракл, восседающий на льве, железное кольцо, на котором начертано греческое предложение, а с другой стороны - диаграмму гностиков (фигуру, состоящую из двух равносторонних треугольников); и добавляет, что нельзя осквернять священные вещи.

Против подагры тот же Александр Тралльский рекомендовал стих из Гомера, а еще лучше - выгравировать на золотом листе слова *mei, dreu, mor, phor, teus, za, zown*. Словами *lao, Sabaoth, Adonai, Eloï* он вызывал растение, которое использовал при той же болезни. При лихорадке он советовал амулет из оливкового листа, на котором чернилами было написано: *Ka Poi. A.*[58]

В XIII веке Гуго де Люк произносил *Pater noster* и другие молитвы к Троице, чтобы вылечить переломы конечностей. Но в следующем столетии астрология заменила магию религиозных суеверий. Арно де Вильнев приписывал каждому часу суток определенную добродетель, которая в соответствии с влиянием гороскопа воздействовала на различные части тела. По мнению Арно, прибегать к кровопусканию можно только в определенные дни, когда находится такое-то и такое-то созвездие, и ни в какое другое время; но более всего требовало внимания положение Луны. Наиболее благоприятным для флеботомии было время, когда Луна находилась в знаке Рака; соединение же последней с Сатурном вредит действию лекарств и особенно чистящих средств[59].

Его современник, Бернар де Гордон (из Монпелье), в качестве верного метода ускорения трудных приступов называет чтение отрывков из псалмов Давида. Он объясняет гуморы определенных часов дня следующим образом: утром кровь движется к солнцу, с которым она находится в гармонии; но она падает к вечеру, потому что наибольшее обескровливание происходит во время сна. В третьем часу дня желчь устремляется вниз, чтобы не сделать кровь кислой;[60] черная желчь движется в девятом часу, а слизь - к вечеру.

Эффективность драгоценных камней для околдовывания и многие другие суеверные идеи также отмечались медицинскими авторами, в частности итальянскими, как, например, Мишель Савонарола, профессор в Ферраре, один из самых знаменитых врачей своего века. В Германии Агриппа Неттесгеймский, философ, алхимик и врач, имел склонность к магии и оккультным наукам, если судить по его работам, опубликованным в 1530 и 1531 годах, а именно: *De incertitudinæ et vanitate scientiarum, De occulta philosophia*, в которых он упоминает о действии, вызываемом на расстоянии, и предсказывает открытие магнетизма.

Как и он, его современники, Раймонд Люлле в Испании и Ж. Рейхлин, опубликовали книги по *Кабале*, а в Италии Порта основал в Неаполе *Академию тайн* для развития оккультных наук, которые объясняются в его трактате *De Magia Naturali*.

Почти в ту же эпоху Парацельс, профессор из Базеля, утверждал, что владеет универсальной панацеей; что он нашел секрет продления жизни с помощью магии и астрологии, поскольку диагностировал болезни по влиянию звезд. После него Ван Гельмонт защищал животный магнетизм и посвятил себя изучению оккультных наук в компании со своим учеником Родольфом Гоклениусом.

В XVI веке Фернель, который, будучи математиком и астрономом, опубликовал свою "*Космотерию*", где указал способы точного измерения градуса меридиана; свои замечательные труды по физиологии ("*De naturali parte medicinæ*", 1542), патологии и терапии, которые дали ему прозвище французского Галена. Фернель полностью признавал действие злых духов на тело человека; он считал, что поклонники демонов могут с помощью проклятий, заклинаний, обращений и талисманов втягивать падших ангелов в тела своих врагов, и что эти демоны могут затем вызывать серьезные болезни. *Одержимых* он сравнивал с маньяками, но первые обладали даром читать прошлое и прорицать самые тайные вещи. Он утверждал, что был свидетелем случая бреда, вызванного присутствием дьявола в пациенте, что отрицалось несколькими врачами той эпохи.[61] Он также верил в ликантропию..... В том же веке другой прославленный медик, Амбруаз Паре, отец французской хирургии, в своих работах также придерживался теории инквизиторов о колдовстве,[62] в которых можно найти его замечательные анатомические и хирургические открытия. Мы читаем следующий причудливо задуманный отрывок: "Демоны могут внезапно превращаться в любую форму по своему желанию; часто можно видеть, как они превращаются в змей, лягушек, летучих мышей, воронов, козлов, мулов, собак, кошек, волков и быков; они могут превращаться как в людей, так и в ангелов света; они воют по ночам и издают адские звуки, как будто тащат цепи; *они двигают стулья и столы*, качают колыбели, переворачивают листы книг, считают деньги, опрокидывают ведра и т. д. и т. п. Они известны под многими именами, такими как какодемоны, инкубы, суккубы, кокемары, ведьмы, хобгоблины, гоблины, злые ангелы, Сатана, Люцифер и т. д.

"Действия сатаны сверхъестественны и непостижимы, они превосходят человеческое понимание, и мы можем понять их не больше, чем понять, почему грузило притягивает иглу. Одержимые бесами могут говорить языком, вынутым изо рта, через живот и другими естественными частями тела; они говорят на неизвестных языках, вызывают землетрясения, делают гром, проясняют погоду, вырывают деревья с корнем, передвигают горы с одного места на другое, поднимают замки в воздух и ставят их на место без повреждений, могут очаровывать и ослеплять человеческий глаз.

"*Инкубы* - это демоны под видом мужчин, которые совокупляются с женщинами-колдуньями; *суккубы* - демоны, переодетые в женщин, которые практикуют мерзкие привычки не только на спящих, но и на бодрствующих мужчинах".

"Амбруаз Паре, - говорит Кальмей, - считал, что демоны *накапливают в лицах своих жертв всевозможные инородные тела*, такие как старые сети, кости, лошадиные ботинки, гвозди, конский волос, куски дерева, змей и другие любопытные предметы, и приводит известный случай с Ульрихом Нойзерссером".

Из этого знаменитый хирург делает вывод, что "железные лезвия и другие предметы, найденные в желудке и кишечнике несчастного Ульриха, были сделаны дьяволом".

Что бы подумал Паре, если бы увидел странные предметы, которые современные хирурги так часто находят в кистах яичников? Сколько демонов потребовалось бы, чтобы изготовить многочисленные предметы, обнаруженные в наши дни?

К счастью, эти демонологические врачи принимали только предположение о том, что демоны могут действовать на людей, и оставляли жертв на нежное милосердие богословов и их орудий - юристов. Однако даже в это время зверств нашлось несколько мужественных врачей, которые боролись за человечность против церковного деспотизма. Процитируем, по словам Кальмейя, Франсуазу Понзинибус, которая один за другим уничтожила все аргументы, служившие опорой для уголовного кодекса против демонов. Именно этот

отважный врач осмелился написать, что демониолопоклонство - это настоящая болезнь; что все ощущения, заставляющие невежд верить в духов, обожающих дьявола, вызваны развращенным моральным и физическим состоянием; Что неправда, что некоторые люди могут ночью отделить свою душу от тела и таким образом покинуть свой дом и отправиться в далекие места, населенные демонами; Что приобщение колдунов и все преступления, приписываемые им, не могут быть логически предположены, но должны быть доказаны юридически; Что жестоко и зверски сжигать на костре слабоумных людей за колдовство.

Приведем также слова Андре Альсиата, другого мужественного врача, который осмелился обвинить инквизитора в убийстве множества безумцев по обвинению в колдовстве. Он считал бдение (*саббат*) колдунов абсурдной выдумкой, а в так называемых *одержимых* видел лишь множество несчастных слабоумных женщин, преданных фанатичным заблуждениям и диким снам.

Пауль Заккиас, автор "Медико-юридических вопросов" (*Questiones Medico-legales*), работы, в которой он проявляет себя как мудрый инопланетянин, так и доктор права. Явный и открытый враг сверхъестественного, он смело обличал жестокости, совершаемые над слабоумными.

Наконец, занесем в почетный список с нашим почтением имя Жана Вира,^[63] или, скорее, Иоанна Вира, врача герцога Клевского, который учился в Париже, где получил степень доктора, а затем был учеником Корнелия Агриппы, приверженца демонологии. Как и последний, Жан Вейр верил в астрологию, алхимию, кабалу, колдунов и женщин-медиумов, а также в демонов, которые овладевали людьми с помощью магической силы. Но в своих работах, опубликованных в 1560 году, он провозглашает невиновность несчастных, наказанных за колдовство, и объявляет их безумцами и меланхоликами, а также утверждает, что их можно было бы вылечить с помощью надлежащего лечения. Он заявляет, что полностью убежден в том, что колдуны, ведьмы и больные ликантропией, которых сжигали на костре, были сумасшедшими, чей разум был подавлен; и что вины, вменяемые этим несчастным, были опасны только для них самих; что одержимые были обмануты ложными ощущениями, которые испытывали во время экстатических трансов или во сне.

Вейр^[64] настаивал на том, что мономании убийства, приписываемой жителям Во, не следует доверять, и она не является исключением глупцов и фанатиков; в то время как так называемые вампиры, чья кровь проливалась на берегах озера Леман, на границах Рейна и в горах Савойи, никогда не были виновны в преступлениях, ни в убийствах особенно, и приводит случаи осуждения, когда *безумие* или *слабоумие* жертв было неопровержимо. В целом он заявляет, что все колдуны безответственны, что они безумны и что с дьяволами, овладевшими ими, можно бороться без экзорцизма. "Прежде всего, - говорит он судьям и палачам, - не убивайте, не пытайте. Неужели вы боитесь, что эти бедные испуганные женщины и так недостаточно страдают? Думаете, они могут испытывать больше страданий, чем те, что уже испытывают? Ах! Друзья мои, даже если они заслужили наказание, будьте уверены в одном: *их болезни достаточно*". Прекрасные слова, достойные великого философа. Родившийся в XVI веке, он верил в магию и колдовство; но как врач он ратовал за спасение человеческой жизни, а как человек - осуждал преступления, совершенные на эшафоте. "Долг монаха, - говорит он, - изучать, как лечить душу, а не губить ее". Увы! Он проповедовал свое учение в бесплодной пустыне церковного фанатизма.

Хотя эти имена менее известны, чем упомянутые выше, мы не должны забывать о той группе талантливых людей, которые вместе с Понцинибом, Альсиатом, Заккиасом и Жаном Виером внесли свой вклад в восстановление медицины на основе изучения фактов, освободив тем самым искусство врачевания от многих умозрительных идей, пришедших из Средних веков;

Мы упоминаем таких людей, как Байю, Франсуа де ла Бо (*Сильвиус*), Феликс Платер, Сеннерт, Уиллис, Бонэ и многие другие галантные души, которые помогли освободить медицину от религиозной автократии, омрачавшей ее, - людей, которые были *авангардом* современного позитивизма.

Многие из тех, кто предшествовал этим писателям, были учеными людьми и выдающимися врачами, которым анатомия, клиническая медицина и хирургия обязаны важными открытиями, но большинство из них не были достаточно смелы, чтобы защищать свой интеллект от религиозных суеверий. В некоторых случаях они даже становились преступными сообщниками теологов и инквизиторов. Приверженность демонологическим идеям, их молчание по важнейшим психологическим вопросам свидетельствуют об их слабости - нам жаль это говорить - и низводят их с высокой позиции гуманитариев; народные массы Средневековья ничем не обязаны большинству своих медиков-знахарей в вопросе свободы совести.

ОКОЛДОВАННЫЕ, ОДЕРЖИМЫЕ, КОЛДУНЫ И ДЕМОНОМАНЫ.

Для того чтобы полностью понять демономанию Средневековья, необходимо предварительно проанализировать различные элементы, составляющие медицинскую конституцию эпохи, и выяснить, под какими болезненными влияниями возникали столь странные *неврозы*.

Эти влияния мы обнаружим в состоянии интеллектуальной и моральной депрессии, вызванной чередой эпидемий моровой язвы, которые, начиная с VI века, уничтожали население Западной Европы; в склонности человеческого разума к сверхъестественности, которая захватила все классы общества; в ужасах, вызванных пытками вечно пылающего и вечного ада; в страхе, вызванном жестокими и зверскими решениями жестоких инквизиторов и их фанатичных инструментов, служителей закона. Мы также видим, что ужасающее состояние несчастья ослабило жителей города и деревни морально и физически, побудив множество женщин открыто заниматься проституцией для защиты и пропитания, из-за беззакония деспотического режима; к этому добавились плохие условия гигиены и моральный упадок, так что интеллект был ослаблен и подорван, вместе с разрушением жизненной силы организма.

В пересказе бедствий Средневековья, выполненном рукой мастера, прославленного историка, опирающегося в своих утверждениях на античные хроники, достоверность которых не подлежит сомнению, мы читаем следующее: "Общество было проникнуто глубоким чувством печали, как будто бледная пелена скорби покрыла поколение; весь мир был охвачен чумой; нашествие варваров; ужасные болезни; страшный голод, уничтожающий массы людей голодной смертью; жестокие бури; серое небо с туманными днями; мрак ночи набрасывает свой саван повсюду; плач возносится к небесам через весь этот ужасный период". Этот мрачный свидетель, наш современник Глабер, в полной мере отражает положение общества, опустошенного войной, голодом и чумой. Считалось, что порядок времен года и законы стихий, которые до этого времени управляли миром, вновь погрузились в первозданный хаос. Считалось, что наступил конец человеческой расы"[65].

Когда в конце XV века на землю обрушилась эпидемия демономании, более десяти поколений людей уже пережили депрессивное действие суеверий и ложных идей, распространяемых религией. Наследственность подготовила землю, человеческий разум находился в абсолютном состоянии восприимчивости ко всем патологическим действиям. Воспитание детей сводилось к обучению их глупым доктринам, дьявольским легендам,

таинственным практикам, которые ослабляли их суждения. По мере продвижения от детства к совершеннолетию возникало смутное чувство беспокойства с постоянной озабоченностью на тему совести и греха. В зрелом возрасте, как мы уже отмечали, наступала религиозная мономания, сопровождавшаяся острым сексуальным возбуждением и стойкими эротическими идеями.

Достигнув этой фазы, одни становились теоманьяками, другие демономанами, утверждая, что одержимы колдовством, под влиянием генезических и других чувств, с психическими галлюцинациями, а в некоторых случаях и психосенсорными иллюзиями. Эти фиктивные восприятия возникали либо под влиянием разума, пораженного сверхъестественными представлениями, либо под влиянием болезненных впечатлений, передаваемых чаще всего великим симпатом, либо, наконец, под влиянием неизвестного действия, исходящего извне.

Под влиянием этих галлюцинаций, проявлявшихся в состоянии сомнамбулизма или во время физиологического сна, воспоминания о котором сохранялись до самого пробуждения, демономан отвечал на вопросы, что слышал сбивчивые звуки, издаваемые колдунами во время их *бдений*, слышал также разговор дьяволов и видел сцены самой дикой проституции, разыгрываемой демонами; что ему мерещились фантастические животные; что ощущал странные дьявольские запахи, аромат гнилого мяса и испорченной человеческой плоти, испорченную кровь новорожденных и другие неприятные вещи; что эти выделения были ужасны, отталкивающие, тошнотворны, сочетались с вонью колдунов и сернистыми испарениями магических духов; что он чувствовал прикосновения сверхъестественных существ, которые были легкими, как дым или туман, и витали в воздухе. Галлюцинации генитальных чувств заставляли его верить, что он имел плотскую связь, всегда болезненного характера, с суккубами. Когда жертвой этих галлюцинаций становилась женщина, у нее создавалось впечатление, что ее жестоко изнасиловали или дефлорировали, а некоторые женщины заявляли, что часто испытывают сладострастные ощущения от амурного соития.

Эти галлюцинации развивались одна за другой; те, кто принадлежал к классу анестезиологов, приходили первыми, те, кто принадлежал к классу генезиологов, приходили последними. Сложность их симптомов порождала то, что мы называем *дедубликацией*, или раздвоением личности. *Одержимые* утверждали, что находятся во власти демона, который проникает в их тело одним из естественных ходов, играет с их лицом, прикладывается к любому месту в их организме, предлагает всевозможные эротические акты, естественные и неестественные, шепчет им на ухо бесстыдные предложения, хулит Бога, заставляет их подписать контракт с дьяволом собственной кровью.

Нервное состояние, в котором находились эти слабоумные существа, ставшие жертвами ночных галлюцинаций, незаметно вызывало вид постоянного сомнамбулизма, во время которого они приобретали особенно болезненную личность. Они утверждали, что являются колдунами, одержимыми демонами. Когда эта личность исчезала, и пациент возвращался в нормальное состояние, достаточно было простого внушения, чтобы галлюцинация появилась вновь. Это объясняет, почему так много людей, обвиненных в колдовстве, сначала отрицали то, что впоследствии подтвердили. Когда судья с авторитетным видом требовал рассказать, что они делали на собрании ведьм (*бдении*), они начинали с точностью до мельчайших подробностей пересказывать все обстоятельства ночных встреч демонов и их жертв; и за это безумное заявление или так называемое признание их сжигали на костре за участие в дьявольских практиках.

В "*Хрониках Энгуаррана*" Монстреле, правдивого и достоверного историка происшествий своего времени, мы находим описание знаменитых *эпидемий* колдовства в Артуа, которые

привели к сожжению на костре такого количества жертв по приказу инквизиции. Факты, рассказанные этим знаменитым писателем, подтверждают те интерпретации, которые мы дали этим явлениям. Он выражается следующим образом:

"В 1459 году в деревне Аррас, в стране Артуа, произошел ужасный и плачевный случай того, что мы называли *Водуазией*. Я не знаю, почему". "Одержимые, мужчины и женщины, рассказывали, что каждую ночь их уносил Дьявол из мест, где они жили, и они внезапно оказывались в других местах, в лесах или пустынях, где встречали множество других мужчин и женщин, которые общались с большим Дьяволом под маской человека, который никогда не показывал своего лица. Этот Демон читал и предписывал им законы и заповеди, которые они должны были исполнять; затем заставлял собравшихся гостей целовать его ягодицы; после этого он давал каждому адепту немного денег и угощал их винами и богатыми яствами, после чего свет внезапно гас, и незнакомые мужчины и женщины плотски познавали друг друга в темноте, после чего их внезапно переносило сквозь пространство, обратно в их собственные жилища, и они пробуждались, как ото сна.

"Эту галлюцинацию испытали несколько знатных особ города Арраса и других мест, мужчин и женщин, *которые подверглись столь ужасным мучениям, что признались, а признавшись, признали, что видели на этих ведьмовских сборищах многих выдающихся людей, среди которых были прелаты, дворяне, губернаторы городов и деревень, так что, когда судьи допрашивали их, они вложили имена обвиняемых в уста тех, кто давал показания, и те упорствовали в этих показаниях, хотя их заставляли муками и пытками говорить, что они видели другое, а названные невинные лица были также посажены в тюрьму и подвергнуты таким пыткам, что от них были вынуждены признаться; И их тоже сожгли на костре самым бесчеловечным образом.*

"Некоторые из обвиняемых, богатые и влиятельные, избежали смерти, заплатив деньги; других заставили сделать признание под обещание, что в *случае признания их жизнь и имущество будут пощажены*. Были и такие, которые с удивительным терпением переносили мучения, не желая признаваться, чтобы не навлечь на себя осуждения; многие из них давали судьям большие денежные взятки, чтобы те избавили их от наказания. Другие бежали из страны при первом же обвинении, а впоследствии доказали свою полную невиновность"[66].

Кальмей считает этот рассказ о так называемом колдовстве бредом, эпидемически распространенным в Артуа, где "было казнено множество безумцев", хотя он вынужден добавить: "Эти факты заставляют нас предвидеть, какие несчастья преследовали лжеучеников Сатаны в прежние времена".

Эти неврозы жителей Артуа уже были замечены почти за полвека до этого среди сектантов по имени *Луонские бедняки*. На романском языке эти люди обозначались как *faicturiers*, слово *faicturerie* означает колдун, или тот, кто верит в магию. Демономания, очевидно, восходит к самому началу Средневековья.

Решение трибунала Арраса, приговорившего колдунов Артуа к сожжению на костре, - любопытный документ на старофранцузском языке, заслуживающий хотя бы краткого упоминания, поскольку он опирается на следующие соображения, которые были приняты за истинные, хотя и являлись всего лишь бредовыми представлениями невежественных крестьян:

"Когда кто-либо желал отправиться на слет ведьм (*бдение*), нужно было только взять немного магической мази, натертой на дворовой палке, и также небольшую часть натереть на руках. Эта палка или метла, помещенная между ног, позволяла лететь куда вздумается, через горы и долины, через моря и реки, и переносила к месту встречи с дьяволом, где стояли столы, уставленные яствами и напитками. Там же находился и сам дьявол в виде обезьяны, собаки или человека, в зависимости от обстоятельств, и ему одержимый обещал повиноваться и оказывал почтение; фактически он обожал дьявола и отдавал ему свою душу. Затем одержимый целовал зад дьявола - целовал его по-козлиному, прижимаясь к нему. После еды и питья все собравшиеся принимали плотские обличья; даже дьявол принимал обличье мужчины, а иногда и женщины. Затем толпа совершала преступление содомии и другие ужасные и противоестественные деяния - грехи против Бога, настолько противоречащие природе, что вышеупомянутый инквизитор говорит, что не осмеливается даже назвать их, они слишком ужасны и злы, чтобы когда-либо упоминать о них в невинных ушах, преступления столь же жестокие, сколь и зверские"[67].

Среди этих колдунов был поэт, художник и старый аббат, который выдавал себя за дилетанта в тайнах Изида. Возможно, инквизиция преследовала таких людей как колдунов и еретиков, зная, что они предаются разврату. Подобные вещи происходили, как уже говорилось, в самом начале Средневековья.([68])

Как уже упоминалось, существовали демоны, совокуплявшиеся по ночам с женщинами, а иногда и с мужчинами, называемые *инкубами* и *суккубами*, следуя тому, что они были активными (*incubare*, лежать на) или пассивными (*sub cubare*, лежать под).

Кальмей писал, что девственниц, посвященных в целомудрие по святым законам, часто посещали эти демоны, переодетые в образ Христа, или ангела, или серафима. Иногда дьявол принимал облик Пресвятой Девы и пытался совратить молодых монахов с пути благочестия. "Впечатлив жертву силой красоты, - говорит мудрец Алиенист, - злой демон затем ложился в постель девушки или юноши, в зависимости от обстоятельств, и пытался соблазнить их постыдными практиками". Боги, говорят древние, часто искали общества княжеских дочерей; эти притворные боги были не кем иным, как демонами. Дьявол овладел Реей под видом Марса, и этот суккуб принял облик Венеры в тот день, когда Анхис решил сожительствовать с богиней красоты.

"Демон-инкуб, которому отдавали предпочтение падшие женщины, являлся в облике черного человека или козла. С незапамятных времен проклятые духи нападали на некоторых женщин в облике похотливых грубиянов. Волосатые сатиры или лохмачи, фавны и сильфиды были лишь замаскированными инкубами.

Связи между *одержимыми* и *инкубами* часто сопровождалось болезненным ощущением сжатия в эпигастральной области, невозможностью сделать ни малейшего движения, жертва не могла ни говорить, ни дышать. У нее наблюдались все явления, характерные для приступа кошмара. В то же время у некоторых были другие ощущения. Монахиня святой Урсулы по имени Армелла рассказывала, что ей казалось, будто она "постоянно находится в компании с демонами, которые искушают ее отказаться от своей чести". В течение пяти месяцев, пока длилась эта борьба, невозможно было спать по ночам из-за призраков, которые принимали разнообразные и чудовищные обличья"[70] Эта добродетельная монахиня сохранила целомудрие, несмотря на страшные испытания.

Анхеле де Фолиньо обвиняла инкубов, говорит Мартин дель Рио, в том, что они избивали ее без жалости, разжигали огонь в ее половых органах и внушали ей адскую смазку. Не было ни одной части ее тела, которая не была бы в синяках от нападения этих демонов, и дама не могла подняться с постели.

Другая монахиня, по имени Гертруда, которую цитирует Жан Виер, призналась, что с четырнадцати лет она спала с сатаной лично, и что дьявол занимался с ней любовью и часто писал ей письма, полные самых нежных и страстных выражений. Одно письмо было найдено в келье этой бедной монахини 25 марта 1565 года. Это любовное послание было полно подробностей ночных распутств Демона.

Боден в своей "Демономании" приводит наблюдения Жанны Эрвилье, которая была сожжена заживо по приговору Парижского парламента. Она призналась своим судьям, что была представлена дьяволу своей бабушкой в возрасте двенадцати лет. "Дьявол в виде большого черного человека, который был одет в черный костюм и ездил на черной лошади. Этот дьявол имел с ней плотское сношение, такое же, какое мужчины имеют с женщинами, только без семени. Этот грех продолжался каждые десять или пятнадцать дней, даже после того, как она вышла замуж и спала со своим мужем".

Этот же автор сообщает о многих подобных случаях. Среди прочих - случай Маделайн де ла Круа, настоятельницы женского монастыря в Испании, которая обратилась к папе Павлу III, признавшись, что с двенадцати лет имела связь с демоном *в облике мавра*, и что более тридцати лет продолжала эту связь. Боден твердо убежден, что эта монахиня была представлена сатане *"из чрева своей матери"*, и утверждает, что "подобные совокупления не являются ни иллюзией, ни болезнью". В своей работе он также приводит выдержки из допросов, заданных колдунам Лонгни в присутствии Адриана де Фер, генерал-лейтенанта Лаона. Эти колдуны были приговорены к сожжению на костре за торговлю с инкубами. Он упоминает Маргариту Бремон, которая призналась, что однажды вечером ее привела собственная мать на встречу с демонами и "обнаружила в этом месте шесть дьяволов в человеческом обличье, но отвратительных на вид". После того как танец демонов был закончен, дьяволы вернулись на диваны к девушкам, и один сожительствовал с ней в течение получаса, но она избежала зачатия, поскольку он был бесплоден".

Одной из отличительных черт демонов была их заразительная вонь, которая выдыхалась из всех частей тела. Этот запах, приписываемый дьяволу, был галлюцинацией обоняния, которая, как и галлюцинации генитального чувства, входила во все сложные галлюцинации демономании.

Примеры сожительства мужчин с демонами приводят многие авторы Средневековья. Григорий Турский оставил нам запись о Епархии, епископе Оверни, который сожительствовал с суккубами.

Жером Кардан, врач и итальянский математик, рассказывает о священнике, который более пятидесяти лет сожительствовал с демоном, переодетым в женщину.

Пик де Мирандоль рассказывает, как другой священник более сорока лет занимался коммерцией с прекрасной суккубой, которую он называл Гермियोной. Боден пересказывает историю Эделин, настоятельницы религиозной общины в Сорбонне. Противник демономанических доктрин, Эделин был обвинен теологами в защите демонов. Перед трибуналом приор заявил, что его посетил сатана в образе черного барана, он отдал свое

тело инкубу и лишь повиновался своему господину, проповедуя, что колдовство - это химерическое изобретение. "Хотя доказательства, представленные в протоколах трибунала Пуатье, - замечает Кальмей, - не оставляют сомнений в отчуждении интеллектуальных способностей в момент суда, Эделин был тем не менее приговорен к вечному уединению от мира".

В качестве другого яркого примера галлюцинаций, имеющего отношение к вопросу об инкубизме, Гиберт де Ножан рассказывает о монахе, "который был болен и пользовался услугами врача-еврея. В обмен на здоровье вышеупомянутый лекарь потребовал жертву. "Какую жертву?" - спросил монах. "Жертву того, что наиболее ценно для людей", - ответил еврей. Что это может быть?" - спросил монах. И демон, ибо это был дьявол, переодетый врачом, имел дерзость объяснить. "О проклятие! О позор! Требовать такого от священника!" Но жертва, тем не менее, сделала то, о чем ее просили. Это было отречение от Христа и истинной веры".

Подобно психосенсорным галлюцинациям других органов чувств, галлюцинации генитального чувства могут принимать эротический тип заболевания и, несомненно, вызваны у некоторых мужчин переполнением семенных пузырьков. Именно это объяснение инкубизма дает Сент-Андре, ординарный врач Людовика XIV. "Инкуб, - говорит этот автор[71], - химера, имеющая в своей основе лишь мечту, перевозбужденное воображение, слишком частое стремление к женщине; не меньшую роль в создании инкуба сыграла хитрость: женщина, девушка, только по имени преданная, уже давно развращенная, но желающая казаться добродетельной, чтобы скрыть свое преступление, выдает проступки какого-нибудь любовника за действия демона; таково обычное объяснение. В этой хитрости женщине часто помогают *внушения* мужчины - мужчина, который слышал, как *суккубы* говорят с ним во сне, обычно видит самых красивых женщин в своих снах, которые при таких обстоятельствах часто бывают эротическими".

Несомненно, что пылкое воображение и преувеличенный сексуальный аппетит сыграли главную роль в истории *инкубов*, но, тем не менее, могут быть и исключения.

Николас Реми, инквизитор Лотарингии, дал описание *нечистот*, совершаемых между демонами и колдунами, согласно показаниям *одержимых*. [72] К счастью, он привел лишь латинскую версию того, что они ему рассказали. Он заявляет: "*Hic igitur, sive vir incubet, sive succubet foemina, liberum in utroque naturæ debet esse officium, nihilque omnino intercedere quod id vel minimum moretur atque impediat, si pudor, metus, horror, sensusque, aliquis acrior ingruit; il icet ad irritum redeunt omnia e lumbis affœaque prorsus sit natura.*"

Затем следует приговор четырём девушкам из Вогезов, согласно признаниям, которых звали Нанетта, Клодина, Никола и Дидас, и о которых Николас Реми, к счастью для широких масс профессии, говорит только по-латыни, чтобы не шокировать скромность рассказом. "*Alexia Drigæa recensuit doémoni suo pœnem, cum surrigebat tentum semper extitisse quanti essent subices focarii, quos tum forte præsentis digito demonstrabat; scroto ac coleis nullis independentibus, etc.*" (Мы воздерживаемся от дальнейшего цитирования и за более подробными сведениями отсылаем читателя к оригиналу).

Неужели на этих девушек напал недуг, сложная галлюцинация чувств, заставившая их твердо поверить в то, что они одержимы или принадлежат сверхъестественному существу, которое обязывает их отказаться от своей свободной воли в его пользу? Были ли они, в конце концов, всего лишь проститутками, страдающими нимфоманией? Мы можем лишь настаивать на том, что проституция или низкий уровень морали в значительной степени входят в историю тех, кто *одержим* инкубами.

Помимо воображаемых *бдений* (Саббат), которые, как предполагалось, посещали те, кто действительно был безумен, следует помнить, что существовало множество домов проституции, содержащихся старыми шлюхами и беспринципными сводниками, где происходили ночные оргии и сцены дикого разврата. Настоящие колдуны хвастались своей магией и связями с демонами, но на самом деле они не знали ничего, кроме искусства приготовления дурманящих снадобий, которыми и пользовались на полную катушку. Проведя всю жизнь в пороке, их страсти, вместо того чтобы угаснуть, с возрастом возвысились. "Прежде чем стать колдунами, - замечает профессор Томас Эраст, - эти *лами* (маги) были либидинозными и находились в тесной связи с лукавым"[73].

Пьер Дюфур, знаменитый библиоман, провел очень длинное и глубокое исследование связи колдовства с социальным злом и собрал настоящий урожай фактов, должным образом подтвержденных историями судебных процессов по обвинению в демониолопоклонстве, и пришел к выводу, что колдовство сделало меньше жертв, чем обольстителей. Дюфур сказал: "За исключением очень небольшого числа доверчивых магов и колдунов, все, кто был посвящен в таинства, служили или заставляли других служить в отвратительной торговле развратом. *Бдение* предоставляло прекрасную возможность стать местом для подобных развратных действий. Подобные сходки отвратительных компаний распутников и проституток были выгодны некоторым рыцарям, а колдовским сборищам покровительствовало множество заблудших молодых женщин, которые пали от благодати из-за либидинозного очарования".

Тем временем колдовство продолжало существовать, несмотря на приговоры и казни. В 1574 году по доносу старой сумасшедшей карга восемьдесят крестьян были заживо сожжены в Валери, в Савойе. Три года спустя за то же преступление погибло около четырехсот жителей Верхнего Лангедока. В 1582 году в Авиньоне было казнено огромное количество так называемых колдунов. С 1580 по 1595 год девятьсот человек, обвиненных в колдовстве, были преданы смерти.

В 1609 году в стране Лабурде (Басс-Пиренеи) тюрьмы были переполнены мужчинами, женщинами и детьми, обвиненными в колдовстве. Костры для сожженных на костре жертв зажгли все деревни провинции, и суды не щадили никого. Многие из этих несчастных обвиняли себя в том, что верили в колдовских демонов и посещали дьявольские сборища (*бдения*), где прелюбодействовали с инкубами. Другие, к которым была применена смертная казнь, были невинными людьми, *на которых донесли*, но и они, отрицая все обвинения, были приговорены к сожжению заживо.

В том же году некоторые жители страны Лабурда, нашедшие убежище в Испании, были обвинены в том, что пронесли демонов в Наварру. Пятеро из этих несчастных были сожжены на костре по приказу инквизиции, одна женщина была задушена и сожжена после смерти. Даже тела эксгумировали, чтобы предать их огню. Восемнадцати людям было разрешено покаяться за их предполагаемое колдовство.

В течение двух лет, 1615 и 1616, в Сольне и Берри было рассмотрено двадцать дел о демониолопатрии; эти люди были обвинены в том, что находились на *бдении*, не будучи помазаны фрикциями, однако. Старый негодяй семидесяти семи лет по имени Невиллон притворился, что видел процессию из шестисот человек, в которой Сатана принял облик барана или козла, и заплатил колдунам восемь су за убийство мужчины и пять су за убийство женщины. Они обвинили его в том, что он убивал животных с помощью своих колдовских заклинаний. Невиллон был повешен вместе с теми, кого он обвинял. Другой крестьянин, по имени Жантиль Леклерк, признался, что он сын колдуна, что он был крещен на *бдении*

демоном по имени *Аспик*; его приговорили к повешению, а тело сожгли. То же самое произошло с человеком по имени Маинге и его женой, а также с некой Антуанеттой Бренишон, которые утверждали, что все трое в компании посещали сходку ведьм.

В 1484 году Иннокентий VIII выдвинул против жителей Германии обвинение в антропофагии, а сотня женщин была обвинена в убийствах и сожительстве с демонами.

Инквизиторы вдохновились историей Нидера о колдовстве Водуа. По показаниям некоторых свидетелей они установили, что эти Водуа перерезали горло своим младенцам, чтобы сделать магические фильтры, которые позволяли бы им пересекать пространство, чтобы присутствовать *на бдениях* ведьм (*колдунов*). Другие *обвиняли себя* в сожительстве с демонами; некоторые притворялись, что вызывали бедствия, наводнения и бури, воздействуя на них через Сатану. Многие подвергались самым ужасным пыткам с такой полной бесчувственностью, что богословы пришли к выводу, что жир первородящих самцов обеспечил им эту демонологическую способность переносить боль. Такая общая анестезия позволяет нам утверждать, что эти несчастные были невропатами.

Установить точное число жертв, принесенных в жертву фанатизму инквизиции, было бы непросто. Уже в 1436 году жителей швейцарской провинции Во обвинили в антропофагии - поедании собственных детей, чтобы удовлетворить свой свирепый аппетит. Кто-то заявил, что они подчинились дьяволу, и поднял крик, что за очень короткое время они съели тринадцать человек. Судья и прокурор Эуда немедленно занялись расследованием этой истории. Не получив доказательств от очевидцев, они, по словам Кальмейля, подвергли сотни несчастных пыткам на дыбе, после чего несколько человек были сожжены на костре. Целые семьи, охваченные ужасом, бежали из дома и находили убежище в более гостеприимных странах; но фанатизм и смерть преследовали их, как чума^[74].

Моральные и физические пытки, которым подвергались те, кто подозревался в этом антропофагическом колдовстве, заставляли некоторых из жертв признаться, что они обладали силой убивать младенцев, произнося чарующие слова, и что мази из детского жира давали им возможность летать по воздуху в свое удовольствие; что практика демонической науки позволяла им вызывать аборт у коров и овец, что они могли вызывать грозу с градом и уничтожать чужие посевы; что они могли создавать потопа и моря и т. д. Такова была антропофагическая эпидемия 1436 года.

Те же наблюдения можно сделать и в отношении так называемой ликантропии, которая всегда возникала среди одержимых и колдунов; то есть сумасшедшие, особенно мономаниакального типа, обвиняли себя и других в воображаемых преступлениях, делая признания судьям. В качестве примера можно привести случай с крестьянином, о котором говорит Иов Финсель, а также случай, упомянутый Пьером Бурго из Вердена, которые без колебаний утверждали, что они виновны в ликантропии. Их сожгли живьем в Полинии, но останки пяти женщин и детей, чью плоть они якобы пожирали, так и не были найдены. Чтобы превратиться в волков, они утверждали, что использовали помаду, которую им дал дьявол; и, находясь в определенном состоянии, они совокуплялись с самками волков. Жан Виер написал длинное эссе об этом последнем случае ликомании и считает, что болезнь этих двух мужчин была вызвана наркотиками, которые они постоянно употребляли; но Кальмей склонен считать, что в целом ликомания - это частичный бред, присущий только мономаньякам-убийцам. Такая оценка этого случая кажется оправданной на примере аналогичного случая Жюль Гамье, который был убежден, что убил четырех детей и съел их плоть. Он был приговорен к сожжению на костре в Доле, как волк (*loupe garron*), а крестьянам

предместья тем же приказом было разрешено убивать всех подобных ему людей. Но из этого конкретного случая не следует делать вывод, что существовал общий закон на этот счет.

В 1603 году парламент Бордо счел за благо признать смягчающие косвенные улики в деле мальчика из Рош-Шале по имени Жан Гренье, которого трое молодых крестьян обвинили в ликантропии. На суде не было предпринято никаких попыток найти доказательства, обвиняемый признался во всем, в чем хотел, и был приговорен к пожизненному заключению, перед оглашением которого суд заявил, что, приняв во внимание возраст и слабоумие этого пациента, который был настолько глуп, что идиот или ребенок семи лет знал бы лучше, он добавил милосердие к приговору."

Тогда он был одним из деревенских имбецилов, таких, каких мы видим в приютах для умалишенных, от присутствия которых мы избавляемся путем изоляции в благотворительных учреждениях.

В ту же эпоху, в течение двух лет, с 1598 по 1600 год, мы можем подсчитать число бедных несчастных из Юры, чья нищета вынуждала их просить пропитания, и почти все они были приговорены к смерти как Демонидолаторы и ликантропы. Готовые и желающие покинуть этот мир, эти несчастные отвечали на все вопросы об обвинении утвердительно и шли на смерть с величайшим безразличием. Печально известный прокурор Буже, посланный в Юру в качестве агента по борьбе с преступностью, хвастался, что в одиночку казнил более шестисот этих невинных людей.

Тогда царил инквизиторский террор; и только с огромным трудом в то время бедный идиот по имени Жак Руле, приговоренный к смерти как ликантроп уголовным судьей Анжера, был помещен в приют для идиотов по распоряжению парижского парламента; и это тоже в XVII веке.

ИСТЕРО-ДЕМОНОМАНИЯ МОНАСТЫРЯ.

Демономаническая истерия монастыря, о которой мы перечислили несколько примеров самого замечательного рода, существовала в Средние века в форме эпидемического невроза, характеризующегося сложными нарушениями нервной системы между жизнью отношений и органической жизнью; то есть функциональными симптомами, зависящими от общей чувствительности органов чувств, активных органов движения и интеллекта. В наших наблюдениях мы, следовательно, будем различать:

Гиперэстезия и спазм желудка и органов брюшной полости, при галлюцинациях отравления ведьмами.

Гиперэстезия яичников, матки и влагалища, при галлюцинациях болезненного сожительства с инкубами.

Спазмы глотки и мышц гортани: кашель, крики и лаяние в продромальном периоде до судорожных приступов.

Сосудодвигательные нарушения, в кожных знаках, которые приписываются дьяволу, но просто возникают при контакте с каким-либо инородным телом.

Сомнамбулизм, в выполнении движений (иногда в противоречии с законами равновесия), в ясном состоянии сознания, вне состояния бодрствования, с или без медиумических способностей и сохранения памяти; в восприятии ощущений, без вмешательства органов

чувств; в сенсорных галлюцинациях, производимых простым прикосновением; в экстазе, с потерей тактильного чувства и галлюцинациями зрения[75].

Внушение, бессознательно вызываемое быстрыми изменениями чувствительности, изменениями подвижности, автоматическими движениями, выполняемыми *по подражанию* (одна из форм внушения), или господством чужой воли, и вообще *проникновением идеи или явления в мозг*, словом, жестом, взглядом или мыслью[76].

Каталепсия, при неподвижности тела, фиксированности взгляда и ригидности конечностей во всех положениях, в которые мы хотим их поставить (*очень редкое явление*).

Летаргия, при угнетении всех частей тела и предрасположенности мышц к сокращению.

Бред, наконец, в невозможности надеяться отличить ложные ощущения от истинных.

Анализируя основные симптомы истеро-демонии, мы легко обнаруживаем характерные черты обычного истерического безумия; мы видим, что *она всегда нападает*, предпочитая впечатлительную женщину. Она фантастична, суеверна, жаждет славы, полна эмоций, - та, кто в высшей степени обладает даром ассимиляции и подражания, - предмет кошмаров, ночных ужасов, сердцебиения; женщина переменчива в чувствах, легко переходящая от радости к печали, от целомудрия к смазливости, - женщина, одним словом, способная на все виды обмана и симуляции, прирожденная обманщица.

Приступы бреда у истеро-демоников всегда имеют ярко выраженный острый характер, но, несмотря на то, что они сильны и повторяются, быстро исчезают и часто сопровождаются рецидивами. Эти приступы бреда наблюдаются:

1. *До судорожных приступов*, в виде меланхолии или ажитации, с галлюцинациями зрения и слуха.
2. *Во время судорожных приступов*, в период страстных настроений, в самых разнообразных формах, с жестами, согласованными с галлюцинациями, наблюдаемыми сознанием пациента; мы часто видим, как такие люди выражают самые противоположные чувства - благоговение, эротизм и ужас.
3. *После судорожных приступов*, в форме отчаяния, стыда, ярости, печали, с обильным пролитием слез.
4. *Без судорожных приступов*; в этом случае бред может возникнуть в любой период; это масочная истерия, которая имеет очень большую аналогию с масочной эпилепсией.

Бред этих пациентов, *резюмируем*, имеет существенные характеристики, экзальтацию интеллекта, своеобразную фиксацию идей, извращение чувств, отсутствие силы воли, склонность к эротизму. В ряде наблюдений над бредом среди истерических больных в состоянии гипноза, недавно опубликованных, были отмечены пациенты, считавшие, что они сожительствуют с кошками и обезьянами, а у некоторых были галлюцинации фантомов и убийц - видения, возникавшие в результате сложных галлюцинаций и имевшие определенное сходство с истеро-демонией, наблюдавшейся в Средние века; И если в этих галлюцинациях демоны не играли *главной роли*, то лишь потому, что воображение не имело предварительной подпитки и веры в сверхъестественное, а также веры в сексуальные отношения демонов с человечеством.

Именно в 1491 году, примерно в то время, когда судили Жанну Потье, было замечено, что молодые девушки в религиозных общинах подвержены эпидемии психических расстройств,

которые заставляют своих жертв заявлять, что они попали во власть злых духов. Этот вид бреда представлял перед глазами наблюдателей в виде ряда странных и экстравагантных поступков. Эти пациенты сразу же делали вид, что способны читать будущее и пророчествовать. (См. Калмейл, цитируемая работа.)

Злоупотребление религиозными практиками, ложные представления о будущей жизни, склонность к мистицизму, страх перед адом и ловушками дьявола, развитие истерического невроза у одного субъекта в внушение, свойственное подражанию; такова краткая история эпидемии, разразившейся среди монахинь Камбрэ. Жанна Потье, их компаньонка, осужденная ими, была приговорена к вечному заточению за то, что "434 раза" (так говорили монахини) совокуплялась с демоном и ввела похотливого дьявола в их прежде мирный монастырь. Ведь это был не кто иной, как демон, который преследовал бедных молодых монахинь по полям и помогал им взбираться на деревья, где, подвешенные на ветвях, они вдохновенно прорицали тайные вещи, предсказывали будущее и становились жертвами конвульсий.

Шестьдесят лет спустя, в 1550 году, внезапно возникло множество эпидемий истеро-демонмании, подобных той, что случилась в монастыре Камбрэ. Монахини Увертета, соблюдавшие строгий пост, подверглись нападению различных нервных расстройств. Ночью они слышали стоны, а затем раздражались истерическим смехом; после этого проявления они утверждали, что их подняла с постели некая сила; в то же время у них наблюдались сокращения мышц конечностей и лица. Они нападали друг на друга в диком бешенстве, нанося и принимая яростные удары; в другое время их находили на земле, как бы "неживыми", и этот вид летаргии сменялся маниакальным возбуждением большой силы. Подобно монахиням из Камбрэ, они взбирались на деревья и бегали по ветвям, проворные, как кошки, спускаясь вниз головой, держа ноги в воздухе. Эти проявления, разумеется, были приписаны договору с дьяволом, и служители закона, действуя на основании обвинений этих монахинь, арестовали акушерку, проживавшую по соседству, по обвинению в колдовстве (*чародействе*). Нет нужды добавлять, что акушерка вскоре умерла.

Почти такой же невроз случился в том же году среди монахинь монастыря Святой Бригетты. В своих приступах монахини имитировали крики животных и блеяние овец. В часовне у одной за другой случались судорожные обмороки, за которыми следовали удушье и спазмы пищевода, продолжавшиеся иногда несколько дней и обрекавшие жертв на вынужденный пост. Эта эпидемия началась после истерического припадка, случившегося с одной из молодых монахинь, которая поступила в монастырь из-за разочарования в любви. Убежденная в том, что эта несчастная впустила в религиозную общину дьявола, она была изгнана в одну из церковных тюрем.

Примерно в это же время в монастыре Кинторп, расположенном недалеко от Страсбурга, вспыхнула очередная эпидемия истеро-демонмании. Монахини настаивали на том, что они одержимы. Судороги и мышечные сокращения, которые следовали за этими приступами, наряду с бредом, были приписаны эпилепсии. Постепенно, словно заражаясь, все монахини были поражены. Когда наступал истерический приступ, они издавали вой, как животные, затем яростно нападали друг на друга, кусая зубами и царапая ногтями. У тех, кто бился в конвульсиях, мышцы глотки участвовали в общем спазматическом состоянии. О приступе возвещал фекальный запах изо рта и ощущение жжения в подошвах ног. Однажды кто-то из молодых сестер осудил монастырскую кухарку Элизу Каме как колдунью, хотя она, как и другие, страдала от конвульсивной истерии. Это обвинение доконало бедную девушку, которую вместе с матерью живьем предали огню. Их смерть, естественно, не избавила монастырь от болезни; нервный недуг, напротив, распространился по окрестностям

заведения, поражая замужних женщин и молодых девушек, чье воображение было подавлено рассказами о происшествиях в стенах монастыря.

Надо признать, что в тот период врачи путали истерию с эпилепсией. Спазмы гортани, мышечные сокращения, которые мы сегодня можем вызвать экспериментально, как и другие явления истерических конвульсий в сомнамбулических фазах гипноза, считались в тот период лишь явными признаками дьявольской одержимости. Что касается зловонного дыхания, которое свидетельствовало о присутствии дьявола среди монахинь, то это частый симптом при тяжелых поражениях нервной системы; часто это продрома приступа или серии маниакальных конвульсий. Мы обнаружили, что этот запах изо рта совпадает с тошнотворным запахом пота и мочи, которым мы приписываем такое же семиологическое значение, как и запаху изо рта.

Другая эпидемия истерических конвульсий, осложненных нимфоманией, произошла в Кельне в 1554 году, в монастыре Назарет. Жан Виер, посланный обследовать этих больных, признал, что монахини были одержимы Демоном смазливости и разврата, который в страшной степени управлял этим монастырем.

Р. Боден сам привел доказательства; именно этот автор написал историю эротических монахинь. Он отмечает: "Иногда зверские аппетиты некоторых женщин заставляют их верить в демона; это произошло в 1566 году в Кёльнской епархии, где была найдена собака, в которую, как утверждали, вселился демон; это животное кусало религиозных дам под юбками. Это был не демон, а самая обычная собака. В Тулузе однажды сожгли женщину, которая призналась, что согрешила с собакой.

"Но может быть, что сатана иногда посылается Богом, так как несомненно, что все наказания исходят от него, через его средства или без его средств, чтобы отомстить за такие преступления, как это случилось в монастыре в Гессене, в Германии, где монахини были демономанами и согрешили ужасным образом с животным".

Так говорит Боден, государственный обвинитель колдунов среди мирян и религиозных орденов. Разве не проявил бы он большую мудрость, если бы гуманно оценил поступки людей и осудил как социальный абсурд бесчисленные монастыри и обители, в которые фанатизм Средневековья привлекал так много мужчин и женщин, которые могли бы заниматься более полезными делами? Конвульсии девушек-нимфоманок были очень дикими и отличались диковинными движениями таза, когда они лежали в позе спинной декубитус, с закрытыми веками. После таких приступов эти бедные нервные монахини оказывались в полном прострации и дышали лишь с величайшим трудом. Так было и с юной Гертрудой, на которую впервые напал судорожный невроз, вызванный, как утверждали, нимфоманией в монастыре, а также тем, что в монахинь вселились злые духи.

В 1609 году истеро-демонomanия стала жертвой монастыря Святой Урсулы в Эксе. Считалось, что *одержимыми* были две монахини: Мадлен де Мандуль и Лойза Капель. Их безуспешно изгоняли. Приведенные в монастырь Сен-Бом, они объявили Луи Гофриди, священника марсельской церкви Акуле, колдуном, околдовавшим их.

Инквизитор Михаэлис оставил нам историю этого испытания экзорцизмом. У этих пациентов были все симптомы конвульсивной истерии с нимфоманией, каталепсией и галлюцинаторным бредом. Однако судья увидел в этих проявлениях лишь работу нескольких демонов, которые мучили этих монахинь одну за другой по наущению священника Луи Гофриди, которого арестовали, судили, осудили палачом и повели на виселицу с веревкой на шее, в босоножках, с факелом в руках; Наказанный таким образом, несчастный и невинный

священник впал в состояние слабоумия и, находясь в этом состоянии, признался, что именно он был автором демономании монахинь.

Как только Гауфриди был приговорен инквизицией к смерти, монахини монастыря Святой Бригетты в Лилле, которые помогали изгонять демонов монахиням Святой Урсулы, в свою очередь, подверглись приступу истеро-демонии. Вскоре распространился слух, что они тоже одержимы, и инквизитор Михаэлис прибыл в Авиньон, чтобы изгнать демонов. Одну из этих монахинь, Мари де Сайнс, заподозрив в колдовстве, отправили в тюрьму. Три ее спутницы, излеченные экзорцизмом, осудили несчастную девушку как ведьму. Мари де Сэнс, которая до сих пор утверждала свою невиновность, в конце концов объявила себя виновной по отношению к остальным монахиням монастыря. Демоны, найденные под кроватями монахинь, были помещены туда, по словам Мари, несчастной Гауфриди.

По ее словам, "дьявол, чтобы отплатить священнику, дал ему титул "князя магов", а мне, - добавила монахиня, - обещал всевозможные почести за то, что я согласилась отравить разум других монахинь колдовством". Сестра Жубер, сестра Болоне, сестра Фурнье, сестра Ван дер Мотте, сестра Лауна и сестра Перонн, у которых впервые появились симптомы *одержимости* дьявольской силой, вскоре попали под действие сильнодействующего фильтра. Для колдовства использовалась кровь хозяина и освященная кровь, измельченные в порошок рога козла, человеческие кости, черепа детей, волосы, ногти, плоть и семенная жидкость колдуна; добавив к этой смеси кусочки человеческой печени, селезенки и мозга, Люцифер придал отвратительному меланжу силу ужаса. Колдуны, дававшие это ужасное снадобье своим знакомым, уничтожали не только их, но и множество новорожденных детей".

Кроме того, эта несчастная обвиняла себя в том, что стала причиной смерти многих людей, в том числе детей, матери и часто крестной матери; она утверждала, что дала изнуряющие порошки многим другим. Она призналась, что наложила на других монахинь злые чары, от которых они стали лубочными; заявила, что ходила на *бдения* ведьм и сожительствовала с дьяволами, а также совершала содомию, совокуплялась с *собаками, лошадьми и змеями*; наконец, она признала, что оказывала благосклонность священнику Луи Гофриди, тогда как монахиня на самом деле была невиновна.

Мари де Сен была признана виновной в *одержимости бесом*. Суд Турнэ изгнал ее и приговорил к вечному заточению и самым строгим наказаниям.

Сразу после суда над Марией де Сайнс другую монахиню, Симону Дурле, судили за колдовство, и под пытками и *внушениями* она призналась, что была на *бдениях* ведьм и виновна. История этой бедной девушки отвратительна, ведь она не только была невиновна во всех вменяемых ей преступлениях, но даже не была больна. Она стала жертвой галлюцинаций своих спутниц.

Другая форма истеро- или истерической демонии наблюдалась в том же году недалеко от Дакса, в приходе Амон, где более 120 женщин подверглись *импульсивному помешательству*, следуя выражению Кальмейля, но которое было обозначено другими как *Mal de Laira*. Этот невроз, который был лишь разновидностью истерии, характеризовался конвульсиями и громким лаем. Де Л'Анкара дает интересное описание этой вспышки, но не преминул приписать ее колдунам. "Чудовищно, - говорит он, - видеть в церкви более сорока человек, все они лают и выли, как собаки, как в ночь полнолуния. Эта музыка возобновляется при входе каждого нового колдуна, который, возможно, передал болезнь какой-нибудь другой женщине. Эти одержимые начинают лаять с того момента, как входят в церковь".

Такие же симптомы лая были замечены в домах, когда эти ведьмы проходили по улице, и все прохожие тоже начинали лаять при появлении колдуна.

Конвульсии напоминали те, что наблюдаются у разъяренных безумцев. Во время приступа жертвы корчились на земле, били ее своими телами и конечностями, обращая свою жестокость на самих себя, не имея силы воли контролировать свое безумие, чтобы творить зло. По мнению Кальмейля, эти случаи были скорее истерическими, чем эпилептическими.

Весьма примечательным фактом в отношении этого невроза было то, что те женщины, которые завывали, были свободны от конвульсий, причем взаимно. Эти завывания были сравнимы с воплями, которые издавали монахини из Кинторпа, и блеянием сестер Святой Бригетты.

У нас также есть запись об одном немецком монастыре, где монахини мяукали, как кошки, и бегали по обители, подражая кошачьим животным.

Нет смысла добавлять, что *Маль-де-Лайра* стал причиной нескольких осуждений монахинь, признавших, что околдовали своих спутниц[77].

Среди многочисленных судебных процессов по обвинению в демониолопоклонстве наиболее известным было дело Урбена Грандье и урсулинок из Лудуна, проходившее с 1632 по 1639 год.

Монастырь Лудун был основан в 1611 году дамой из Козе-Бельфиэль. В него принимали только знатных дам - Клер де Сазилли, демуазель Барбезье, Мадмуазель де ла Мот, демуазель д'Эскубло и т.д. Все эти титулованные дамы получили блестящее образование, но по призванию подчинились жизни в женском монастыре. На семерых из этих молодых женщин внезапно напали галлюцинации. Все они утверждали, что стали жертвами колдовства.

По ночам эти девушки входили и выходили из дверей монастыря, иногда стоя на голове, как это бывает с некоторыми особами, подверженными естественному сомнамбулизму. Все эти монахини обвиняли в своих бедах недавно умершего капеллана ордена, а некоторые дамы утверждали, что призрак капеллана делал им постыдные предложения.

Болезнь усугублялась день ото дня, пока в дело не вмешалось правосудие, когда монахини передумали и заявили, что истинной причиной их одержимости на самом деле был некто Урбен Грандье, священник церкви Сен-Пьер из Лаудуна, человек, отличавшийся блестящим умом, прекрасным образованием, но склонный к галантности и стремлению к публичной известности.

Неужели это Миньон, новый капеллан ордена, *подсказал* монахиням их мнимого гонителя?

Так говорили, но Урбен Грандье не придал этому слуху никакого значения.

Однако приступы монахинь становились все чаще и чаще, они осложнялись катаlepsией, экстазом и нимфоманией, жертвы отпускали непристойные и постыдные замечания. Тогда были вызваны экзорцисты, но безрезультатно. Напротив, эти дамы старались спровоцировать священников развратными жестами и непристойными позами. Некоторые из них извивались на полу, как змеи, другие двигали телом назад, так что их головы касались пяток, и это движение, по словам очевидцев, совершалось с необычайной быстротой. Временами монахини кричали и ревели в унисон, как хор диких зверей.

Историк того времени де Ле Менарди, свидетель *de visu et de auditu*, писал "В своих извивах они были податливы и легко гнулись, как кусок свинца, - так, что их тела могли быть согнуты в любой форме - назад, вперед и вбок, даже так, что голова касалась земли, и они оставались в этих позах до тех пор, пока их положение не могло быть изменено". Эти движения были особенно заметны во время попыток экзорцизма. При первом упоминании о сатане "они поднимались, заводили пальцы ног за шею и, расставив ноги, опирались на перинеумы и предавались непристойным ручным движениям". В это время они находились в бреду от демонического возбуждения. Мадам де Бельфиэль утверждала, что сидит на семи чертях, мадам де Сазилли - что под ней десять демонов, а сестра Элизабет скромно уверяла, что число бесов равно пяти.

Во время экзорцизма эти бедные женщины *крепко засыпали*, что заставляет Кальмейля думать, что "состояние этих женщин сильно напоминало *состояние магнетических сомнамбул*". Это предположение позволило бы объяснить невозможность монашек рассказать в определенные дни о том, что они говорили или делали во время нервного приступа. В те дни, когда они избегали *конвульсий*, когда они, наоборот, были жестоко возвышены природой этих тактильных и висцеральных ощущений, они вспоминали слишком много, поскольку сила рефлексии вызывала у этих несчастных отвращение к их собственным мерзким и неконтролируемым поступкам и утверждениям.

Эпидемия продолжалась уже пятнадцать месяцев, и все монахини Урсулины были поражены эпидемией, когда Лаубардемон, один из тайных агентов кардинала Ришелье, прибыл в Лудун, чтобы провести расследование предполагаемого демониологического, якобы существующего в монастыре. Кардинал наделил этого агента абсолютными и широкими полномочиями. Урбен Грандье, автор пасквиля на Ришелье, был арестован за соучастие в этом колдовстве и предстал перед комиссией судей, члены которой были выбраны Лобардемоном. Перед ним предстали монахини, предложили изгнать их, а затем подвергли жесточайшим пыткам. В его кожу по всему телу втыкали железные иглы, чтобы найти анестезированные точки, которые якобы являлись метками дьявола.

Несмотря на его заявления о невиновности, судьи, принимая во внимание действия обвинителей в присутствии бедного священника, поскольку его появление было сигналом для сцен самого буйного помешательства, приговорили его живым привязать к виселице. Там его подвергли новым пыткам, разрывая различные мышцы тела и ломая кости.

Наказание Урбена Грандье не положило конец эпидемии истерической демономании среди урсулинок, поскольку болезнь распространилась на жителей города, даже на монахов, которым было поручено проводить экзорцизм; но месть его красного преосвященства (кардинала Ришелье) была удовлетворена.

С тех пор было написано множество комментариев по поводу этой вспышки демониолопоклонничества среди урсулинок. У нас нет желания ни воспроизводить их, ни обсуждать, поскольку это лишь продемонстрирует древнее невежество, преобладающее в отношении болезней нервной системы, а также недостаток характера и слабость врачей той эпохи, наряду с фанатизмом монахов и священников. Однако одно обстоятельство заслуживает внимания: аналогия между судорожными симптомами, наблюдавшимися у монахинь, и явлениями сомнамбулизма, описанными Кальмейлем. Этот факт представляется нам тем более примечательным, что ученый доктор из Шарантона был убежденным противником магнетизма и опубликовал свою работу почти полвека назад, то есть в 1845 году.

Сон, в который впадали монахини во время экзорцизма, забвение сцен, в которых они играли такую *роль*, - это, на наш взгляд, всего лишь явления гипноза, и сходство настолько сильное, что мы не верим в невозможность искусственного воспроизведения очередной эпидемии истерической демономании.

Давайте на мгновение примем *гипотезу* о монастыре, где содержатся двадцать молодых монахинь. Из них по крайней мере десять будут подвержены гипнозу. Допустим, что эти затворницы, ведущие обычную аскетическую и добродетельную жизнь монастыря, глубоко погруженные в мистику католической веры, однажды получают в качестве духовника и духовного наставника человека с энергичным характером, знающего все методы *гипноза* и *внушения* - ученика, скажем, Пьюэля, Шарко, де Люиса, Барети, Бернгейма - совершенного невропатолога. И вот, если этот человек в тишине и безвестности исповедальни примагнитит к себе каждую из этих монахинь по отдельности, а затем внушит им, что они *одержимы* всеми демонами, известными в колдовстве, что произойдет? Предположим также, что он еще больше расширит свои физиологические возможности и введет своих *подопечных* в экстаз, каталепсию или летаргию - в состояние, когда могут возникнуть явные галлюцинации и будет спровоцировано нервное возбуждение, - сколько времени пройдет, прежде чем этот человек сможет сделать этих женщин похожими на тех, что когда-то жили в монастыре урсулинок в Лудуне?

Мы допустили этот вымысел не для того, чтобы заставить кого-либо сделать вывод, что одержимые из Лаудуна были простыми игрушками какого-то человека, использовавшего гипноз в интересах, которые мы игнорируем; но, если этот факт можно считать возможным по воле отдельного человека, кто может утверждать в настоящее время, что не существует неизвестной силы, разумной или нет, способной производить те же патологические явления, которые наблюдались давным-давно? То, что в 1888 году мы называли гипнозом в амфитеатрах наших университетов, мы оставляем для другой главы, где мы приведем откровения гораздо более необычные, а также более сверхъестественные; наша глава о неврологии девятнадцатого века будет, мы обещаем, *очень интересной*.

Заметим еще, что истеро-демономанические проявления не были свойственны урсулинкам из Лоудуна. Они наблюдались во многих монастырях в тех же условиях привычек и длительных постов среди ослабленных молодых девушек; от долгих бдений, проведенных в молитве и нервной депрессии, вызванной чрезмерной религиозной дисциплиной; от мистических увещаний человека, наделенного священным характером, на которого падают все разговоры, все мольбы и все мысли девушек в обители.

История монахинь из Лудуна была идентично воспроизведена при тех же условиях среди сестер монастыря Святой Елизаветы в Лувье в 1643 году, через три года после казни бедной Урбен Грандые за колдовство.

За короткое время на восемнадцать монахинь напала истерическая демономания; у них были активные галлюцинации всех органов чувств, конвульсии и бред. Как и урсулинки, они богохульствовали, кричали и предавались всевозможным диковинным выкрутасам, утверждая, что *одержимы* демонами, описывая в непристойных выражениях оргии ведьминоного бдения (*саббата*), совершая все виды разврата, неизвестные даже самым мерзким проституткам; после этого они наконец обвинили одного или нескольких человек в том, что те околдовали их с помощью колдовства.

Так, например, монахини из Лувье, после того как их должным образом изгнали в соответствии с церковными канонами, обвинили в качестве виновника своего недуга и плохого мага своего старого духовника, аббата Пикара, который умер до того, как

проявились симптомы; затем они обвинили другого священника, по имени Франсуа Булле, и нескольких своих спутниц, в частности, сестру Мадлен Баван. Этих невинных людей судил парламент Руана, который постановил, что тело священника Пикара должно быть эксгумировано, отнесено к костру, там привязано к живому телу Франсуа Булля, а после сожжения их пепел должен быть выброшен на ветер. Эта казнь под открытым небом произошла в XVII веке на "Старой рыночной площади" в Руане, на том самом месте, где была сожжена живьем Жанна д'Арк, *одержимая*, как утверждалось, сверхъестественными существами. Какой комментарий к интеллекту в эпоху частичного просвещения!

Чтобы завершить эту главу об истерической демономании среди религиозных орденов, примеры которой мы привели, приведем интересное сообщение, оставленное нам епископами и докторами Сорбонны, а также свидетельство депутатов короля, об *одержимости* монахинь в монастыре в Осенне. Здесь постоянно происходили конвульсии и крики, богохульства, отвращение к таинствам, одержимость и экзорцизм; кроме того, несомненно, наблюдался феномен *внушения*, причем с большой точностью.

Можно сказать, что монахини из Осонны были доступны внушению, так как по команде или даже по мысли экзорцистов они впадали в состояние сомнамбулизма; в этом состоянии они становились нечувствительными к боли, что можно было определить, уколов сестру Денизу иглой под ногтем; они также обладали способностью простергивать тело, придавая ему форму круга, - другими словами, они могли сгибать свои конечности в любом направлении.

Епископ Шалонский сообщает, что "все вышеупомянутые девушки, как светские, так и регулярные, в количестве восемнадцати человек, *обладали даром языка* и отвечали экзорцистам *на латыни*, иногда ведя весь свой разговор на классическом языке".

"Почти все эти монахини обладали полным знанием тайн и внутренних мыслей других людей;[\[78\]](#) это особенно проявлялось *во внутренних заповедях*, которые давали им экзорцисты в разных случаях и которым они подчинялись совершенно обычным образом, *без того, чтобы эти заповеди были выражены для них словами или какими-либо внешними знаками*.

"Сам епископ, среди прочих, проводил опыты над Денизой Паризе, которой *мысленно дал команду немедленно прийти к нему и подвергнуться экзорцизму*, после чего вышеупомянутая монахиня немедленно пришла к нему, хотя ее резиденция находилась в квартале деревни, далеко от епископальной резиденции. В этих случаях она говорила, что ей приказали прийти; и этот эксперимент повторялся несколько раз.

"Опять же, в лице сестры Жамин, послушницы, которая, услышав об экзорцизме, рассказала епископу о своем внутреннем повелении, данном демону во время церемонии. Также в лице сестры Бортон, которая, *получив мысленное повеление* сделать свои волнения сильными, немедленно распростерлась перед Святым Таинством, прижавшись животом к земле и раскинув руки, выполнив повеление в тот же миг, с быстротой и стремительностью, совершенно необыкновенными"[\[79\]](#).

Здесь, я полагаю, приведены факты, столь хорошо подтвержденные, о передаче мыслей или мысленных *внушений*, возможно, *добровольно неизвестных* некоторым современным невропатологам. Эти невропаты из Оксонны демонстрировали еще более необычные явления; по команде они приостанавливали пульсацию в руке, например, в правой, и передавали удары с правой руки на левую, и *наоборот*. Этот факт был обнаружен епископом, и многие церковники подтвердили это, и "это было быстро сделано в присутствии доктора Мореля, который признал и присягнул в этом факте".

Мы не можем слишком долго останавливаться на демономании Средних веков, к которой мы, возможно, добавили несколько новых исторических фактов, которые мы считаем своим долгом опубликовать, видя в них связь с современным гипнозом. Таким образом, мы откроем новое поле для исследования странных аффектов, которые до сих пор относили ко всем разновидностям мономании, но которые, как нам кажется, относятся к разновидности психической патологии, не зависящей от безумия, если говорить правильно. Если бы это было иначе, то сумасшедшими пришлось бы признать не только демономанов Средневековья, но и янсенистов, впадавших в трансы, а также хореиков и *конвульсионистов* XVIII века. Они точно не были сумасшедшими, те, кто пришел к моргу святого Медара, к гробнице парижского диакона, чтобы выступить с воззванием против папской буллы Климента XI. И не было ли другой причины, кроме самовнушения, которой следует приписать нервные явления, проявлявшиеся у *апеллянтов* в течение тридцати лет подряд?

Превознесение религиозных идей, так часто выдвигаемое психологами, не может объяснить эти явления. Я видел наглядные доказательства этого в различных несчастных случаях, которые внезапно обрушились на скептиков и сильных мира сего, пришедших в качестве любителей для участия в экспериментах над судорожными субъектами. Эти симптомы, как известно, обычно сопровождаются бурными криками, учащенным сердцебиением, сокращениями мышц и аналогичными нервными симптомами.

Кроме того, неоспоримо, что многие больные и немощные люди получают безнадежное исцеление после судорожных криков; в то время как другие, находящиеся в здоровом состоянии, страдают галлюцинациями и бредом. Я видел пациентов, которые рвали некоторые части тела, где были ожоги, и продолжали ходить, плакать, жестикулировать и издеваться над собой, как безумцы в настоящем состоянии слабоумия".

Янсенисты не говорили, не заключали договоров с демонами, не проводили экзорцизмов, на которых инквизиторы и их аколиты могли бы предположить демономанию; И несмотря на их великие аскезы и строжайшие посты, мы отмечаем среди *конвульсионеров* святого Медарда только идеи одержимости Святым Духом и божественные блага, полученные благодаря защите добросердечного дьякона; а между тем, одержимые Богом, как и Дьяволом, были подвержены сомнамбулизму, трансам, летаргии, каталепсии и другим явлениям".[80]

Наконец, последней аналогией между двумя нервными эпидемиями стала королевская власть, особая форма *внушения* в Средние века, которая положила конец колдовству или ведовству, а также янсенизму.

ИСТЕРИЯ И ПСИХИЧЕСКАЯ СИЛА.

Среди явлений, наблюдаемых при демонической истерии, есть такие, о которых, как мы уже отмечали, современные неврологи пожелали *обойти молчанием*, поскольку рационального объяснения дать было невозможно. Она возникла благодаря той таинственной силе, которая действует на человеческую личность и ее способности и производит *сверхъестественные результаты* в противоречии с хорошо известными научными законами, известной в одном смысле как *Психическая Сила*, но которая является ничем иным, как *современным спиритизмом*.

Эта сила, которой в высокой степени обладают не только истеричные люди, но и все разновидности невропатозов, которых спиритические психологи называют *медиумами*, не вызывает сомнений у настоящих ученых и по сей день.

Демонологи Средневековья часто упоминали о ней у демономанов, и приписывали ее одержимости злыми духами; и, если они не были патологами, то *не гнушались заниматься тем, что стремилось упростить изучение физиологии нервной системы*; Но для умов современного типа, которые считают науку синонимом истины, кажется странным и непонятным, что наши ученые исследователи должны были быть подавлены страхом критики, которая может настигнуть их из-за того, что *они не могут объяснить чисто и просто необъяснимый факт, истину, действительно положительную и определенную*.

Не робея перед этим благоразумием, которое, как они утверждают, является одним из условий, *sine qua non*, чтобы быть кандидатом в Институт Франции, мы продолжим наши исследования с помощью исторических документов, касающихся медицинского средневековья, которыми мы располагаем, и таким образом будем лояльно искать научное толкование фактов, наблюдаемых в современном спиритизме или *психической силе*.

Среди этих документов мы выберем в качестве образца "Судебный процесс об освобождении девушки, одержимой злым духом, в Лувье". Этот иск, датируемый 1591 годом, на самом деле представляет собой серию судебных процессов, составленных несколькими магистратами в присутствии многочисленных свидетелей, с точностью сообщающих обо всех наблюдаемых ими фактах - фактах, интерпретируемых, правда, с учетом идей демониологии XVI века, но имеющих характер, подлинность которого не оспаривается и даже не обсуждается. Первое испытание выглядит так:[\[81\]](#)

"В субботу, 18 августа 1591 года, утром в Лувье, в вышеупомянутом месте, перед нами предстал Луи Морель, советник короля, генерал-провиантмейстер и маршал Франции в провинции Нормандия, державший суд на службе у короля в деревнях и замках Пон-де-л'Арк и Лувье, с одним лейтенантом, одним регистратором и пятьюдесятью лучниками, которым помогает месье Бехот, лицензиат права, судья-адвокат и генерал-лейтенант месье виконта Руанского, в присутствии Луи Воке, нашего секретаря." * * *

В этом старинном документе на французском языке, ныне почти устаревшем и труднопереводимом,[\[82\]](#) далее говорится, что в доме в Лувье, принадлежавшем мадам Гей, два офицера, принадлежавшие к войскам, занимавшим город, которые временно разместились у Гей, пожаловались своему коменданту, что "дух в упомянутом доме мучает их". В этом доме жили три дамы: мадам Гей, одна из ее подруг, вдова по фамилии Дешей, и девушка-служанка по имени Франсуаза Фонтен.

Капитан Диакр, комендант деревни, при расследовании обнаружил, что в доме царит полный беспорядок, мебель перевернута, обе дамы напуганы, а у служанки на теле несколько ран. Последнюю заподозрили в сговоре с дьяволом, арестовали и бросили в городскую тюрьму. При ней был найден кошелек, в котором лежали тестон (старая французская монета), полтестона и десять су. Суд ничего не доказал. Дамы могли видеть кошмар, офицеры могли быть пьяны, услышанные звуки могли быть следствием тысячи различных причин, но необходимо упомянуть этот случай, чтобы понять последующие судебные процессы.

Второй процесс, засвидетельствованный, опробованный и подтвержденный теми же властями, установил тот факт, что Франсуаза Фонтен родилась в Париже, на Фобур Сент-Оноре, и что в возрасте двадцати двух лет она уже была свидетельницей подобных явлений в доме, "населенном, - сказала она, - злыми духами, которые так напугали ее, что она пошла к соседке спать, пока ее хозяйки не было дома". Это утверждение было доказано на шести последующих судебных процессах, содержащих показания Маргариты Прево, Сюанны Ле Шевалье, Маргариты Ле Шевалье и Перрин Файель.

В следующем судебном процессе говорится, что в субботу, 31 августа 1591 года, к Луи Морелю, советнику короля, которому помогал его секретарь Луи Воке и т. д. и т. п., пришел Пьер Аликс,

"Пришел Пьер Аликс, первый тюремщик и стражник тюрьмы, который бросился перед нами на два колена, держа в руке ключи от тюрьмы, бледный и подавленный эмоциями; На что мы возразили ему, когда он, к нашему великому изумлению, заявил, что не желает более исполнять обязанности тюремного стража по той причине, что злой дух, мучивший вышеупомянутую Франсуазу Фонтен, мучил и его, а также заключенных, которые хотели разбить тюрьму и улететь, чтобы спастись, имея представление, что вышеупомянутая Франсуаза Фонтен находится в темнице или яме, и *что она сняла большую железную дверь, которая впоследствии упала на нее*; И несколько человек, прибежав к ней вместе с тюремщиком, обнаружили, что вышеупомянутая Фонтен ведет себя так, словно одержима злым духом, и горло ее распухло" и т.д.

Пропустим бесконечный рассказ Франсуазы Фонтен священникам и советникам короля о *дьявольской одержимости*, которой она была подвержена всю свою жизнь. А также показания многих свидетелей о том, как она вела себя в тюрьме; например, "тело Франсуазы поднялось в воздух на четыре фута, не соприкасаясь ни с чем, и она плыла к нам по воздуху" и т. д. и т. п.

Франсуа Фонтен утверждал, что она согласилась принадлежать Демону, который был "чернокожим мужчиной, с которым она сожительствовала". С медицинской точки зрения девушка была жертвой истерической демономании.

Приведем еще несколько выдержек из протоколов этого судебного процесса:

"Когда вышеупомянутая Фонтен рассказывала нам эти вещи, стоя на двух коленях перед нами, сидевшими на возвышении, вышеупомянутая Фонтен упала вперед на лицо, как будто ее ударили сверху, и свечи в люстрах комнаты были погашены, кроме тех, что стояли на столе клерка, на которые несколько раз грубо дунули, не потушив, когда рядом с ними не было никого из присутствующих, чтобы дунуть, и эти свечи были подняты из подсвечников, зажженные, и потерты о землю в попытке их погасить, и в конце концов погасли с большим шумом, причем ни одна человеческая рука не появилась рядом с ними; Это так поразило священника, адвоката, первого тюремщика и стражников-лучников, которые присутствовали при этом, что они удалились, оставив нас одних, а было уже девять часов вечера.

"Оставшись один, я воззвал к Богу и громко воскликнул: "Боже мой, дай мне благодать не отдать душу дьяволу, и я повелеваю тебе, демон, силой, которую я вызвал, покинуть тело Франсуазы Фонтен! Я повторяю это повеление!"

В тот же миг экзорцист почувствовал, что его схватили за ноги, руки и тело и крепко держат в объятиях неизвестной силы, от которой исходил жар и теплое дыхание, а на тело судьи сыпались удары, как будто его били тяжелым куском дерева. Его били по челюсти и под ухом достаточно сильно, чтобы пустить кровь, и т. д.

На одиннадцатом процессе было установлено, что Франсуаза Фонтен была поднята с постели ночью невидимой силой, и этот факт должным образом подтвержден свидетелями.

На следующем процессе те же явления были произведены в церкви в Лувье во время мессы экзорцизма, где:

"Франсуаза Фонтен взлетела с земли в воздух, выше алтаря, как будто поднятая за волосы невидимой рукой, что быстро встревожило помощников, которые никогда прежде не были свидетелями подобного явления" и т.д.

На основании этих фактов Франсуазу отвели обратно в тюрьму, и совет духовенства, которому помогали два выдающихся врача, Руссель и Готье, решил отрезать девушке волосы, как это было принято при аресте ведьм.

Во время этой операции, публично проведенной доктором Готье, было воспроизведено то же самое явление. Как гласит правдивая старая французская хроника: "Francoise est de rechef enleuee en l'air fort hault, la tete en bas, les pieds en hault sans que ses accoustrementz se soient renuersez, au trauers desquelz il sortoit par deuant et par derriere grande quantite d'eaue et fumee puante."

Подобно многим предшествующим испытаниям с экспериментами, которые должным образом засвидетельствованы магистратами, врачами и секретарем, всего семью людьми, которые были свидетелями явлений, в отношении материальных фактов мы не можем подозревать людей, в честности которых никогда не сомневались; ведь именно благодаря их влиянию Франсуаза Фонтен была отпущена на свободу, после того как все ее необъяснимые симптомы исчезли и нервный недуг ослаб.

Чтобы дать представление о *сверхъестественных* явлениях, наблюдаемых ранними демонографами и приписываемых злым духам, давайте вкратце рассмотрим эксперименты, проведенные в отношении *спиритизма* несколькими смелыми физиологами нашей эпохи, которые осмелились исследовать аналогию, существующую между этими двумя порядками явлений.

Среди современных экспериментаторов, которые провели научное исследование этого предмета - назовем его, если угодно, *Психической силой*, - мы упомянем мистера Крукса, члена Лондонского королевского общества (Английской академии наук), мастера мысли, самого прославленного в современной науке; открывателя таллия, лучистой материи, фотометра поляризации, спектрального микроскопа - химика и физика первого порядка, привыкшего к самым тщательным экспериментальным исследованиям.

Эксперименты этого *ученого* были распределены им по трем классам, следующим образом:

Класс I. - *Движение весомых тел при соприкосновении, но без механических усилий.*

Это движение - одна из самых простых форм наблюдаемого явления; оно имеет различные степени - от дрожания или вибрации камеры и ее содержимого до полного поднятия в воздух весомого тела, когда рука находится над ним. Обычно нам возражают, что при прикосновении к предмету, приведенному в движение, его толкают, тянут или поднимают. Я экспериментально доказал, что это невозможно в огромном количестве случаев; но в качестве доказательства я не придаю большого значения этому классу явлений, рассматриваемых самих по себе, и упомянул о них только как о предварительном элементе других движений того же рода, но без контакта.

"Этим движениям (и я могу с полным правом добавить все другие подобные явления) обычно предшествует особое дуновение воздуха, которое иногда почти равносильно настоящему ветру. Этот воздух разгоняет листья бумаги и опускает термометр на несколько градусов.

"При некоторых обстоятельствах, о которых я расскажу подробнее в будущем, я не обнаружил ни одного такого воздуха; но холод был настолько сильным, что я могу сравнить

его только с тем, который испытывает рука, находящаяся на небольшом расстоянии от ртути в состоянии конгеляции". (Crookes).

Я, подобно выдающемуся "члену Лондонского королевского общества", очень легко добился перемещения весоных тел при контакте, не только поднимая массивные столы, вес которых совершенно несоизмерим и намного превосходит силу очень крепкого человека, но и наблюдая, как эта мебель движется в заданном направлении; я даже заметил, что маленький квадратный стол держит время в такт с определенной каденцией. Это явление, хорошо известное всем экспериментаторам, может быть воспроизведено без помощи мощного медиума; оно было хорошо известно во времена античности, но не упоминается в трудах по колдовству в Средние века.

Какими бы необычными ни казались эти факты, они не более необычны, чем те, которые наблюдал В. Крукс, а совсем недавно Цозльнер,^[83] профессор Лейпцигского университета и корреспондент Французского института, в присутствии профессоров Фехнера, Брауна, Вебера, Шейбнера и знаменитого хирурга Тирша. Именно со Слейдом, американским медиумом, столь же необычным, как и Хоум, Зельнер проводил эксперименты. Эти эксперименты можно кратко описать следующим образом:

1. Перемещение с помощью медиума Слейда магнита, заключенного в компасную коробку.
2. Удары по столу, нож поднят в воздух, без контакта, на высоту фута.
3. Движение тяжелых тел. Кровать Зельнера была отодвинута на два фута от стены, Слейд оставался сидящим спиной к кровати, его ноги были закрыты и находились на виду у экспериментаторов.
4. Разбитый с шумом, без контакта с медиумом, огненный экран, осколки которого были отброшены на пять футов.
5. Письма, сделанные в нескольких экспериментальных случаях между двумя грифельными досками, принадлежащими Зеллнеру, и хорошо удерживаемые на виду.
6. Намагничивание стальной иглы.
7. Кислотная реакция, которую дают нейтральные вещества.
8. Отпечатки рук и голых ног на закопченных поверхностях или поверхностях, посыпанных мукой, которые не соответствовали рукам и ногам медиума, остававшегося тем временем на виду у экспериментаторов, в то время как ноги Слейда были закрыты обувью.
9. Узлы, завязанные на медных лентах, запаянных с обоих концов, которые держали в руках Слейд и Зельнер, и т. д.

Мы находим те же самые тесты и факты, наблюдаемые мистером Крукс и французскими экспериментаторами, которые, следуя его примеру, пытались объяснить *психическую силу*.

Класс II.- Феномен *перкуссии* и другие аналогичные шумы.

Популярное название "*спиритический рэп*" дает очень слабое представление об этом классе явлений. В разных случаях во время своих экспериментов мистер Крукс слышал удары тонкой природы, такие, какие могут быть произведены острием иглы; каскад звуков, таких же острых, как те, что исходят от индукционной катушки в полной активности; резкие

удары или детонации в воздухе; острые ноты металлического сорта; скрежет, похожий на тот, что слышен от машины с трущимся действием; звуки, похожие на царапание; щебетание, как у птиц, и т. д.

"Я наблюдал эти звуки, - говорит Крукс, - у большинства медиумов, каждый из которых имеет свою особенность. У мистера Хоума они были более разнообразными; но по силе и уверенности в результате я никогда не встречал медиума, который приблизился бы к Кейт Фокс. В течение нескольких месяцев я экспериментировал, можно сказать, неограниченно, и проверял различные проявления, вызванные присутствием этой дамы, и особенно исследовал феномен, связанный с этими шумами.

"В случае с медиумами, как правило, необходимо, чтобы они были методично усажены на сеанс, прежде чем будут слышны звуки, но в случае с мисс Кейт Фокс достаточно было просто положить руку на любой предмет, неважно какой, и раздавались сильные удары, похожие на тройной звук биения, иногда настолько громкие, что были слышны на разных предметах мебели в комнате.

"Подобным образом я слышал эти звуки на живом дереве, на осколке стекла, на мембране, растянутой в рамке, например, на тамбурине, на крыше такси и на краю паркетных перил в театре".

"Однако эффективный контакт не всегда необходим. Я слышал звуки внутри стен, когда руки и ноги медиума были крепко связаны; когда мисс Фокс сидела в кресле; когда она была подвешена над платформой; наконец, когда она упала на диван в мертвом обмороке.

"Я слышал эти же звуки на губной гармошке; я ощущал их на своем плече и под руками; я слышал их на листе бумаги, который держали между пальцами с помощью проволоки, пропущенной через один угол".

"Прекрасно зная многочисленные теории, выдвинутые, главным образом в Америке, для объяснения этих стуков или скрежета духов, я проверил их всеми возможными методами, так что у меня сложилось положительное убеждение в их объективной реальности и абсолютная уверенность в том, что невозможно произвести эти звуки искусственным или механическим путем".

"Здесь возникает важный вопрос, заслуживающий внимания, а именно: *управляются ли эти звуки интеллектом?*"[84]

"С самого начала моих исследований я признавал тот факт, что сила, которая производит эти явления, не просто текущая, но *связана с интеллектом или следует его указаниям*".

За три года, что я экспериментировал в области психологии с доктором Пьюэлем и его друзьями, не было ни одного сеанса, на котором мы не смогли бы определить более или менее важные феномены перкуссии. Эксперимент, который я люблю проводить, заключается в том, что я ударяю пальцами по столу, либо имитирую музыку группы с барабанным аккомпанементом с известным воздухом, и тот же звук немедленно возникает на нижней поверхности мебели, причем тот же самый ритм, как кажется, вызывается невидимой рукой, действующей под столом. Этот феномен проявляется иногда спонтанно по моей просьбе или по просьбе моего помощника. Однажды вечером я наблюдал его в собственном доме в течение более четверти часа с того момента, как вошел в комнату; в этом случае шум представлял собой перекачивание, которое, казалось, исходило от металлической поверхности стола. Один из членов моей семьи обратил мое внимание на этот ненормальный шум, тем более любопытный, что я мог производить его по своему

желанию, придавая ему оттенки и вариации, выражаемые движениями руки. Чтобы заранее ответить на возможные возражения, скажу, что это явление происходило в два часа ночи, и на улице не было проезжающих карет, которые могли бы создать какую-либо вибрацию.

Эти явления перкуссии иногда происходят с необычайной интенсивностью, как в наблюдениях Кейт Фокс в доме в Гайдсвилле; вероятно, это были лишь явления перкуссии, подобные тем, которые наблюдались в Лувье, в доме мадам Гей, под медиумизмом Франсуазы Фонтен, в 1591 году, проявления, которые тогда приписывались дьяволу или позже состоянию галлюцинаций, среди свидетелей, согласно *материалистическим психологам* девятнадцатого века.

Класс III.- Изменение веса тел.

Эксперименты, проведенные мистером Крукс в отношении изменения веса тел, входят в категорию психических явлений, изученных с максимальной математической точностью, с помощью точной регистрирующей аппаратуры. Именно в этих экспериментах знаменитый английский врач смог стать свидетелем того, как *медиум развивает психическую силу*.

Описание и конструкции используемых аппаратов можно найти в "*Moniteur de la Policlinique*" от 7 и 14 мая 1882 года, а также в "*Le Spiritisme*" доктора Поля Жибье, опубликованной в 1887 году.

Эта статья слишком объемна для воспроизведения в данной работе, но мы вправе рассматривать ее как отправную точку для экспериментальной психологии, поскольку она не только не была опровергнута во Франции и других странах, но *и признана как абсолютно истинная* несколькими коллегами мистера Крукса, принадлежащими к *Лондонскому королевскому обществу*.

Класс IV.- Движения *тяжелых тел на расстоянии от среды*.

"Существует множество случаев, когда тяжелые предметы, такие как столы, стулья, веревки и т. д., перемещались, когда медиум никогда не прикасался к ним. Я приведу несколько ярких случаев.

Мой собственный стул повернулся наполовину, в то время как мои ноги стояли на полу".

На глазах у всех присутствующих кресло стартовало из дальнего угла и медленно продвигалось к столу, пока мы наблюдали за его перемещением".

"В другой раз кресло подошло к тому месту, где мы сидели, а затем, по моей просьбе, медленно вернулось назад на расстояние трех футов".

"Во время трех сеансов подряд маленький столик пересекал комнату в условиях, которые я специально установил заранее, чтобы победоносно ответить на все возражения, которые могли бы быть выдвинуты против реальности этого явления.

"Я несколько раз повторял эксперимент, который "*Диалектическое общество*" считает убедительным, а именно: движение тяжелого стола при ярком свете, спинки стульев повернуты к столу на расстояние около одного фута, каждый человек стоит на коленях на своем стуле, руки лежат на спинке над столом, но не касаются его.

"В одном из этих случаев эксперимент проводился, пока я ходил вокруг стола, чтобы видеть, как расположился каждый человек". (Crookes).

На наших собственных сеансах с мадам Розин, Л.Б., мы видели, по крайней мере, десять или двенадцать раз, как маленький столик на роликах продвигался к нам, как будто движимый силой притяжения или отталкивания.

Подобное явление очень часто происходило в моем кабинете под медиумическим влиянием М. Д. с силой необычайной тяги, которая, казалось, происходила от грубой силы. Следы сильных ударов стола о мое бюро все еще остаются, чтобы свидетельствовать о результатах этого явления".

Класс V. - Стулья и столы, поднятые с земли без контакта с человеком.

"Обычно при возникновении подобных случаев делается замечание: "Почему такие вещи происходят только со стульями и столами? Неужели такой привилегией обладают только предметы мебели? Я хочу ответить на это, заявив, что просто наблюдаю факты и сообщаю о них, не претендуя на то, чтобы вникать в *то, почему* и *как*; но, по правде говоря, совершенно очевидно, что если любой неодушевленный предмет определенного веса может быть поднят с земли в обычной столовой, то это может быть не стул или стол, а что угодно другое.

"То, что подобные явления не ограничиваются мебелью, я имею многочисленные доказательства, как и другие экспериментаторы; *интеллект* или *сила*, в зависимости от того, что это может быть, которая производит проявления, может работать только с материалами, которые находятся в ее распоряжении.

"В пяти различных случаях тяжелый обеденный стол был поднят с пола на высоту от нескольких дюймов до полутора футов, при особых условиях, которые делали обман невозможным.

"В другом случае тяжелый стол был поднят к потолку при полном освещении, *в то время как я держал ноги и руки медиума*.

"В другой раз стол сам поднялся над полом, причем никто к нему не прикасался, но при условиях, которые я заранее навязал таким образом, чтобы сделать доказательство факта неоспоримым". (Crookes.)

Явления, наблюдаемые в этом классе экспериментов, относятся к явлениям *движения без контакта*. Хотя их трудно получить, я замечал их несколько раз; я видел у себя дома, как массивный стол поднимался на некоторое расстояние от пола через десять или пятнадцать секунд после прекращения всякого контакта. Доктор Гибиер имел возможность наблюдать полную левитацию и видеть, как стол *поворачивается и касается потолка своими четырьмя ножками* под медиумическим влиянием мистера Слейда. Доктор подтверждает этот факт в своей собственной книге, посвященной этому вопросу.

На суде 31 августа 1591 года с Франсуазой Фонтен произошло явление, подобное описанному, *а именно*: падение железной двери на несчастную девушку; поднятие в воздух умывальника и его опорожнение в присутствии тюремщика и заключенного Офрениля. Франсуа Фонтен, очевидно, был медиумом с *экстрасенсорными эффектами*.

Класс VI.- Поднятие в воздух человеческих существ.

"Это явление происходило в моем присутствии четыре раза, хотя и в неясной форме. Условия, в которых происходили эти движения, были полностью удовлетворительными; но

зрительная демонстрация таких вещей необходима, чтобы предотвратить влияние наших предвзятых мнений; например, о том, что *естественно возможно или невозможно*, я упомяну здесь только случаи, в которых выводы разума были подтверждены чувством зрения.

"Однажды я увидел в качестве зрителя, как стул, на котором сидела дама, поднялся от пола на несколько дюймов.

"В другой раз, чтобы избежать подозрений в том, что феномен был произведен искусственным путем, дама опустилась на колени на стул, так что четыре ножки этого предмета мебели были видны каждому глазу; затем стул был поднят от пола на три дюйма, оставаясь подвешенным в воздухе в течение десяти секунд, когда он снова медленно опустился на пол.

В другой раз, но уже отдельно, двое детей были подняты к потолку на своих стульях, под ярким светом, при условиях, полностью удовлетворивших меня, так как я стоял на коленях и внимательно следил за ножками стульев, чтобы убедиться, что никто их не трогает".

"Самые замечательные примеры левитации, которые я наблюдал, происходили с мистером Хоумом. В трех случаях я видел, как он поднимался к потолку комнаты. В первом случае он сидел в кресле, во втором - стоял на коленях на стуле, а в третьем эксперименте - стоял на стуле. Во всех этих случаях у меня были все возможности для изучения явлений в тот момент, когда они происходили.

"Было опубликовано более ста случаев, когда мистер Хоум поднимался с пола в присутствии многочисленных свидетелей, и я имел устные показания по крайней мере трех свидетелей этих явлений, *а именно*: графа Данрейвена, лорда Линдсея и капитана Уинна.

"Отвергнуть многочисленные свидетельства, представленные по этому вопросу, означало бы отвергнуть все человеческие свидетельства по любому другому вопросу; ибо в истории нет фактов, будь то священные или профанные, которые опирались бы на столь прочную доказательную базу".

"Число свидетелей, которые подтвердят левитации мистера Хоума, просто ошеломляет. Очень хотелось бы, чтобы люди, чьи свидетельства будут приняты научным миром как убедительные, серьезно и терпеливо изучили эти факты".

"Большинство глазных свидетелей этих явлений еще живы и наверняка дадут показания; но через несколько лет будет трудно, если вообще возможно, получить такие *прямые свидетельства*, как в случае с Хоумом". (Crookes.)

Именно к этому классу феноменов относится случай Франсуа Фонтен, достоверные факты которого, официально зафиксированные и засвидетельствованные, вошли в историю; ее левитации в тюрьме Лувье не подлежат сомнению.

Каталептические симптомы, сопровождавшие восходящие движения этой женщины, свидетельствуют об особом невропатическом состоянии, в котором она находилась, - состоянии, в котором сегодня большинство медиумов развивают *психическую силу*, либо спонтанно, либо после гипнотических маневров.

Одним из преимуществ для будущей науки будет объяснение, данное этим явлениям, которые сейчас считаются сверхъестественными; явлениям, в которые наши ученые академики отказываются верить, *хотя и не исследуют* их, настаивая, что такие явления -

галлюцинации, простые утверждения писателей и тех, кто их наблюдает; в то время как эти так называемые *саванты*, которые презируют спиритизм, считая его мошенничеством и самозванством, сами боятся убедиться в этом с помощью научных экспериментов.^[85]

Класс VII.- Движение *небольших объектов без личного контакта*.

"Под этим названием я предлагаю описать некоторые конкретные явления, свидетелем которых я был.

"Я ограничусь лишь упоминанием некоторых фактов, тем более удивительных, что те, кто был их свидетелем, делали это при обстоятельствах, делающих невозможным любой обман; было бы глупо приписывать эти результаты мошенничеству, поскольку явления наблюдались не в доме медиума, а в моем собственном доме, где о какой-либо предварительной подготовке не могло быть и речи.

"Медиума привели в мою гардеробную, усадили в определенной части комнаты под пристальными взглядами нескольких внимательных свидетелей, и он играл на аккордеоне, *который я держал в своей руке клавишами вверх*; этот же аккордеон затем парил в воздухе, играя, пока оставался в подвешенном состоянии.

"Этот медиум не мог тайно ввести в мой дом машину, достаточно сильную, чтобы дребезжать моими окнами и снимать венецианские шторы на расстоянии восьми футов; завязывать узлы на моем носовом платке и переносить его в дальний угол большой комнаты; играть ноты на фортепиано на расстоянии; заставить тарелку парить по комнате; поднять со стола графин с водой; заставить коралловое ожерелье встать на одну из своих гибких конечностей; привести веер в обычное светское движение; или запустить маятник часов, когда часовой механизм был запаян в стекло и плотно привинчен к стене." (*Crookes.*)

Такие же явления производят факиры. Бамбуковые палки, воткнутые в землю, протыкают определенное количество листьев инжира или других растений. Заклинатель протягивает руки, и листья движутся вверх по длинным палкам, на которые они нанизаны.

Другой эксперимент: ваза наполняется водой и самопроизвольно перемещается по столу, наклоняется, колеблется, поднимается на ощутимую высоту, при этом ни капли воды не проливается.

Музыкальные инструменты издают звуки, играют мелодичные мелодии под взглядом исследователя, на некотором расстоянии от факира и без видимого движения со стороны последнего. Доктор Жибье приводит эти явления, засвидетельствованные лицами, заслуживающими всяческого доверия.

Во время сеансов в доме моего друга доктора Фюэля с мадам Л. Б. мы были свидетелями подобных явлений. Несколько раз мы с моим *коллегой* видели, как колышутся и открываются дамасские шторы на окнах его кабинета; слышали звук небольшой трубы, установленной в центре стола, правда, в темноте, но мы держали друг друга за руки в кругу и принимали все возможные меры предосторожности, чтобы не быть обманутыми или одураченными".

Класс VIII.- Светящиеся явления.

"Эти проявления слабы и обычно требуют затемненной комнаты. Я хочу напомнить читателям, что в этих случаях я принимал все необходимые меры предосторожности, чтобы не быть обманутым светом, вызванным светящимися маслами (основу которых может

составлять фосфор) или другими средствами. Кроме того, я тщетно пытался искусственно имитировать этот свет.

"Я видел, как в экспериментальных условиях самого сурового рода твердое тело, обладающее собственным светом, размером с гусиное яйцо, плавало по комнате без шума на высоте, которой нельзя было коснуться даже стоя на ногах, а затем плавно опускалось на пол.

"Этот светящийся шар оставался видимым более десяти минут, прежде чем исчезнуть; он трижды ударялся о стол, издавая шум, который производит любое твердое тело такого же размера.

"В течение этого времени медиум сидел в кресле, находясь в очевидном состоянии бесчувствия.

"Я видел светящиеся искры над головами различных людей.

"Я получал ответы на вопросы с помощью вспышек света, любое количество раз перед моим собственным лицом.

"Я видел, как искры света поднимались со стола к потолку и падали обратно на стол с отчетливым звуком тверди".

"Я получил, по алфавиту, сообщение посредством вспышек света, производимых в воздухе, перед моими глазами, в то время как моя рука двигалась в лучах сообщаемого света; я видел светящееся облако, плывущее вверх и покоящееся на картине".

"Несколько раз, в аналогичных условиях жесткого контроля, в мою руку вкладывалось тело, твердое на вид, но кристаллическое, обладающее собственным светом, рукой, не принадлежащей ни одному человеку, присутствующему в комнате. При *полном свете* я видел, как светящееся тело подлетело к верхушке гелиотропа, стоящего на *консоли*, отломило небольшую веточку растения и поднесло ее к руке присутствующей дамы.

"Иногда я видел, как подобные светящиеся облака *заметно сгущались, принимали форму руки* и несли людям небольшие предметы, но эти явления относятся к другому классу проявлений". (Crookes).

Единственные явления такого рода, которые я заметил, были произведены при следующих обстоятельствах: Однажды вечером, начав некоторые эксперименты с мадам Л. Б. в гостиной доктора Пюэля, мы были вынуждены прервать *сеанс* из-за конвульсивного истерического приступа, охватившего медиума, - приступ длился более часа и был остановлен только прикладыванием металлических пластин к грудной клетке. Придя в себя, дама вместе с мужем и доктором Пюэлем удалилась в консультационный кабинет последнего, куда через несколько минут меня вызвал мой *коллега*. Мадам Л. Б. стояла, поддерживаемая двумя моими друзьями,^[86] а из ее груди исходили фосфоресцирующие испарения, которые становились все более густыми и плотными по мере того, как свет в комнате гасил. Эти явления продолжались более четверти часа, в течение которых мадам Л. Б. издавала долгие и мучительные стоны. Эти испарения имели запах фосфора и, казалось, поднимались из эпигастральной области.

Несколько месяцев спустя меня вызвали к мадам Л. Б., которую я застал в состоянии глубокой анемии и умственной прострации, напомнившей мне о *сеансе*; я прописал ей гранулы фосфорной кислоты с прекрасными результатами.

Класс IX.-Появление *рук, светящихся или видимых при обычном свете*.

"Во время *темных сеансов* или при обстоятельствах, которые не позволяют нам увидеть эти формы, человек часто ощущает прикосновение рук или чего-то, имеющего форму рук; но я видел эти руки".

"Я не буду рассказывать о случаях, когда явление происходило в темноте, а просто выберу некоторые из *многочисленных случаев*, когда я видел руки *при свете*.

"Маленькая рука очаровательной формы поднялась со стола и протянула мне цветок; эта рука появлялась и исчезала три раза с интервалом и давала мне все возможности убедить себя, что она по виду такая же настоящая, как и моя собственная. Это происходило при полном свете, в моей собственной комнате, в то время как я держал руки и ноги медиума".

"В другой раз маленькая рука и кисть, похожие на детские, появились, чтобы поиграть вокруг дамы, сидевшей рядом со мной; эта рука подплыла к моей стороне, слегка ударила меня по руке и несколько раз дернула за пальто.

"В другой раз я видел, как рука и кисть отрывали лепестки от цветка, помещенного в *бутоньерку* мистера Хоума, и держали их перед лицами сидящих рядом с ним людей.

"В этот раз, а также при других свидетелях, которые видели те же проявления, рука коснулась клавиш аккордеона и заиграла на инструменте, в то время как руки медиума были видны и даже иногда держались сидящими рядом с ним людьми".

Руки и пальцы всегда казались твердыми и такими же, как у любого живого человека; временами, однако, они выглядели туманными, сгущениями в виде рук".

"Эти явления не были видны в одинаковой степени всем присутствующим. Например, один человек видел цветок или другой небольшой предмет; другой видел, как небольшое светящееся облако пролетало над цветком; еще один замечал туманную руку; другие же просто видели движение цветка.

"Я несколько раз видел, как объект двигался, имея вид светящегося облака, и идеально сгущался в форме руки; при таких обстоятельствах рука была видна всем присутствующим".

"Это не всегда простая форма, так как часто рука совершенно похожа на руку живого человека и имеет все элементы изящества; пальцы двигаются, плоть имеет человеческий вид, такой же, как у живого человека; в области запястья или руки эта форма может стать туманной и закончиться светящимся облаком пара".

На ощупь рука кажется холодной, ледяной, как при смерти; в то время как в других случаях она кажется теплой и живой, сжимающей мою руку, как это сделал бы старый друг".

"Я держал одну из этих рук в своей, *твердо решив не выпускать ее*; она не оказывала никакого сопротивления и не пыталась отсоединиться, но, казалось, постепенно превращалась в пар". (*Crookes*).

Я слышал, как многие люди утверждали, что воспринимали руки, прикасавшиеся к ним, при *полном свете*. У меня такого опыта не было, но я могу засвидетельствовать, что в течение восьми или десяти сеансов я и пять или шесть человек, которые мне помогали, прекрасно чувствовали эти руки; среди этих рук были руки маленького ребенка, а в доме, *конечно*, не было ни одного маленького ребенка; эти детские руки были успокаивающими и ласковыми. Нашим медиумом по-прежнему была мадам Л. Б., которую во время *сеанса* крепко держала на диване мадам П., на чье скрупулезное внимание можно положиться, когда *речь идет о науке*, поскольку все наши эксперименты такого рода проводились в темноте. Несколько раз маленькие детские ручки засовывались мне в рукав и, казалось, с удовольствием срывали с меня наручники и передавали их другим людям в комнате. Мои очки также были взяты младенческими пальчиками и отнесены одному из кружковцев[87].

Класс X. - Прямое *письмо*.

Это выражение мы используем для обозначения письма, не произведенного кем-либо из присутствующих, и мистер Крукс дает следующее описание этого феномена:

"Я часто получал слова и сообщения, написанные на бумаге (на которой я делал личные пометки) при самых строгих условиях контроля; и я слышал в темноте шум движения карандаша по бумаге. Меры предосторожности, принятые мною ранее, были настолько строгими, что мой разум совершенно убежден, будто знаки письма формировались под моим собственным взглядом".

"Но поскольку пространство не позволяет мне вдаваться в полные подробности, я просто выберу два случая, в которых свидетелями операции были не только мои глаза, но и уши.

"Первый случай, который я приведу, произошел, правда, на *темном сеансе*, но результат был не менее удовлетворительным.

"Я сидел рядом с медиумом, мисс Фокс, и присутствовали только два человека, моя жена и наш родственник; я держал обе руки медиума в одной из своих, а ее ноги лежали поверх моих. Перед нами на столе лежала бумага, а моя рука держала карандаш.

Сверху спустилась светящаяся рука и, повисев несколько секунд рядом со мной, взяла карандаш из моей руки, быстро написала на бумаге, бросила карандаш над нашими головами и постепенно исчезла в темноте".

"Второй случай можно рассматривать и регистрировать как открытие. Хорошее открытие часто бывает более убедительным, чем самый удачный эксперимент".

"Это произошло при свете в моей собственной комнате, в присутствии мистера Хоума и нескольких друзей. Различные обстоятельства, которые нет необходимости здесь перечислять, показали в тот вечер, что *психическая сила очень сильна*. Я выразил желание стать свидетелем создания настоящего письменного послания, подобного тому, о котором незадолго до этого говорил один из моих друзей. В тот момент, когда это желание было произнесено, раздался алфавитный сигнал, гласивший: "*Мы попробуем*".

"Карандаш и несколько листов бумаги были положены в центр стола. Вскоре *карандаш встал на острие и рывками продвигался вперед*, затем упал. Он снова поднялся и упал; он попробовал в третий раз, но безрезультатно.

"После трех бесплодных попыток маленький кусочек дерева, лежавший рядом на столе, придвинулся к карандашу и приподнялся на несколько дюймов над столом. Карандаш снова

поднялся, упираясь в дерево, и оба попытались написать на бумаге; это не удалось, и была предпринята новая попытка. С третьей попытки деревянная рейка отказалась от своих усилий и вернулась в прежнее положение на столе; карандаш остался в том положении, в котором он упал на бумагу, а алфавитное послание сказало нам: *"Мы пытались сделать то, о чем вы просили, но наши силы исчерпаны"*. (Crookes.)

В Индии факиры легко получают прямое письмо; они рассыпают мелкий песок на столе или другой гладкой поверхности и кладут на этот песок маленькую заостренную деревянную палочку. В определенный момент эта палочка поднимается и вычерчивает на песке символы, которые являются ответами на вопросы, задаваемые наблюдателями[88].

В ходе экспериментов, проведенных с нашим другом доктором Пьюэлем, мы получили надписи на более чем двадцати грифельных досках. На новую грифельную доску клали немного мела и ставили ее на стол на некотором расстоянии от медиума, мадам Л. Б., причем эксперименты проводились со всеми возможными предосторожностями. Предварительный осмотр обеих поверхностей грифельной доски устранил все сомнения относительно какого-либо мошенничества в этом отношении. При этом я держал руки медиума мадам Л. Б., которая всегда находилась в гипнотическом состоянии во время подобных экспериментов, при которых обычно присутствовали несколько человек, способных наблюдать и фиксировать факты с хладнокровием и рассудительностью.

Все эти сообщения имеют свою подпись, и многие из них датируются 1900 годом как эпохой, когда *современный спиритизм* будет научно признан миром.

Доктор Жибье, проводивший интересные эксперименты с мистером Слейдом, как и мы, получил спонтанные письма на многих грифельных досках, репродукции которых он приводит в своей замечательной работе - *книге, которую он имел смелость написать и к которой приложимо его знаменитое имя*[89].

Мы не находим ни в одном документе Средних веков таких спонтанно написанных сообщений; по крайней мере, демонографы не упоминают о них в своих трудах, а ведь если бы они это сделали, то это было бы самым ярким доказательством аналогии магии с современным спиритизмом и индийским факиризмом, который служит посредником в истории оккультизма.

Класс XI.- *Формы и фигуры фантомов.*

"Эти явления редко когда наблюдаются. Условия, необходимые для их появления, кажутся настолько тонкими, и так мало препятствует их производству, что лишь в очень редких случаях я наблюдал удовлетворительные результаты. Я приведу два случая:

"В сумерках *на сеансе* мистера Хоума, который проводился в частном доме, было замечено, что жалюзи на окне, расположенном на расстоянии около восьми футов от медиума, двигаются, затем все сидящие у окна увидели теньевую форму, которая становилась все темнее и затем полупрозрачной, как у человека, пробующего жалюзи рукой. Пока мы смотрели на этот объект в полумраке, он исчез, и ставни перестали двигаться".

"Следующий пример еще более поразителен. Как и в предыдущем случае, медиумом был мистер Хоум. Призрачная форма появилась из угла комнаты, взяла в руку аккордеон и заскользила по комнате, прекрасно играя на этом инструменте. Этот фантом был виден всем присутствующим в течение нескольких минут, причем мистер Хоум был прекрасно виден в это же время. Затем эта тень приблизилась к одной из дам в комнате, когда испуганная женщина издала крик, и фантом исчез". (Crookes.)

Мы сожалеем, что место не позволяет нам рассказать об экспериментах, проведенных над мисс Кук и Кэти Кинг, призраки которых стали настолько осязаемыми, что их удалось сфотографировать.

История, рассказанная Крукс о спиритической фотографии, почти невероятна, но доктор Крукс заметил по поводу сомневающихся и своих личных экспериментов: *"Я не говорю, что это возможно, я говорю, что это есть"*.

Если верить многочисленным случаям, приведенным Пьером Ле Лойе, эти явления форм и фигур фантомов были более распространены в Средние века, чем в наши дни^[90].

Этот знаменитый автор, по сути, не допускает никаких сомнений по этому вопросу, который он тщательно изучил, ибо он говорит в предисловии к своей работе: *"Aussi est traite des extases et ravissements: de l'essence, nature et origine des Ames, et de leur estat apres le deces de leurs corps; plus des Magiciens et Sorciers, de leur communication avec les malins esprits; ensemble des remedes pour se preseruer des illusions et impostures diaboliques."*

Анализируя отрывки из этого любопытного документа, мы сразу же увидим взаимосвязь, существующую между тем, что в другие времена называлось колдовством или магией, и спиритизмом. Говоря о призраках, возникающих в воздухе и под нашими глазами, Пьер Леруа пишет: "Мы узнаем их по холодности их прикосновений и по их телам, которые мягки, их руки отходят от наших, как мягкий хлопок при сжатии или снежный шарик, сжатый в детской руке. Они задерживаются не дольше, чем это им нравится, и снова возвращаются в свою стихию".

Далее Леруа добавляет: "Злой дух на вопрос колдуна, почему его тело не согрето, ответил, что не в его власти дать ему тепло".

Но, между тем, он приписывал эти явления злым духам и демонам; наконец, наш автор пытается объяснить, "что это за тело, которое видят и осязают эти демоны, так сказать, воздуха, воды и земли?"

"Эти дьяволы появляются безразлично для всех людей; они сами влияют на общество некоторых, отдельных людей, некоторые из них гораздо больше, чем другие".

"Для этих колдунов и ведьм (*медиумов*) они обычно проявляются в видимой форме и приходят к тем, кто их зовет".

"Что касается людей, подверженных подобным вещам, то это обычно молодые и нежные возрастом, холодные и несовершенно организованные существа; с такими мы можем говорить властно; старики и евнухи, а также меланхолические люди".

"Все те, над кем эти дьяволы властвуют, отчуждаются от своей естественной сущности и нередко становятся маньяками".

Наш автор в главе о сущности душ утверждает, что "древние оракулы *были только оракулами душ человеческих*", и, чтобы быть конкретным, приводит длинный список имен. Он отмечает, что "в Греции существовали храмы, известные как психомантические, и в таких местах получали ответы души разных людей. Именно по этой причине души также следили за местами, где сжигали тела щедрых и благородных баронов".

Далее Ле Лойе упоминает о происхождении *силы, которой обладают духи, чтобы являться нам*, но наш автор не согласен с современными теориями, согласно которым они получают свою силу от медиума, ибо он замечает, что духи могут действовать "через свои собственные силы" и управляются только своим собственным интеллектом. "Они не так далеки, - добавляет он, - и расстояние между нами и духами столь незначительно, что мы можем легко общаться"; тем не менее, он говорит между тем: "Они управляются Богом и подчиняются его воле".

Наконец, он считает человека низшим существом по сравнению с духами умерших - фактически, он заявляет: "Душа, по-видимому, ничего не берет от другого, и, будучи невидимым духом, она действует с нами как пассивный агент, будучи слишком гордой, чтобы управлять тем, что ниже ее; и я отрицаю, - говорит он, - что истинные души умерших подчиняются чарам или магическим словам".

О будущем души после смерти он замечает одному из своих оппонентов, чьи мнения он опроверг, что *"эта душа, какой бы она ни была, в здоровом или не очищенном состоянии, приходит постепенно, а не в один момент в полный расцвет и счастье Бога"*; и эти степени, по мнению Ле Лойера, подобны тюрьмам, где должны быть исполнены наказания за проступки, совершенные во плоти. Однако он признает, что некоторые духи продвигаются вперед быстрее, чем другие. По его мнению, это суды Божьи после смерти и огонь, о котором говорится в Писании. Именно так он объясняет идеи образов рая и ада, обещания добродетельным и нечестивым. Он приводит в пример (в связи с проявлениями в судах) дома, "где появлялись духи и издавали всевозможные звуки, которые беспокоили жильцов по ночам". Он рассказывает о Дэниеле и Николасе Маккери, которые арендовали дом на несколько лет. "Они прожили там совсем немного времени, когда слышали шум и гам, производимые невидимыми духами, которые не давали им ни сна, ни покоя". Суд аннулировал договор аренды, тем самым *признав, что существуют места, где обитают духи*"[91].

Класс XII.- Частные примеры, которые, как кажется, указывают на вмешательство высшего разума.

"Уже было продемонстрировано, что этими явлениями управляет некий Разум; важный вопрос заключается в том, чтобы узнать, что является источником этого Разума.

"Является ли это интеллектом медиума или кого-то другого, присутствующего в комнате? Или же этот интеллект является внешним? В настоящее время я не хочу давать положительные заключения по этому вопросу. Скажу лишь, что я наблюдал несколько обстоятельств, которые, казалось, демонстрировали, что воля и интеллект медиума оказывают большое влияние на явления. Кроме того, я наблюдал и другие, которые, казалось, неопровержимо доказывали вмешательство интеллекта, совершенно независимого от всех людей, находящихся в комнате, где проводился сеанс.

"Пространство не позволит мне привести здесь все аргументы, которые могли бы послужить доказательством этих положений, но я кратко упомяну одно или два обстоятельства, выбранные из множества других. Я несколько раз наблюдал, как явления происходили одновременно, причем некоторые из них были неизвестны медиуму. Я видел, как мисс Фокс автоматически писала сообщение для одного из присутствующих, в то время как сообщение для другого человека передавалось в алфавитном порядке с помощью *рэлов*, и в течение всего времени этих проявлений она разговаривала на тему, совершенно отличную от двух других.

"Следующий случай, пожалуй, еще более удивителен. Во время сеанса с мистером Хоумом небольшая деревянная рейка, о которой я уже упоминал, при полном свете подошла ко мне через стол и передала мне сообщение, слегка ударив по моей руке; я повторил алфавит, и рейка ударила меня по нужным буквам; другой конец этой деревянной палки находился на некотором расстоянии от рук мистера Хоума.

Удары были настолько отчетливы и ясны, деревянная рейка так явно подчинялась невидимой силе, управляющей ее движениями, что я спросил: "Может ли разум, управляющий движениями этой рейки, изменить характер движения и передать мне телеграфное сообщение с помощью азбуки Морзе, ударив по моей руке?"

"У меня были все основания думать, что алфавит Морзе был совершенно неизвестен всем остальным присутствующим, да и сам я знал его лишь в общих чертах.

"Сразу же после моих слов характер ударов изменился, и сообщение было продолжено в требуемой мной манере. Буквы передавались слишком быстро, чтобы я мог уловить лишь отдельные слова, и поэтому я потерял сообщение; но я услышал достаточно, чтобы убедиться, что на другом конце линии, в каком бы месте она ни находилась, есть хороший оператор Морзе".

"Другой пример: Одна дама писала автоматически с помощью планшета. Я пытался найти способ доказать, что то, что она писала, не было результатом *бессознательного обдумывания*. Планшет, как это всегда бывает, утверждал, что, хотя движения совершаются руками и кистями оператора, существует интеллект, исходящий от невидимого существа, которое играет на ее мозгу, как на музыкальном инструменте, и таким образом приводит ее мышцы в движение.

Я обратился к этому интеллекту с вопросом: "Можешь ли ты увидеть, что находится в этой камере? Планшет ответил: "Да". "Вы можете читать этот журнал?" - сказал я, положив палец на экземпляр *лондонской газеты "Таймс"*, который лежал на столе позади меня, но который я не мог видеть. "Да", - ответил Планшет. "Очень хорошо, - сказал я, - напишите слово, которое сейчас закрыто моим пальцем". Планшет начал двигаться, и слово "however" было медленно написано. Я повернулся и увидел, что слово "however" на сайте закрыто кончиком моего пальца. Я не смотрел на газету, когда пытался провести этот эксперимент, и дама, если бы она попыталась, не смогла бы увидеть ни одного слова в журнале, поскольку она сидела за столом, а *"Лондон Таймс"* лежала на столе сзади меня с моим телом". (Crookes.)

В экспериментах по тимпанологии, в которых я участвовал, на все требования, обращенные к *психической силе*, ответы всегда имели особый характер, не зависящий от характера ассистентов^[92].

Иногда я пытался сконцентрировать свою волю на ожидаемом ответе и всегда терпел неудачу в своих попытках психического давления.

Я также определил, что эти ответы не могут быть продиктованы разумом медиума, чьи научные и литературные знания не всегда соответствовали полученному сообщению. Это наблюдение совпадает с фактами, наблюдавшимися среди мнимых демономанов, которые в своих приступах обладали даром языка, отвечая на латыни экзорцистам, составляя целые диспуты на этом языке, первых элементов которого они не знали.

Под названием *феномена экстаза* доктор Жибье описал, после экспериментов с медиумом Слейдом, его вытеснение более сильным духом, чем тот, который он обычно контролировал. По словам Жибье, явления, вызванные этим, заключались в "определенном обесцвечивании

лица медиума, которое стало красным, своего рода гримасе, сокращающей мышцы лица, глаза были судорожно подняты вверх, и после нескольких нистагматических движений глазного яблока веки плотно закрылись, послышался скрежет зубов медиума и судорожный знак, указывающий на начало *овладения* им чужим духом". После этой короткой фазы, которую было больно наблюдать, лицо медиума расплылось в улыбке, а голос, как и повадки, полностью изменились и стали принадлежать другому человеку. Таким образом, Слейд, вернувшись к своему обычному контролю, приветствовал всю нашу компанию самым любезным образом".

Среди экспериментов, проведенных доктором Жибье для контроля этого состояния *воплощения* (англичане называют его *трансом*), можно назвать сравнение динамометрической силы медиума в его естественном состоянии и в состоянии *транса*. В первом случае, из-за двух предыдущих приступов гемиплегии, мышечная сила Слейда составляла 27 килограммов для правой руки и 35 килограммов для левой. Во втором состоянии - 63 килограмма справа и 50 килограммов слева. Между тем доктор Жибье, не более чем мы, считает нужным рассматривать состояние транса не иначе как гипотезу, "чужеродный элемент, привнесенный в сцену и подобно ему присутствующий в опытах внушения и каталепсии".

Если мы не можем дать научное объяснение этим явлениям, наш долг - изучить их как другие и проследить их историю, особенно в поисках тех точек совпадения с доказательствами, предоставленными историей демономании и дьявольской одержимости Средних веков; ибо мы убеждены, что над этими явлениями доминировала одна и та же неизвестная сила, по-разному интерпретируемая в силу философских и религиозных идей той эпохи, в которую они изучались.

Класс XIII.- Разнообразные случаи сложного характера.

Под этим названием мистер Крукс приводит факты, которые нельзя классифицировать иначе в силу их сложного характера. В качестве примера он приводит два случая: один из них - эксперимент по тимпанологии между ним, мисс Фокс и другой дамой. Он доказал, что колокольчик, который находился в его деловом кабинете, был поднесен к столу, как доказательство, объявленное интеллектуальной силой, которая общалась с ним, *о его силе*. Камера, в которой это происходило, была отделена от офиса дверью, которую он предварительно надежно запер на ключ, и он был абсолютно уверен, что колокольчик, о котором идет речь, находится в его офисе.

"Второй случай, о котором я хочу рассказать, - говорит мистер Крукс, - произошел в субботу вечером при ярком свете, причем мистер Хоум и моя семья были единственными присутствующими.

"Мы с женой, проведя день в деревне, привезли домой цветы, которые я собрал; по прибытии домой мы отдали их слуге, чтобы он поставил их в воду. Вскоре пришел мистер Хоум, и мы прошли в столовую. Как только мы уселись, служанка принесла цветы, поставленные в вазу; я поставила их в центр стола, который не был накрыт скатертью. Мистер Хоум впервые видел эти цветы.

Сразу же пришло сообщение, переданное алфавитом рэп, в котором говорилось: "Пройти сквозь материю невозможно, но мы покажем вам, что можем это сделать". Мы ждали в тишине, и вскоре над букетом цветов появилось светящееся изображение, а затем, на глазах

у всех членов моей семьи, сидевших за столом, ветка китайской травы длиной пятнадцать дюймов, украшавшая середину букета, медленно поднялась из букета, спустилась из вазы и двинулась через стол, а моя жена увидела руку, протянувшуюся из-под стола и схватившую цветок; В тот же момент ее трижды ударили по левому плечу, и шум от пощечины был настолько громким, что мы все его услышали; затем светящаяся рука уронила китайскую траву на пол и исчезла. Руку видели только два человека из моей семьи, но все присутствующие за столом заметили различные движения стебля растения, как я уже описывал их ранее.

В течение всего времени, пока длилось это явление, мы все видели руки мистера Хоума на столе, где они лежали неподвижно, и они находились не менее чем в восемнадцати дюймах от того места, где исчез стебель растения".

"Это был обеденный стол, который раскрывался в складках, он не удлинялся" и т. д.

В качестве дополнения к фактам, упомянутым в этом разделе, я могу сообщить о знаменитых экспериментах с браслетом, проведенных доктором Пьюэлем, - экспериментах, свидетелем которых я был не менее дюжины раз, а также множество других людей. Браслет из латуни, без отверстий и спайки, вырезанный машиной из цельного куска металла, был надет на предплечье мадам Л. Б. Руки дамы лежали ровно на столе или находились в руках экспериментаторов. В определенный момент, часто в разгар разговора, мадам Л. Б. издавала пронзительный крик, и в тот же миг браслет с огромной силой падал на пол или на какой-нибудь предмет мебели. Несколько раз, при тех же обстоятельствах, то есть когда руки дамы были крепко прижаты к столу теми, кто проводил эксперимент, я видел, как браслет *переходил с одной руки на другую*.

Итак, вопреки всем законам физики, оказывается, что материя может проходить сквозь материю; я подтверждаю реальность этого, и другие люди, которые не в большей степени, чем я, подвержены галлюцинациям, также могут засвидетельствовать истинность этого утверждения. И каковы бы ни были последствия для моей профессиональной репутации, совершенно не обращая внимания на то, что может быть сказано критиками, я смело, словно под присягой, утверждаю, что мои чувства приводят меня к этому навязанному убеждению. Кроме того, я далеко не одинок в вере в то, что я видел, независимо от того, находится ли это *"в гармонии с нашими приобретенными знаниями"* или нет; к именам французских, английских и немецких *савантов*, которые я приводил, во всех странах есть экспериментаторы, которые имеют мужество верить доказательствам, предлагаемым их собственными чувствами, как свидетель тот знаменитый английский геолог, который после десяти лет исследований с явлениями под контролем, *объявил спиритизм истинным*, делая из своих экспериментов следующие выводы: *"Кто определит пределы возможного, пределы, которые наука и наблюдения накапливают с каждым днем? Давайте исследовать, давайте сомневаться, но не быть настолько смелыми, чтобы отрицать возможность подобных явлений"* (Баркас).

Если теперь мы установим баланс фактов, приписываемых демонии Средневековья, и сравним их с опытом экспериментальной психологии, то не только признаем поразительную аналогию между ними, но и интерпретируем их с помощью гипотезы о разумной силе, интенсивность которой пропорциональна определенным нервным патологическим состояниям. Следует помнить, что, согласно ритуалу Римско-католической церкви, явлениями, необходимыми для распознавания *одержимости* у демономанов, были:

1. Способность знать мысли, даже если они не выражены.

2. Умение говорить на неизвестных языках.
3. Способность говорить на иностранных языках, которые неизвестны тому, кто их произносит.
4. Знание будущих событий.
5. Знание того, что происходит в отдаленных местах.
6. Развитие высшей психической силы.
7. Приостановка людей или тел в воздухе на значительное время.

Не менее интересно сравнить эти явления с теми, которые наблюдали тридцать три члена комиссии, назначенной "Диалектическим обществом Лондона". Ниже приводится отчет этой комиссии после восемнадцатимесячного исследования:

1. Разнообразные шумы, возникающие, по-видимому, от мебели, пола или стен комнаты, сопровождаемые вибрацией, часто ощутимой на ощупь, присутствуют, не будучи вызванными мускульными действиями или какими-либо механическими средствами.
2. Движения тяжелых тел происходят без помощи механических устройств любого рода и без эквивалентного развития мускульной силы со стороны присутствующих людей, и даже часто без контакта или связи с кем-либо.
3. Эти звуки и движения производятся часто в тот момент, когда этого желают присутствующие, и в той манере, в которой они требуют, и, используя простой код звуков, отвечают на вопросы и пишут связанные сообщения.
4. Полученные ответы и сообщения по большей части банальны и заурядны, но иногда они сообщают факты и информацию, известную только одному человеку в комнате.
5. Обстоятельства, при которых происходят феномены, различны; наиболее поразительной особенностью является то, что присутствие определенных людей кажется необходимым для их производства, и что присутствие некоторых людей служит сдерживающим фактором; но это различие, кажется, не зависит от веры или неверия присутствующих в природу феноменов.

Устные и письменные свидетельства, полученные комиссией, подтверждают реальность явлений, гораздо более необычных, таких как тяжелые тела, поднимающиеся в воздух (в некоторых случаях люди парили в атмосфере) и остающиеся в подвешенном состоянии без ощутимой опоры; явления рук и форм, не принадлежащих человеческим существам, но кажущихся живыми, судя по их виду и движениям.

Этот отчет был подписан *учеными* первого порядка, столь же скептически настроенными перед началом своих исследований, как и самые убежденные материалисты наших академий наук. Среди знаменитых имен людей, известных всему миру своей образованностью и научной достоверностью, назовем имена великого натуралиста и *соавтора* Дарвина Рассела Уоллеса, профессора А. Моргана, президента Математического общества Лондона и секретаря Королевского астрономического общества; Ф. Варли, главного инженера Трансатлантической телеграфной компании и члена Лондонского королевского общества.

Мистер Морган не побоялся добавить к отчету следующие строки: "Я совершенно убежден, исходя из того, что я видел и слышал, таким образом, что сомнения невозможны, что *спиритуалисты*, без сомнения, находятся на пути, который приведет к прогрессу психических наук; их противники - это те, кто стремится затормозить весь прогресс".

Мистер Варлей пишет знаменитому профессору Тиндаллу: "Я вынужден исследовать природу силы, которая производит эти явления, но до сих пор мне не удалось обнаружить ничего, кроме источника, из которого эта *психическая сила* исходит, то есть из жизненных систем медиумов. Однако я изучаю лишь то, что было предметом исследования на протяжении двух тысяч лет; смелые люди, чей разум возвысился над узкими предрассудками нашего века, кажется, прочувствовали всю глубину рассматриваемого предмета" и т. д.

Это мнение ученого английского физика еще раз доказывает, что мы правы, связывая демономанию с магией древности и современным спиритизмом. Нужно быть совершенно слепым или плохо соображать, чтобы не видеть связующих звеньев, объединяющих эти различные явления. И если наши ученые мужи больше не осмеливаются говорить, что эти факты заслуживают доверия, отказываясь исследовать их, то это потому, что им не хватает смелости, потому, что они не смеют отважиться на критику притворно сильных духом людей и насмешки невежд. Если *vulgum pecus*, аморфная материя, из которой состоит высший элемент общества, оспаривает ценность работ Крукса, Уоллеса, Моргана, Варли, Жибье, Зельнера, Мейпса, Хейра, Оксона, Секстона и других, то их можно отнести только к тому же классу людей, которые высмеивали Галилея, Гарвея, Дженнера, Франклина, Янга, Дэви, Жюссье, Папена, Стефенсона и Гальвани, всех авторов великих открытий и научных истин, с которыми неизменно боролись псевдонаучные и полунищие гусаки, чьи имена украшают наши так называемые колледжи и другие общества взаимного восхищения.^[93]

Почему же мы до сих пор отказываемся изучать *силу*, признанную некоторыми из самых выдающихся людей среди современных цивилизованных наций и скромными первопроходцами, которые впервые изучали эти явления во Франции? Если количество названных экспериментаторов недостаточно, чтобы убедить скептиков, пусть они займутся полным изучением современной психологии и найдут множество величайших современных неврологов.

Девять лет исследований привели мистера Оксона, профессора Оксфордского университета, к формулировке следующих положений о *психической силе*, которые подтверждают результаты, полученные его коллегами в Англии, Германии и Америке, и являются еще одним доказательством идентичности явлений:

"1. Существует сила, которая действует посредством особого типа человеческой организации, сила, которую мы называем *психической силой*.

"2. Доказано, что эта сила в некоторых случаях управляется интеллектом.

"3. Доказано, что этот интеллект часто отличается от интеллекта человека или людей, через чье влияние он действует.

"4. Эта сила, управляемая внешним интеллектом, иногда проявляет свое действие, независимо от других методов, путем написания связных фраз, без вмешательства любого известного способа письма.

"5. Доказательства существования этой силы, управляемой интеллектом, основываются на

"(a) Доказательства, наблюдаемые с помощью органов чувств.

"(b) Тот факт, что *эта сила* часто использует язык, неизвестный носителю.

"(c) Тот факт, что предмет, о котором идет речь, очень часто превосходит знания или образование медиума.

"(d) Тот факт, что было установлено, что невозможно получить те же результаты обманом в условиях, в которых эти явления были получены.

"(e) Тот факт, что эти особые явления происходят не только на публике и с помощью платных медиумов, но и в семейном кругу, куда не допускаются посторонние".

Не желая предвосхищать этот вопрос, я, в свою очередь, считаю, что могу торжественно заявить, что *эта сила* тесно связана с душой, разумом или, как ее еще называют, министерской частью нашего существа; что она действует на наши идеи так же, как и на наши физиологические функции, и, на мой взгляд, судьба человечества - исследовать ее сущность и изучать ее явления, ее проявления и все ее ощутимые эффекты всеми нашими органами чувств и средствами исследования.

Пора положить конец светскому бахвальству ученых-материалистов и признать тот факт, что сила не возникает из одной только материи, а существует независимо от нее и подчиняется в первую очередь ее законам.

Начиная с предположения о существовании неизвестной силы, влиянию которой мы бессознательно подчиняемся, наука должна исследовать эту силу, выделить ее и контролировать, если это в наших силах.

Вместо того чтобы с невежественным скептицизмом относиться к современным открытиям в области *психических сил*, наши ученые академики должны исследовать полученные факты для вдохновения в дальнейшей работе, помня о хорошей мысли Лапласа: "Мы так далеки от знания всех агентов Природы и их различных способов действия, что не философски отрицать существование явлений только потому, что они не могут быть объяснены в реальном состоянии наших нынешних знаний"[94].

Таковы выводы, которые, как мне кажется, я имею право сделать из моих исторических исследований демономании Средних веков. Позвольте мне кратко изложить мои личные взгляды на этот предмет:

1. Существует психическая сила, разумная, присущая человечеству, проявляющаяся при определенных условиях различными явлениями с большей или меньшей интенсивностью.
 2. Определенные человеческие существа, известные как медиумы, которые очень чувствительны к действию магнетизма, облегчают производство этих феноменов, считающихся сверхъестественными при нынешнем состоянии наших научных знаний и явно противоречащих всем известным физическим и физиологическим законам.
 3. При определенных нервных состояниях, естественных или спровоцированных, эта Сила может овладеть человеческим организмом и вызвать, временно, либо изменение личности, либо изменение ощущений, интеллектуальных и моральных способностей.
-

МЕДИЦИНА В ЛИТЕРАТУРЕ СРЕДНИХ ВЕКОВ.

Все *саванты*, изучавшие литературную и историческую часть медицины, в полной мере осознают, какой мощный интерес она представляет, особенно медицина, изображенная в произведениях поэтов и драматических авторов Средневековья. Именно в произведениях этих писателей мы находим наиболее точную оценку медицинских идей той эпохи, поскольку можем судить об их нравах, критиковать их недостатки, учитывать их тенденции - и все это без привлечения медицинской науки в тот или иной момент, с ее учениями, ошибками и предрассудками.

Во всем, что касается Средневековья, мы находим это прежде всего в трудах философов, в некоторых драматических произведениях, известных под названием "*Моралите*", поскольку их целью было продемонстрировать в форме аллегории некую заповедь морали. Персонажи таких драматических сцен всегда представляют идеи, часто абстрактные и обычно фантастические: мир, справедливость, хорошая компания, гурманы, ужин, банкет, опыт, подагра, желтуха, водянка, апоплексия. Второй класс, ошибки и предрассудки, редко отсутствуют в некоторых поэтических произведениях, в *комедиях и фарсах, сатирических и непристойных стихах*, которые напоминают некоторые из ранних постановок латинского театра. Эти короткие пьесы, в конце концов, проникнутые галльским духом легкомыслия, понравившиеся клеркам и мелким торговцам, содержат резкую критику слабостей человечества, в частности, врачей. Эти пьесы считаются зародышем французской сцены, который впоследствии был увековечен самыми прославленными из наших комедиографов.

Непринужденная веселость часто прорывается в блестящих, искрометных диалогах этих легкомысленных фарсов и обеспечивает мгновенный успех пьесы. Публика смеялась от души, без всякого благоразумия, над широкими инсинуациями и комическими действиями в таких представлениях. Поэтому писатели того времени приходили в восторг, когда им случалось произвести фурор своими сатирическими тирадами, забавлявшими уходящий век. Иногда духовенство сатириковалось наравне с врачами; даже сам Папа Римский удостоивался внимания комедиантов, как, например, на карнавале 1511 года. Высмеивалась даже скупость Людовика XII. Шествие комедии представляло правосудие с его адвокатами, ростовщиками и полицией; но, прежде всего, комедия с удовольствием бурлескировала врачей, *Facultas saluberrema medicinæ parisiensis*, высмеивая их, как и весь остальной мир, без малейшего уважения к их мантии или чепцу.

Что говорят эти веселые, беснующиеся духи средневековья о наших предках-медиках старых добрых времен? Например, о мастере Жеане Буше с его произведением "*Траверс посторонних глаз*", о Пьере Грингоре под псевдонимом *Мере Сотте*, о Николасе Руссе и Кустелье, о Жаке Гревине и Пьере Бланше и всех других членах этой веселой компании без забот, без претензий, но не без таланта. Если профессиональная честь никогда не подвергалась настоящему испытанию со стороны этих умников, то педантичная серьезность наших медицинских предков, их грозный докторский набор, их консультации, предложения, сформулированные на ужасной и варварской латыни, - все это было предметом насмешек и пикантных эпиграмм. В других произведениях, которые мы предлагаем проанализировать, мы найдем те же ложные представления публики о врачебном искусстве, которые существуют и в наши дни; ту же тенденцию всегда вводить человека в заблуждение и несправедливо обвинять врачебную профессию во всех несчастных случаях, которые случаются с пациентами, и это несмотря на все древние кодексы гигиены и весь многовековой опыт.

Когда врач предписывает, например, в случае приступа лихорадки прекратить ежедневные возлияния, мы всегда видим, как соседи и благодетельные спутники страдальца входят в больничную палату, чтобы критиковать предписания и распоряжения врача, и такие люди возбуждают пациента своими замечаниями о медицинском деспотизме. Так было всегда, с тех пор как возникли врачи и пациенты, и не только в Средние века, но и во все эпохи. Оливье Басселин свидетельствует об этом в одном из своих очаровательных поэтических сочинений "*Во де Вир*"^[95], хороводов и вакхических песен, относящихся к XVI веку; этот сонет невелик;^[96] он рассказывает о пьянице, которому дают только ячменную воду, и который восстанавливает свое здоровье, по словам правдивого поэта, благодаря милосердному другу, который нарушает предписание врача и напояет больного вином. Мы часто и с удовольствием читали это стихотворение и приводим его в сокращенном виде:

Один из моих соседей больной лежал,

Задыхаясь от слабости и лихорадки:

"Увы, они меня убьют, - вздыхая, сказал он,

"Запретят вино; а ячменная вода - смерть".

"Увы, жажда моя велика, раздражает;

Я хочу выпить перед смертью;

Сосед, с тобой один стаканчик выпью;

Молись скорей к виноградарю.

"Милый друг, моему желанию не откажи,

Всегда ты был мне братом;

Теперь за вином поспеши,

Мы выпьем вместе прощальный бокал.

"С тех пор как врачи заставили меня бросить пить,

Мою флягу я оставил тебе по завещанию.

Эти врачи, я не могу не думать,

Не лечат так часто, как убивают".

Так говорил мой сосед, больной и изможденный.

Вина он выпил полных бутылок пять;

Лихорадка оставила его бодрым и веселым;

Он все еще пьет и жив.

Библиотека французского театра содержит множество других драматических произведений, а также комедий и фарсов, в которых врачи играют главные роли, правда, чаще всего они вводятся лишь для того, чтобы дать автору возможность побаловаться за счет медицины; и эти персонажи иногда выходят за рамки дозволенного. Некоторые из этих произведений являются жемчужинами литературного искусства. Мы можем привести, например, "Фарс о

докторе, который лечит все болезни" Николаса Руссе; "Лицеприятные рассуждения" Кустелье; "Истинный врач, который лечит все известные болезни;" и некоторые другие: "Медицина мэтра Гримаша", "Триумфальная дама Вероль" Франсуа Жюста, "Мария и доктор", "Возлюбленная семейного врача", а также фарсы Табарина - произведения, относящиеся к XV, XVI и XVII векам.

Но мы возьмем на себя изучение лишь нескольких произведений, представляющих настоящий литературно-медицинский интерес, и ограничимся изучением "Фарсов мэтра Патлена, дю Мунье и всемирного веселья", моралите "Авеугле и дю Буате, веселье и любовь", комедии "Трезорьер и Люсель", трагедии "Де ла Гутт" и книги "Гаргантюа и Пантагрюэль". Этого достаточно, чтобы составить представление о медицине в литературе Средневековья.

ФАРС МАСТЕРА ПАТЕЛИНА.

Фарс мастера Патлена, автором которого был Пьер Бланше, безусловно, является самой богатой жемчужиной в короне старого французского театра; именно он вдохновил Мольера на создание нескольких его произведений. Впервые представленный в 1480 году, этот знаменитый фарс является одним из самых ценных литературных памятников для изучения нравов Средневековья. Это *шедевр* духа, злобы, комедии и *наивности*, в котором медицина присутствует в каждой сцене - в симуляции болезни, в консультациях, в лекарствах и, что самое забавное, в вечной неблагодарности больных.

Весь образованный мир знает тему мастера Пателина: Адвокат без дела и клиента; человек, живущий на своей смекалке и уловках, делающий дурочек и сохраняющий при этом определенную профессиональную корректность в языке и хитростях. Его жена Гильеметта - достойная сообщница. Именно она упрекает его в том, что у него не было больше клиентов и прежней репутации; в том, что она умерла от голода. Именно она возбуждает его, иронично говоря:

"Maintenant chascun vous appelle

Partout; avocat dessoubz l'orme,

Nos robes sont plus qu'estamine

Reses."

Пателин отвечает, что не может получить их одежду из ломбарда, не выкупив или не украв ее - о том и другом не может быть и речи, поскольку у него нет денег и он не пойдет на преступление. Тогда достойная пара прибегает к кредитной системе, чтобы обновить свой гардероб. Для этого он отправляется к драпировщику, чтобы купить ткань для пошива новой одежды. Войдя в магазин, он произносит приветствие того времени: "Да пребудет с вами Бог" и вежливо интересуется здоровьем владельца магазина, которое ему очень дорого. Затем он спрашивает о здоровье своего отца, говоря ему, что тот похож на своего отца, как старая фотография. Наконец, он берет шестнадцать ярдов прекрасной ткани и, велев драпировщику прийти к нему вечером за деньгами и съесть, как выражается мастер Пателин, "руанского гуся, зажаренного на сковороде", пригласив изумленного торговца поужинать с ним, адвокат уходит с тканью, не заплатив. Придя домой, он рассказывает о своем приключении восхищенной Гильеметте, которая, однако, приходит в недоумение, узнав, что драпировщик приглашен на ужин с жареным гусем. Сначала они предлагают одолжить гуся у портного, но страх, что драпировщик не оценит шутку и потребует свои деньги на законных основаниях, побуждает достойную пару принять стратегию. Она очень проста: Мастер Пателин должен симулировать безумие, или, скорее, ту маниакальную форму возбуждения, к которой и в

наши дни так часто прибегают те, кто стремится избежать последствий преступлений, - возбуждение, характеризующееся в основном неудержимым болтливостью, подвижностью идей, бессвязностью и притворными иллюзиями.

Эти сцены симуляции чрезвычайно любопытны и интересны. Как только драпировщик входит, жена предупреждает его, чтобы он не шумел в доме:

"Он лежит в постели. Не разговаривай!

Бедный мученик! Он болен уже неделю".

Но драпировщик отказывается принять это объяснение. Не может быть, говорит он, чтобы прошла неделя, потому что

"Только сегодня днем, видите ли,

ваш муж купил у меня ткань".

И тут в соседней комнате раздается голос адвоката, который кричит жене:

"Гильетта? Un peu d'eue rose!

Haussez moy, serrez-moy derriere!

Trut! a qui parlay. Je? L'esguiere?

A boire? Frottez moy la plante".

Розовая вода в том веке использовалась для восстановления сил больных людей. Среди аптекарей она называлась *aqua cordialis temperata*. Розовую воду прописывали в следующих случаях: "*При смертях субитум и злокачественных, ubicunque magnus est virium lapsus præscribitur; quemadmodum etiam prodest a morbo convalescentibus, ad vires instaurandas*".

Пателин симулирует зрительные галлюцинации и использует всевозможные слова, применяемые магами в своих заклинаниях; он просит драпировщика и Гильеетта надеть ему на шею амулет, который используется для отпугивания демонов. Затем в своем бреде он поносит врачей за их недобросовестность и непонимание качества его мочи.([97]) Несмотря на все это, драпировщик не убеждается и требует свои деньги. Все мы знаем, какое значение придавалось исследованию мочи в старые времена, задолго до того, как в ней стали искать альбумин, сахар или другие болезнетворные вещества, которые она могла содержать. Шарлатаны особенно промышляли в этой области медицины, нелегально практикуя ее в стране под именем жонглеров водой или водяных судей. Такие люди до сих пор практикуют в Нормандии и некоторых северных провинциях Франции.

Функции кишечника также имели большее или меньшее значение в глазах населения, и с врачом не всегда советовались, когда давать лекарство. Люди обращались к аптекарю и заказывали клистир с кассией и другими ингредиентами, согласно следующей формуле фармакопеи: "*Cassia Pro Clysteribus. Est eadem pulpa cassiæ cum decocto herbarum aperitivarum extracta et saccharo Thomæo condita. Oportet autem illas herbas adhibere recentes, parumque decoquere, alias viribus aperitivis omnio privantur; siccæ autem per se carent virtute illa aperitiva.*"

В "Историческом ревю" Анжера мы находим документ, касающийся частной жизни кардинала Ришелье; его заголовок гласит: "Вещи, приготовленные для персоны его высочества кардинала герцога Ришелье в 1635 году Пердро, аптекарем его

превосходительства". За год кардинал использовал семьдесят пять клистиров и двадцать семь кассиевых болюсов, не считая других слабительных лекарств и бутылочек с тизаном, и его счет за чистящие средства составил 1401 ливр и 14 су. Очевидно, что Ришелье был кардиналом с сильным запором.

Это был прекрасный период для аптекарей, и мы можем добавить, что Мольер нанес им значительный вред.

Вернемся к мастеру Пателину. Он получил короткую передышку для Гильеетты, отбил от упрямого кредитора, заставив его выйти из комнаты на несколько минут, пока ее муж пользовался салфеткой.

Но эта передышка оказывается недолгой: драпировщик вскоре возвращается, чтобы потребовать назад свою ткань или деньги, хотя жена заявляет, что ее муж "умирает в бешенстве". Затем начинается еще одна сцена маниакальной симуляции в этой замечательной психологической пьесе. В притворном бреде Пателин говорит на лимузенском *наречии*, фламандском, нижнебретонском; его слова становятся все более нечленораздельными и бессвязными, чтобы убедить драпировщика в своем безумии.

"Mere de Diou, la coronade,

Par fie, y m'en voul anar,

Or renague biou, outre mar,

Ventre de Diou, zen diet gigone,

Castuy carrible, et res ne donne".

Перейдем от дикой фламандской брани, которая не представляет особого интереса даже для тех, кто разбирается в диалектах.

Психические симптомы, преобладающие в симулятивном бреде мастера Пателина, отличаются особой несвязностью языка и подвижностью идей. Автор этой прекрасной комедии, очевидно, наблюдал прогрессирующую неустойчивость мысли у некоторых маньяков, невозможность зафиксировать внимание, слишком быструю череду идей без порядка; по сути, ту абсолютную бессвязность, своего рода церебральный автоматизм, который является предвестником распада интеллектуальных способностей и прелюдией абсолютного слабоумия. В своих бреднях Пателин рассказывает о *маль де Сен-Гарбо*, или, правильнее говоря, Гарбольде; это была дизентерия, хотя такой ученый, как Генин, переводит ее как геморрой. Святой Гарбольд, который был епископом Байе в седьмом веке, был изгнан с епископской кафедры своими епархами и, чтобы отомстить, послал им дизентерию.

В связи с этим можно отметить, что в Средние века многие болезни назывались по именам святых, к помощи которых обращались в тех или иных случаях; *Сен-Ладр* или *Лазарь* - от проказы; *Сен-Рох* - от чумы; *Сен-Квентин* - от водянки; *Сен-Леу*, *Сен-Лупт*, *Сен-Мателин*, *Сен-Жан*, *Сен-Назер*, *Сен-Виктор* - от эпилепсии, лихорадки, глухоты, безумия и т. д.

В честь святого Андрея, святого Антуана, святого Фирмина, святой Женевиевы, святого Жермена, святого Мессо, святого Верена называли эризипелас, цингу и т.д. Пьянство называлось *mal Saint Martin*.

Сифилис, естественно, имел своего святого покровителя; фактически он был известен как *mal Saint homme Job, Saint Merais, Saint Laurant, mal Saint Eupheme* и т. д. Фактически, все болезни имели в качестве приставки имя одного или нескольких святых, к чьим святыням мог обратиться за помощью страдающий.

Но вернемся к мастеру Пателину: После многочисленных тирад он заканчивает тем, что признается драпировщику в своем обмане. Это - воплощение фарса мастера Пьера Патлена, медицинского исследования, имевшего огромное распространение в XV веке и остающегося ценным документом о французской морали в Средние века, столь же интересным для изучающего психологию, как и для театра. Через несколько лет после этого (1490) появилось продолжение "Мастера Пателина" под названием "Последнее завещание Пателина", которое также полно странных медицинских выдумок, относящихся к эпохе, в которую оно было написано. В этом произведении Пателин, после долгих лет мошенничества и обмана, действительно заболевает и посылает за адвокатом и священником, в какой-то степени отказываясь от врача. В своем завещании он оставляет все свои недуги различным религиозным орденам и благотворительным учреждениям, так, например, один из *пунктов* его завещания гласит следующее:

"Au quatre convents aussi,
Cordeliers, Carmes, Augustins,
Jacobins, soient ors, on Soient ens,
Je leur laisse tous bons lopins,
A tous chopineurs et y vrongnes,
Notre vueil que je leur laisse
Toutes gouttes, crampes et rongnes,
Au poing, au coste, a la fesse" и т.д.

Но хватит о мастере Пателине. Перейдем к рассмотрению другого любопытного фарса.

LA FARCE DE MUNYER.

Этот фарс, автором которого был Андре де ла Винь, относится, как и предыдущие, к XIV веку. Мельник Средневековья, предок нашего нынешнего Джек-пудинга (на французском сленге - мельник), в античные времена был самым плутоватым и жуликоватым видом торговца, откуда и пошла старая гасконская пословица: "В шкуре мельника всегда можно найти вора".

В этом фарсе мы видим мельника, который "лежит в постели, словно больной", издавая протяжные стоны и вздохи по поводу болей, которые он, как он утверждает, терпит, - стоны, к которым, однако, невосприимчива его жена. Он начинает так:

"Теперь я в тяжелом положении,
Болезнь мою трудно излечить,
Мой болезненный дискомфорт не становится меньше.
Сердечную боль я не в силах вынести".

На это его жена отвечает равнодушно, хотя мельник настойчиво просит бутылку хорошего вина, говоря, что его "поводья и живот нуждаются в высшем утешении бутылки". Жена упорно отказывает мужу в вине, замечая, что он не может "поправить желудок, набив брюхо"; вместо этого она посылает за священником, который к тому же является ее любовником, и заигрывает со святым в присутствии мужа, чтобы заставить больного подняться с постели; но, считая свой конец близким, мельник требует, чтобы ему разрешили умереть в вере, или *"католически умереть"*. Он исповедуется священнику, признается во всех своих кражах, обманах, фальсификациях и *любовных похождениях* и готов отдать душу.

Но мельник впитал в себя некоторые популярные идеи своего времени, исповедуемые некоторыми философами того времени; он верит, что в момент смерти душа человека выходит через задний проход, и просит священника отпустить ему грехи, говоря при этом:

"Mon ventre trop se determine.

Helas! Я не боюсь, что мне грозит;

Ostez vous!"

Священник отвечает:

"Ha! sauf vostre grace!"

Тогда мельник замечает:

"Ostez vous, car je me conchye".

Жена и священник подтаскивают больного к краю кровати и укладывают его в таком положении, чтобы, если доктрина о выходе души через задний проход верна, они могли наблюдать последнее представление мельника. Теперь наблюдается явление ректального метеоризма, когда внезапно, к ужасу жены и священника, появляется демон и, накинув мешок на анус умирающего мельника, ловит ректальный газ и улетает в сернистом паре. В следующем действии мы видим, как дьявол предстает перед своим покровителем Люцифером с мешком, в котором, как предполагается, находится проклятая душа мельника, попавшая в вышеупомянутый мешок в тот момент, когда она вырвалась из ануса. Люцифер приказывает дьяволу опорожнить мешок к ногам Прозерпины, которая занята приготовлением пищи на адской кухне, но вместо души мельника находят лишь *испорченные отрубы*; негодяй обманул даже в смерти.

Кажется странным, что все ранние комедиографы проявляли склонность превращать свои главные сцены в патологические бурлески. Так, во многих пьесах на героев и героинь нападали колики, чтобы вызвать смех зрителей, когда шут знаками имитировал акт дефекации. Это свойственное французам веселье и отсутствие благоразумия в полной мере проявилось в комических эффектах Пурсоньяка с отталкивающими, инсинуативными и карминативными клистирами Мольера.

Этот фарс, имевший в прежние времена огромный успех, и по сей день время от времени ставится, считаясь *шедевром* злобы и юмора у наших лучших критиков и самых выдающихся авторов. Во Франции зрители всегда смеются, когда у вора во время грабежа внезапно начинаются боли в кишечнике и диарея, а ректальный шприц, поднятый над головой в качестве оружия защиты, вызывает бурю оваций на галерее.

АВЕУГЛ И БОЙТЁ

Еще одна пьеса, в которой медицина играет важную роль, написанная тем же автором, что и предыдущий фарс; сюжет следующий: Слепой и хромой просят милостыню на пустынной дороге; слепой сожалеет о своей судьбе, что никогда не видел света, а хромой горько сетует на то, что не может пройти и нескольких шагов за раз из-за подагры, сделавшей его паралегиком. Эти двое взаимно признаются в своих недугах и договариваются о сотрудничестве для взаимопомощи; хромой взбирается на плечи слепого, и они отправляются в путь в поисках благотворителей, которые могли бы помочь им милостыней. Пройдя небольшое расстояние, нищие слышат шум: это процессия монахов отправляется в паломничество к гробнице святого Мартина. "Что они говорят?" - спрашивает слепой; ему отвечает хромой:

Они рассказывают о вещах любопытных и причудливых,

О чудесах, удивительных, если они правдивы,

совершенных новоявленным святым,

За чьей помощью обращается каждый монах;

Этот святой лечит все недуги, какие только может найти,

Даже припадки, язвы, лихорадки и подагру;

Он *исцеляет немощных* и слепых.

Так, что и не узнать.

Всем нам известна вечная народная вера в способность святых исцелять все недуги, присущие плоти. Однако в данном случае, похоже, одним из требований, необходимых для исцеления, был совершенный дух смирения со всеми недугами со стороны страдальца - вот как в случае с *нашими двумя нищенствующими*, которых теперь тревожит мысль о том, что они могут быть исцелены и тем самым лишены способа зарабатывать на хлеб насущный, *то есть...* Поэтому они предпринимают ряд ухищрений, чтобы избежать благочестивого паломничества, что порождает множество забавных приключений и ситуаций, которые вполне мог бы использовать какой-нибудь современный драматург. В конце концов двум нищенствующим удастся избежать похода с монахами-паломниками к святыне, поскольку слепой не любит свет, а хромой слишком ленив, чтобы ходить, и на самом деле оба прекрасно справляются со своими недугами. Именно во время одной из таких сцен хромой рассказывает слепому о лучших способах обмануть публику, симулируя болезни и занимаясь попрошайничеством. Он раскрывает все секреты тех, кто в Средние века искал общественного покровительства, чтобы заработать милостыню; он замечает:

"Puisque de all je suis reffait,

Maulgre mes deus et mon visage,

Tant feray, que seray deffaict,

Encore ung coup de mon corsaigne,

Car je vous dis bien que encor scay-je".

"Грант - это практика, а также искусство,

Par onguement et par herbaige,

Combien que soye miste et gaillart,

Que huy on dira que ma jambe art

Du cruel mal de Saint Anthoigne" и т. д.

В этой длинной поэме, слишком длинной, чтобы переводить ее с французского, хромым лекарь приводит список трав, с помощью которых можно моделировать различные болезни, особенно те кожные недуги, которые отталкивают большинство людей; так, он описывает зуд, вызываемый некоторыми сортами *клематиса*, и появление проказы, вызванной использованием мази, основу которой составляет *вероника*. Он также описывает, как вызвать болезнь *Сен-Фуакра* - заболевание, характеризующееся бородавками и язвами вокруг ануса. Бесполезно добавлять, что нет ничего нового под солнцем. Давайте теперь обратимся к другой пьесе, *а именно*;

ЛУНАТИЗМ И ЛЮБОВЬ".

Это пьеса с шестью персонажами, написанная в 1556 году Луизой Лабе, которую иногда называют *Красавицей Кордые*.

Любовь во все времена служила неисчерпаемым предметом анализа и наблюдений не только для поэтов и романистов, но и для моралистов, и особенно для медиков. Психологи всегда рассматривали любовь, когда она чрезмерна, как свидетельство безумия. Эскироль говорит, что "любовь утратила свою империю во Франции, равнодушие овладело сердцами наших людей, которые, отдавшись амурным страстям, не имея ни чистоты, ни возвышенности, вызывают приступы эротического помешательства". Этот ученый инопланетянин также обнаружил, что из 323 случаев помешательства среди бедных любовь была причиной в сорока шести случаях; а из 167 случаев среди богатых двадцать пять человек сошли с ума из-за любви. Эти тесные отношения между "Лунатизмом и Любовью", признанные с момента появления человечества *в обществе*, послужили текстом для Средневековья, о чем свидетельствует название упомянутой нами пьесы; произведение тем более любопытное, что оно *изящно*, несмотря на шутки, используемые его автором, о чем свидетельствует следующий анализ.

Любовь и Лунатизм в один и тот же момент прибывают на праздник, на который Юпитер созвал всех богов. Лунатизм, полный высокомерия, хочет войти в пиршественный зал раньше Любви и для этого переворачивает все вверх дном, чтобы добиться своей цели. Мстительная Любовь, желая отомстить, выпускает из исторического колчана полет стрел, но Лунати избегает их, становясь невидимым, и в гневе вырывает Любви глаза, но затем искусно вставляет их на место с помощью повязки.

Любовь, в отчаянии от того, что ее ослепили, идет просить помощи у матери. Та просит мальчика снять повязку с глаз, но его усилия бесполезны: они завязаны узлами. Венера вызывает к Юпитеру о справедливости за нанесенную ее мальчику обиду. Отец богов соглашается выступить в роли третейского судьи и призывает преступника предстать перед его судом. Меркурий выступает в качестве адвоката Лунатика, а Аполлон - в качестве специального защитника Любви. В ходе перекрестного допроса Любовь пытается рассказать Юпитеру о моде на любовь и советует ему, если он желает истинной любви и счастья, спуститься на землю, отбросить все видимости величия и под видом простого

смертного попытаться пленить какую-нибудь земную красавицу. Аполлон, выступая от имени своего клиента, юного Купидона, так красноречив, что все собрание богов соблазняется его ораторским искусством и осуждает Лунатика, даже не удостоив его вниманием. Но Юпитер беспристрастен в своем суде и позволяет Меркурию выступить в защиту. Тот, в свою очередь, приводит такие красноречивые доводы, что половина присяжных готова сказать, что Лунаций не виновен - по крайней мере, среди олимпийских присяжных. Юпитер не решается; однако он очень мудр и выносит следующее решение. "Из-за разногласий свидетелей и важности дела мы назначили повторное слушание через трижды семь раз по девять веков - 18 900 лет, и до тех пор Глупость или Лунатизм будут вести слепого Купидона куда захотят; а по истечении указанного срока, если глаза Купидона будут восстановлены, судьбы могут распорядиться иначе".

Таким образом, Лунатизм и Любовь стали неразделимы и вечны на земле; они соединены вместе для счастья человечества и удовольствия психологов, философов и моралистов, которые всегда найдут в этих предметах что-то новое для размышления и изучения. Стоит ли добавлять, что благодаря решению Юпитера инопланетяне получают множество клиентов?

Теперь перейдем к краткому упоминанию о

ЖЕНЕ КАЗНАЧЕЯ.

Эта комедия, написанная Жаком Гревином, поэтом-медиком, уроженцем Клермона, была написана в шестнадцатом веке. Этот врач с ранней юности был влюблен в дочь одного из своих соратников, Шарля Этьена; она была известной красавицей, но предпочла нашему поэту другого врача, Жана Либо, автора "Деревенского дома". Чтобы утешить себя потерей возлюбленной, Гревен начал писать рифмы и даже превзошел Жоделя, автора "Клеопатры и Дидо", своей плодовитостью. Он последовал за Маргаритой де Франс, женой герцога Савойского, при котором он был семейным врачом, в Турин и умер там в 1570 году.

Он оставил несколько пьес в стихах, главная из которых - "Трезорьер", адюльтерная комедия, рассказывающая об интригах жены финансиста. Она представляет интерес только с медицинской точки зрения, поскольку в ней содержится ссылка на сифилис, который в то время, когда была написана эта пьеса, распространен в Европе почти как эпидемия, а изучение нравов той эпохи не лишено интереса для сифилографа. Автор, вероятно, из-за своего раннего разочарования в любви, был невысокого мнения о добродетели женщин своего века и делает много странных сравнений, как, например:

"Женщина, как часто говорят,

Похожа на церковный светильник яркий,

Что висит на алтаре над головой,

И затмевает свечи в ночи;

Она проливает равный свет на всех,

Но без ее света не падает тень".

Он не верил в мораль аристократических классов, и в следующих строках упоминает о распущенности общественных правил и распространении сифилиса:

"Aussi la femme a beau changer

Un familier a l'etranger,
L'etranger au premier venu,
Toujours son cas est maintenu
En son entier, si d'aventure
Elle n'y mele quelque' ordure".

Отсылка к сифилису содержится в двух последних строках; если у нее есть любовная связь, то в результате будет орду. Аллюзия в других отрывках гораздо более очевидна, но слишком невежлива для английского перевода.

Теперь обратимся к другой любопытной старинной французской пьесе,

ЛЮСИЛЬ И РАЗОБЛАЧЕННАЯ НЕВИННОСТЬ.

Аптекари и в наши дни, несмотря на жесткие законы, часто продают наркотики без рецепта. О том, что современный аптекарь лишь следует обычаям своих предков, свидетельствует эта комедия XVI века Луи Ле Жарса, *то есть* "Люсиль".

Сюжет заключается в следующем: В тот момент, когда богатый банкир отдает руку своей дочери Люсиль барону Сент-Амуру, он узнает, что та уже тайно замужем за одним из его клерков, молодым человеком по имени Аскань. В гневе банкир приставляет пистолет к голове Асканя и в тот же момент предлагает ему кубок с ядом, предоставляя выбор способа смерти. Аскань выбирает яд, мужественно выпивает половину кубка и падает, видимо, неживой. Тогда отец велит принести тело Асканя в присутствии дочери, а также оставшуюся половину кубка с ядом; девушка без колебаний выпивает вторую половину яда до дна и падает на пол, как и Аскань, без сознания.

Почти сразу после этого двойного отравления прибывает курьер и требует Асканя, который оказывается сыном короля Польши. Банкир в отчаянии, он поспешно посылает за аптекарем, приготовившим яд, и аптекарь сразу же заявляет, что смесь - всего лишь наркотик, действие которого он сможет вскоре нейтрализовать. Сцена всепоглощающей нежности и радости, и свадьба заново с настоящим принцем.

Иногда случается, что врачи сами раздают опиаты, не считаясь с правами соседских *medicamentarius renenum coquens*. Жан Оврэ, член французского парламента и поэт, доказывает этот факт в трагикомедии под названием "Невинность раскрыта". Эта маленькая пьеса - всего лишь сельская версия "Федры и Ипполита". На самом деле Марсили влюблена в Фабриса, сына Фокуса, ее мужа, от прежнего брака. Страсть к юноше настолько сильна, что она заболевает, а Фабрис, навестив ее, узнает о любви к нему мачехи, но лояльно отвергает ее ухаживания. Марсили, размышляя о позорности своего поступка, хочет покончить с собой в приступе раскаяния; но, чтобы предотвратить это и успокоить ее, Фабрис обещает, что если она не покончит с собой, то он будет навещать ее, когда отца не будет дома. Фокус вскоре отправляется в путь. Марсили напоминает Фабрису о данном им обещании, но Фабрис отвечает на ее предложения с презрением и в ужасе покидает ее присутствие. По совету своей служанки, опасаясь, что юноша может рассказать отцу о ее коварстве, Марсили соглашается отравить Фабриса и посылает своего *камердинера* Томаса к врачу, чтобы тот достал яд. Несчастный *камердинер* очень смущен и не может сказать врачу, чего именно он хочет, и, чтобы получить смертельное лекарство, подробно описывает симптомы воображаемого недуга и рассказывает следующее: "Господин, вот уже несколько дней мой

хозяин, превосходящий персов в приготовлении вкусных блюд, устроил грандиозный званый обед, равный тому, что давали боги на свадебном празднике Фетиды. Знайте, что я, его главный слуга, сидел позади него; по его приказу я отведал все блюда, принесенные дворецким, когда в моем животе вспыхнула такая страшная ярость, что меня охватил ужас и агония. Урчание и ворчание в моих внутренностях можно было сравнить разве что с раскатами грома среди самых высоких скал Тартара. Ад был поражен, а стены нашего замка содрогнулись" и т. д. и т. п.

Этот рассказ, написанный французской рифмой и слишком длинный для воспроизведения, естественно, приводит к тому, что доктор начинает прописывать наглому *камердинеру*, который предлагает заплатить ему сто крон за достаточное количество яда, чтобы убить своего хозяина. Лекарь разгневан и отомщен одновременно страшным предложением *камердинера*, но, сдержавшись, принимает золото и дает Томасу вместо яда только снотворное, которое камердинер приносит своей хозяйке Марсилие. И вот Антуан, единственный сын Марсили от Фокуса, возвращаясь с погони, видит кувшин с ликером и, приняв его за вино, выпивает содержимое одним глотком. Он падает на пол без сознания, и все считают его мертвым. Марсили обвиняет Фабриса в отравлении своего сводного брата; несчастного юношу приводят к судье, который приговаривает его к смерти; его собираются казнить, когда на сцену выходит лекарь, рассказывает обо всем, что произошло, и возвращает к жизни якобы умершего Антуана.

Марсилию судят, признают виновной и отрекаются от нее муж и семья, а Фабрис становится как никогда дорог своему отцу. Не делая дальнейших комментариев к этому произведению, мы видим, какое место на сцене занимала медицина в Средние века и каково было социальное положение врача в вежливом обществе. Мы также отмечаем *нерегулярную* практику врача, а также высокий стандарт профессиональной чести, которого он придерживался во многих случаях.

ГОУТ.

Эта трагедия в стихотворной форме была написана к концу XVI века Ж. Д. Л. Бламбо. В ней всего три сцены и изображен триумф подагры. Поэт описывает старика, которого одолевают многочисленные боли подагры, молящегося о том, чтобы получить хоть небольшую передышку от жестокой и мучительной боли, которую он терпит. Подагра, вечно злобное божество, отвергает мольбы старика о помощи, но приводит его в собрание врачей, которые в стиле общества взаимного восхищения хвастаются своим умением управлять всеми формами болезней и превозносят свои особенности лечения всех известных недугов. Чтобы наказать этих высокомерных учеников Эскулапа за их самонадеянность, Подагра наделяет их всеми болезнями, носящими его имя, а затем высмеивает их бессильные попытки вылечить себя от болящих суставов.

Эта трагедия, названная так автором поэмы, представляет собой весьма любопытный трактат о подагре в рифмованной форме, в котором мы находим все патогенетические теории, получившие признание еще до того, как медицинская химия выявила действие избытка мочевой кислоты в организме. Кровь, желчь, пекантные гуморы, оседающие в пораженных частях, были, как мы все знаем, причинами, которые большинство медицинских авторов Средневековья относили к диатезу. Так, человек, страдающий подагрой, в своих проклятиях в адрес того, кого он называет "мучителем человечества", заявляет:

"От макушки головы до кончиков пальцев ног

Меня жестоко терзают муки агонии,
Наполнен черной кровью и зловещим юмором,
Моя плоть, кажется, пульсирует, как больная опухоль.
Я не могу описать, как меня грызут;
Все мои сухожилия болят от адских мук,
А пальцы режет болью, как ножом.
И добавляют мне мучений! Я устал от жизни".

Между тем наш пациент, похоже, не слишком верит в гуморальные теории своего врача, поскольку, проклиная болезнь, разрушившую его здоровье, он добавляет, что она не дает ему покоя:

"Mal que jamais l'homme n'a pu comprendre

Qui le plus sage induirait a se pendre".

То есть врачи не понимают, как справиться с болезнью, что часто встречается у пациентов, которые не излечиваются от своего недуга так быстро, как им хотелось бы.

В одной из сцен подагра произносит напыщенную хвalebную речь о своей власти над человечеством и возмущается теми врачами, которые каждый день открывают новое специфическое средство против подагры. Список средств от этой болезни ужасает; мы приведем лишь некоторые из них, чтобы удовлетворить любопытство читателя:

"Один советует блошиный зев и пилюлю из петрушки,

Один ест фрукты по утрам, когда болен подагрой,

Один жует листья латука, другой принимает дикий портулак;

Другой нюхает прудовые лилии, когда жалуется.

Некоторые средства, наиболее любопытные, считаются хорошими для подагры,

Это травы и снадобья для очищения крови;

Ангелика и горечавка, ирис и зеленый тимьян,

А также свежий мирт излечат подагру навсегда;

Иссоп и лаванда, вишня и водяной кресс,

Базилик, хмель и анис - все они уменьшают боль.

Постные травы, шалфей и чабер, когда развязывают кишки,

И чудесный купырь, который привозят из далекого Инда.

Лавровый лист, венчающий бардов и королей,

Привет и кардамон, чью хвалу мы часто воспеваем.

А вот снотворный мак, в котором живет покой,

Собранный турецкими чародеями в саду Гесперид;
И успокаивающий окопник, и славный хархаунд,
И волшебный орех бетал, на тропических островах найденный;
Есть душистый *флер де лис*, когда от боли ты плачешь,
И пахучий овечий помет, который всегда дарят тайком.
Кому-то нравятся цветы персика, кому-то - красный шафран,
Кто-то любит гиосциамус, смешанный с мочой;
Есть хлебные крошки и фенхель, смешанные с молодой морковью.
Растолченные в ступке вместе с эшалотом.
Есть и такие, кто использует мазь от этой болезни для исцеления,
сделанную из кожуры цитрона и золотистой апельсиновой корки,
с ладанкой и корнем вератерии, чтобы облегчить подагрическую боль,
Наносится на большие пальцы ног на листья зеленого подорожника.
Есть и селитровая мазь, при нанесении которой на стопу
Она приводит больного в яростный гнев, а то и в ужас,
Подагра начинает болеть с новой силой, а страдалец испытывает спазмы.
Облегчают их только яйца и мука в мягкой катаплазме.
Некоторые пациенты берут бритву и глубоко разрезают собственную плоть;
Затем рану должным образом присыпают мукой и кипрским орехом.
Некоторые берут красную капусту, когда другие методы не помогают.
И едят ее с уксусом, смешанным со слизью улитки;
Некоторые используют примочки из мерзких ящериц,
растолченные с копытами лани и желудками ласки.
Многие считают, что самое эффективное и действенное лекарство
мазь из голубого камня, смешанная с человеческим жиром,
А один знаменитый хирург, рыцарь с большой славой,
использовал мочу девственницы как лекарство для всех мужчин в городе.
Некоторые носят амулеты в виде лисьих хвостов или бобрового зуба;
Другие варят новорожденного в котелке и жуют его, чтобы он не болел" и т. д. и т. п. до
бесконечности.

Таковы лишь некоторые из лекарств, применяемых против подагры, и, конечно, мы не можем перечислить все средства, о которых говорит этот злобный демон. Лечение Александра Траллиана, например, не менее странно, чем многие рецепты, приведенные в этом поэтическом справочнике; оно состояло из мирры, коралла, гвоздики, руты, пиона и родовой травы, растолченных вместе и смешанных в определенных пропорциях, и предписывалось в качестве противоядия от подагры в течение 365 дней следующим образом: 100 дней подряд, затем тридцать дней перерыв; затем еще 100 дней с пятнадцатидневным перерывом; наконец, каждый день в течение 360 дней. Обрезание также было средством, но по понятным причинам применялось только к христианам^[98].

Это лечение является примером методической системы и "опирается на суеверные дары", говорит Шпренгель. Но даже в этом кажущемся суеверии можно обнаружить некоторые достоинства: великая истина, что подагра - конституциональное заболевание, порожденное роскошью, и, следовательно, неизлечимое лекарствами; строгий режим, в то же время давались глупые рецепты; именно диета, а не формула сделала лечение Александра Траллиана столь успешным. Однако не следует забывать, что некоторые лекарства способны ослаблять силу подагрического приступа; именно по этой причине Клиус Аврелиан прибегал к чистящим и минеральным водам; среди лекарств, случайно использовавшихся в Средние века, были найдены цветы и луковицы колхикума; надменный Демон подагры не смел относиться к этому средству с пренебрежением.

В то же время *подагра* обратилась к врачам и *мирам* эпохи со следующими строками.

"Gardez vous, Siriens;

Menteurs magiciens,

Продавцы териака,

Qu'elle ne vous attaque".

Назвать врача древности "*продавцом териакума*" было оскорблением профессиональной гордости. Это абсурдное средство было изобретено одним из рабов Нерона и занимало высокое место в общественной оценке. "Оно было записано в фармакопиях, *ad ostentationem artis*", - говорит Плиний, - "и пользовалось репутацией, которую никогда не оправдывали тридцать шесть ингредиентов и разнообразный ассортимент инертных камедей, входящих в его состав".

В третьей сцене трагедии Демон Подагра вызывает в памяти врачей Средневековья своих прославленных жертв древности.

"У Приама, склонного к бегу, была подагра;

Ахилл был слишком хромым, чтобы передвигаться;

Беллерофон жаловался на седловидные пальцы ног;

У Эдипа болели крупные суставы;

Плистен на ногах, весь распухший, стоял,

Проклиная подагру, которая текла в его крови".

Сколько еще великих людей плакали от подагры?

Затем, призвав своих верных слуг - Боль, Бессонницу и Несварение, демон подагры велит им вонзить свои огненные дротики в его врагов, чтобы сжечь их неугасимым пламенем:

"Toi, brule ici par des douleurs nouvelles

Le chef premier, les cuisses et tendons,

Toi, convertis leur nerfs en noir charbons,

И вы тоже, с такой же силой,

Froissez leurs mains, rendez leur drogue vaine."

Этим великолепным изложением он поражает всех добрых докторов, страдающих подагрой и ревматизмом. С тех пор врачи всего мира, говорит наш талантливый автор Ж. Д. Л. Бламбо, становятся жертвами этого ужасного недуга. Перейдем к рассмотрению любопытной гигиенической пьесы, не менее интересной, чем подагра,

В НЕЙ ОСУЖДАЕТСЯ ВЫСОКАЯ ЖИЗНЬ И ВОСХВАЛЯЕТСЯ ДИЕТА И ТРЕЗВОСТЬ[99].

Эта нравоучительная пьеса, которую можно назвать гигиенической поэзией, появилась в 1507 году под именем ее автора, Николя де ла Шеней, вместе с другим произведением, написанным в прозе, - "Управление человеческим телом".

Николя де ла Шесне был не только поэтом, но и врачом. Он был достаточно важным врачом, чтобы быть личным другом и медицинским работником Людовика XII, по инициативе которого была написана поэтическая пьеса. Многие французские критики считают это произведение классическим в своем роде; в поэме рассматриваются все любопытные нравы и обычаи того времени, затрагиваются вопросы морали и сцены. В прологе Николь де ла Шене рассказывает, как он стал поэтом, а точнее, автором стихов для публичной сцены, в которых были воплощены гигиенические и диетические предписания эпохи, а также медицинские доктрины, входившие в моду. Приведем несколько строк из этого пролога: "О, вы, кто пишет или пытается следовать копиям древних произведений, вы должны стремиться опускать такие фразы, которые трудно понять широким массам людей; старайтесь тогда не превышать количеством и качеством их умственные способности и ваше собственное понимание. По такому случаю, как этот, я, невежественный по сравнению со многими из вас, имел смелость сочинить и изложить в рифму эту мою маленькую пьесу о морали. Цель этого произведения - вести истребительную войну с обжорством, распутством, невоздержанностью и скупостью, а также восхвалять и прославлять умеренность, добродетель, трезвость и щедрость, дабы улучшить человечество. Поэтому в этом произведении я дал персонажам моей пьесы имена различных болезней, как, например, Апоплексия, Эпилепсия, Водянка, Желтуха, Подагра и т.д. и т.п."

Таким образом, цель авторской пьесы четко обозначена с самого начала. В первом действии мы видим, как Ужин, Вечер и Банкет коварно подговаривают честных джентльменов, приглашая их на пир. Среди заговорщиков также значатся Хорошая компания, Жареное мясо, Гурман, Сердечный напиток и другие. В разгар празднества на собравшихся гостей обрушиваются злодеи и наносят им смертельные удары; это Апоплексия, Подагра, Эпилепсия, Гравий и Водянка. Почти все гости в той или иной степени пострадали, и по их жалобе нападавшие вызываются в суд, который проводит судья Опыт, а адвокатами истцов и

ответчиков выступают Лекарство, Медицинская помощь, Трезвость, Диета и Старые пилюли. Суд, проходящий в рифму, пикантен и забавен и заканчивается осуждением Суппера, который приговаривается к ношению наручников из хлеба и молока. Ужин обречен на долгое изгнание под страхом повешения в случае возвращения. Саппер вполне доволен легким приговором. Один из адвокатов злоупотребляет вином во время своих аргументов в пользу истцов, как, например:

"Хорошее вино полно злой лжи,

Хорошее вино мудрый человек презирает,

Хорошее вино развращает кровь и язык,

От доброго вина многие товарищи вешаются[100].

Хорошее вино развратные люди будут жалеть.

Хорошее вино, хоть и красное, делает пьяниц голубыми.

Хорошее вино означает потерю способностей,

Хорошее вино означает потерю покорности.

Хорошее вино означает желтушную боль в печени.

Хорошее вино означает дикий, буйный ум.

Хорошее вино означает поджоги, убийства, похоть,

Хорошее вино означает тюремные цепи и ржавчину.

Хорошее вино означает разрыв семейных уз.

Хорошее вино - это женские слезы и вздохи.

Хорошее вино делает из храбрецов трусов.

Хорошее вино роет могилу хорошему пьянице".

Далее он приводит примеры, как, например, Александр Македонский убивает своего приемного брата Клита на пиру; ссылается на мнения святых Иеронима и Теренция; изображает Лота, развращающего своих дочерей, и Ноя, подвергающегося насмешкам своих сыновей; показывает Олоферна, обезглавленного Юдифью, и ставит все эти случаи в заслугу невоздержанности. Затем он добавляет длинный список болезней, вызванных пьянством, из которого мы процитируем только один стих оригинала:

"D'ou vient gravelle peu prisie

Y dropsie,

Paralisie,

Ou pleuresie'

Collicque qui les boyaulx touche?

Dont vient jaunisse, ictericie

Appoplexie,

Эпилепсия,

И сквинанси?

Все говорит о том, что вы не умеете ухаживать за букетом".

На причудливом старофранцузском языке прекрасно перечислены все симптомы алкоголизма. Очевидно, что эпилепсия, о которой упоминает автор, - это всего лишь эпилептиформные судороги, наблюдаемые в современных случаях хронического пьянства.

Что касается *ictericie*, которую современный критик перевел как "*черный юмор*", то это не что иное, как то, что сегодня известно как цирроз печени. Николь де ла Шене был врачом, а его критик-комментатор - не очень. Мы не можем проследить за этим классическим автором по бесчисленным причинам, по которым он обвиняет пьянство, и по его высоким похвалам делу умеренности Средневековья, и не можем процитировать эти оригинальные строфы о древнем сатирическом поэте:

"Le satirique Juvenal

Avoit bien tout cousidere.

Quand il dist qu'il vient tant de mal

De long repas immodere" и т. д. и т. п.

В другой сцене вновь разыгрывается пьяное веселье банкетчиков, возвращение каторжников из ссылки и еще один соблазн для слабых, молодых и глупых. В самом деле, один из присутствующих юношей, Фолли (*Le Fol*), подвергается нападению и жестокому издевательству со стороны злодея Гравеля. Бедняга плачет:

"Alarme! Я не могу писать.

Гравель меня накрывает дождем!

Venez ouyr mes piteux plains,

Vous, l'Orfevre et l'Appoticaire".

Далее следует комическая сцена страданий, изложенная таким языком, который оскорбил бы современный вежливый слух, и поэтому из уважения к читателю опускается.

В пьесе много диалогов между Гиппократом, Галеном, Авиценной и Аверроэсом, которые подробно обсуждают медицинские темы, но они слишком пространны, чтобы воспроизводить их в этом переводе.

Мораль Николь де ла Шене полна благих намерений, но сомнительно, что он достиг каких-либо значительных результатов в реформировании нравов Средневековья; возможно, он так же не достиг своей цели, как современные гигиенисты - моралисты нашей эпохи. Сейчас преобладают те же инстинкты, что и во времена античности; современный человек в обществе - это, по большому счету, просто пищеварительная трубка, служащая для поддержания жизни более или менее плохо работающих жизненно важных органов.

ГЛУПОСТЬ МИРА.

Это фарс того же Николя де ла Шене. Он был поставлен в 1524 году, а один из его главных персонажей в пьесе изображал врача того времени. Ниже приводится краткий анализ этого любопытного произведения:

Бабушка Сотти приводит к *Миру* несколько человек, за которыми она хочет, чтобы тот наблюдал во время их занятий; *сапожник* всегда делает *слишком узкие* сапоги; *платья портнихи* всегда *слишком велики*; мессы *священника* произносятся *слишком долго* или *слишком коротко*. От такого плохого поведения работников мира его мирское величество становится больным. Он посылает образец своей мочи доктору, который после научного обследования заявляет, что у Мира поражен мозг, а также что его новообращенного клиента необходимо посетить лично. Встретившись с Миром, он расспрашивает его о здоровье и задает вопросы, которые могут помочь поставить диагноз. Мир говорит доктору, что больше не боится воды на мозг, а боится быть поглощенным огненным потоком. Тогда доктор произносит следующие мудрые и довольно сатирические замечания:

"Мир! Не беспокойся, думая об огне,

Пусть ваш разум будет спокоен.

Знай, что каждый монах и низкий, плутоватый *монах*

Продает и покупает хороший, жирный бенефис;

И даже дети, ваши подданные,

Рождаются, чтобы стать *аббатами, епископами и приорами*,

Пока церковные колокола звонят в ложную пожарную тревогу.

Но, великий мир, *все духовенство* - лжецы!

Их лезть - поистине сладчайший фимиами,

А паразиты ластятся к твоим сокровищам;

Церковь всегда любила войну,

А их доктрины омрачают все земные удовольствия".

Мир настолько впечатлен замечаниями доктора, что немедленно женится на Фолли. С тех пор, не стоит и говорить, мир наслаждается удовольствиями без особого страха перед огнем. Легко уловить апологию, которую ищет автор.

Уже в XVI веке мы видим социальные реформы, начатые медициной и продолжавшиеся вплоть до XVIII века. Аббаты, приоры и другие церковные дворяне, живущие в праздности и роскоши, занимающие синекуры, за которые народ платил налоги; льстецы принцев-бастардов, агенты богачей и аристократов, управляли страной и вели войны, стоившие тысячи жизней, во славу церкви - то есть *самих себя*. Именно эти паразиты эпидемически поражают *мир*.

ГАРГАНТЮА И ПАНТАГРЮЭЛЬ.

Среди знаменитой плеяды филологических звезд XVI века, людей, сделавших честь своему веку, можно назвать Монтеня, Эмио, Кальвина, Маро, Мишеля де л'Госпиталья, Этьена

Доле^[101] и одного великого гения, затмившего их всех, - бессмертного Рабле, который был одновременно врачом, философом, политиком, филантропом и *литератором*; Иными словами, он иллюстрировал своей эрудицией науку и литературу и заслужил место в ряду славных французов и в списке благодетелей человечества.

Сын виноторговца, владельца таверны "Минога" в Шиноне, он принял церковный сан, следуя обычаю той эпохи, поскольку хотел посвятить свою жизнь учебе. В течение нескольких лет он вел жизнь монаха и был внимательным учеником латинской и греческой литературы; последней он особенно обязан своим лаконичным, нервным, но энергичным стилем, напоминающим стиль Аристофана. Но вскоре, утомленный религиозным лицемерием, жертвой которого он отказался стать, он оставил кордельерский и бенедиктинский ордена и нашел убежище в очаровательной деревушке Легуж, которую предоставил в его распоряжение его близкий друг, епископ Майлезе.

Здесь Рабле с увлечением предавался изучению литературы и наук, встречаясь лишь с вольнодумцами, с которыми обсуждал те великие философские вопросы, которые только начали занимать умы истинно мыслящих людей. Друзьями Рабле были такие выдающиеся люди, как Эстиссик, Бонавентура Деперье, Клеман Маро, Жан Буше, Гийом, Буде и Луи Беркен.

Этьен Доле, поэт, философ и знаменитый печатник, положивший свою жизнь в борьбе с монархической и религиозной тиранией, был особым другом и советчиком Франсуа Рабле и однажды набросал для него программу книги, призванной, по его мнению, раскрыть пороки и утешить массу жертв, страдающих от общественных беззаконий.

"Да, - ответил Рабле,^[102] - книга, по-настоящему гуманная, должна быть адресована всем. Настало время, когда философия должна покинуть облака и воссиять, как солнце, для всей вселенной. С этого часа мы должны сосать из груди истины для невежд и ученых. Я увижу, что во мне есть, и напишу философскую книгу, которая будет наставлять, утешать и развлекать храбрых виноградарей Девиньера и веселых виноделов Шинона, а также ученых. Это будет сделано так хорошо, что принцы, короли, императоры и нищие смогут весело пить за одним столом вместе. *Истина*, какой бы труднодоступной и суровой она ни была, должна быть изложена так же правдиво, как в Божьей книге; и она должна быть представлена в живой форме, настолько человеческой и естественной, чтобы ее принял весь мир, и пробудить в душе человечества общую мысль. Что толку, если не опираться на вечную совесть, пересказывать добрым и истинным людям истории, которые они любят пересказывать, истории, которые они сами создали? Например, "История великанов", которую так много печатают в наш век, поскольку божественное искусство книгопечатания, кажется, так хорошо приспособлено для этого. По всей Франции я слышу рассказы о страшной доблести огромного великана Гаргантюа; нужно наложить жестокие руки на эту историю, включить в нее весь мир и вернуть ее, *заново созданную*, добрым людям, которые придумали эту сказку. Вот в чем истинный секрет: мы черпаем у скромных граждан их простые и незамысловатые идеи и возвращаем их, украсив всеми благами, которые приносит нам изучение философии. Мысли деревенского жителя - вот к чему я стремлюсь, раскрывая сокровища, скрытые до сих пор врагами света". Таков был сюжет, задуманный бессмертным Рабле, который вскоре послужил основой для "Гаргантюа и Пантагрюэля". Таким образом, под привычной формой невозможной и преувеличенной вымышленной истории, следуя совету Доле, наш автор предложил атаковать в своей книге все лицемерные предрассудки, устаревшие идеи, а также политические и религиозные суеверия Средневековья;^[103] тем самым он проложил путь к революции, которая должна когда-нибудь свершиться в общественных нравах на благо науки и разума. Чтобы изменить контроль ортодоксальных и монархических опекунов,

необходимо было прибегнуть к стратагемам, диссимилировать в своих планах нападения и использовать идеи и язык высших классов. Он часто слышал, как аристократы употребляют вульгарные и непристойные выражения, и он должен был вложить их в уста своих героев, чтобы изобразить их необузданные страсти, интриги, *любовные похождения*, роскошь их одежды, их склонность к спорам, их склонность к чувственности; все это должно было стать частью его предполагаемого романа, который не должен пониматься как ирония даже в смысле его парабол.

Официальное разрешение на публикацию должно было быть получено, если заставить власти поверить, что автор - всего лишь веселый и остроумный философ, принц из хороших людей, чьи доктрины не опасны для продолжения дворянства и прерогатив аристократии; чьи идеи не представляют ничего подрывного ни для светской власти, ни для господства священнослужителей. Между тем, сорбоннисты, которых Рабле имел наглость высмеивать, сомневались в том, что им уготовано место в такой сатире, поскольку в течение нескольких лет до этого они тайно враждовали с ним, что было серьезным делом, учитывая их влияние.

Осуждение на костер Луи Беркена как распространителя реформаторских идей, преследование Деперье, обвиненного в атеизме, и красные сигналы опасности, развевающиеся со всех сторон, заставили Рабле, прежде чем опубликовать свое произведение, покинуть Турень и отправиться в Монпелье, где он потребовал защиты факультета. Его природный вкус к естественным наукам, жадность, с которой он постоянно расширял круг своих знаний, и, прежде всего, свобода университетской жизни, уже давно привлекали бывшего монаха к изучению медицины.

Именно в этих условиях Рабле покинул Лонги и отправился в Монпелье, где его уже давно ждала репутация эрудита, острого ума и самого доброго нрава.

Чтение всех классических греческих авторов, и в первую очередь Аристотеля, настолько приобщило его к естественным наукам, что вскоре после прибытия в университет он был готов получить степень бакалавра медицины при следующих обстоятельствах: Он последовал за толпой студентов, читавших диссертации в публичных залах, и таким образом смешался со слушателями на собрании; обсуждение шло на тему ботаники. Аргументы ораторов показались Рабле настолько слабыми, что он вскоре проявил признаки нетерпения весьма язвительным замечанием, которое привлекло внимание декана к новичку. Его пригласили войти в зал, отведенный для дискутирующих докторов, но он отказался, сославшись на то, что его мнения не подобает высказывать перед таким собранием *ученых*, и что он, кроме того, всего лишь бакалавр; но, будучи потеснен толпой, которая, казалось, была довольна его внешностью и манерами, он так мастерски и с таким непревзойденным красноречием рассмотрел обсуждаемый вопрос, что аплодисменты приветствовали его со всех сторон; его знание предмета казалось беспредельным. Факультет был настолько доволен, что его немедленно удостоили звания бакалавра. Это было в ноябре 1530 года.

Рабле еще не успел надеть докторский чепец, как его великий врачебный талант был уже полностью известен и оценен профессорами медицинского факультета Монпелье, где благодаря своей грации, доброму юмору и общительной веселости он стал повсеместным другом.

Двумя его приятными спутниками в университете были Антуан Сапорта, ставший впоследствии деканом факультета, и Гийом Ронделе; вместе с ними он открыл в Монпелье театральные представления с медицинским уклоном. Он написал несколько знаменитых фарсов, среди которых "Немая жена" (*La Femme Mute*), в которой он сам взял на себя главную роль - фарс, который по сюжету пересказан в "Пантагрюэле" Панурже под названием

"История хорошего мужа, который взял в жены немую". Ниже приводится выдержка: "Итак, добрый муж пожелал, чтобы его жена заговорила, и благодаря искусству врача и хирурга, которые вырезали кусок из-под языка, женщина начала говорить, и она говорила и говорила с восстановленной речью, как бы наверстывая упущенное время, пока муж не вернулся к врачу за средством, чтобы держать рот жены закрытым. Врач ответил, что у него есть средства, заставляющие женщин говорить, но не было найдено средства, способного заставить язык жены замолчать. Единственное, что он мог посоветовать мужу, - это стать глухим, чтобы не слышать женского голоса. Старый развратник согласился на операцию, чтобы оглохнуть, а когда врач потребовал плату за свои профессиональные услуги, муж ответил, что он слишком глух, чтобы что-то слышать". Тогда врач, чтобы заставить мужчину оплатить счет, попытался вернуть ему слух, вливая лекарства в горло мужа, после чего муж и жена навалились на врача и хирурга и так избили обоих медиков дубинками, что те остались лежать мертвыми. Этот фарс был разыгран в Монпелье труппой студентов-медиков и пользовался огромным успехом. Именно этот фарс помог Мольеру в одной из сцен его знаменитой пьесы "Медик злодействует".

Литературная деятельность, как ни странно, не помешала его научной работе. Во время пребывания в Монпелье он опубликовал перевод некоторых работ Гиппократ и Галена, а также начал работу над "Пантагрюэлем", в котором история медицины может найти несколько ценных документов, поскольку он показал себя во всех отношениях не только врачом, но и философом.^[104] Мы не будем возвращаться к этому, поскольку это слишком длинно, и потребуется бесконечное количество времени, чтобы напомнить о его анатомической эрудиции, и нет необходимости говорить, что он препарировал так же хорошо, как и писал. Очень верное представление о его стиле дает описание боя между братом Иоанном и солдатами Пихроколя, вторгшимися в аббатство Севильи, описание, которое заканчивается такими забавными строками: "Одни умирали, не говоря, другие говорили, не умирая; одни умирали, говоря, другие говорили, умирая".

Во всех его главах легко заметить, что Рабле ни разу не забыл, что он врач, а значит, филантроп, ибо разве мог автор "Пантагрюэля" быть иным? Он радовал всех страждущих, особенно подагрических больных, которым посвятил часть своего произведения. В начале пролога к "Гаргантюа" он говорит: "Это для тех, кто любит веселье, ибо смех - достойный атрибут человека".

Именно это чувство гуманности побудило Рабле бескорыстно помогать сифилитикам - несчастному классу больных, которых большинство врачей в XVI веке отказывались лечить. В 1538 году он отправился в Париж и приложил немало усилий, чтобы реформировать лечение, которому варварски подвергались такие пациенты; число таких страдальцев было огромным. Он использует этот факт в описании Ада, которое дает Эпистемон: "Там, не считая папы Секста, пять миллионов оспинных дьяволов, ибо в одном мире столько же оспы, сколько и в другом". Но Рабле, увы современным теориям, не рыбачил в эфире с крючком и леской на микробов, держа в руках белые руки Венеры.

Итак, именно Рабле выступает в защиту этих несчастных больных, пораженных ртутью и сифилисом, и восклицает: "Как часто я видел их, когда они были помазаны и смазаны ртутной мазью; их лица были острыми, как мясницкий нож, а зубы стучали, как клавиатура сломанного органа или скрип старой вертушки".

Однако очевидно, что он использовал потогонные ванны, так как об этом красноречиво свидетельствует отрывок из рождественского "Пантагрюэля": "Ибо всякий пот - это соль, что

подтверждается, если вы попробуете свой собственный пот, или, что еще лучше, попробуйте пот больных оспой, когда они потеют".

Кроме того, мы знаем, что Г. Торелла утверждает, что "лучший метод лечения оспы - это заставить больного потеть у плиты или горячей печи в течение пятнадцати дней подряд, соблюдая при этом пост".

Сифилис, как уже отмечалось, был чрезвычайно распространен в XVI веке, в чем можно убедиться, обратившись к трудам итальянских и французских специалистов той эпохи. Рабле подтверждает этот факт, поскольку он часто упоминает об этом недуге в своих произведениях; по словам нашего прославленного автора, великие персоны не были свободны от этой болезни, даже папа и Священная коллегия Рима, даже короли и принцы, фактически все дворяне, о чем мы читаем в семнадцатой главе "Пантагрюэля": "Более того, папа Секст подарил мне пятнадцать сотен фунтов ренты со своих владений за то, что я вылечил его святейшество от *шанкра*, который так сильно мучил его, что он боялся остаться калекой на всю жизнь". Выступающий шанкр был не чем иным, как паховым бубоном, нагноение которого считалось благоприятным симптомом болезни.

Даже добрый "Пантагрюэль" не избежал, более других, модной заразы своего времени, ибо мы читаем: "Пантагрюэль заболел, и желудок его был так расстроен, что он не мог ни есть, ни пить; а так как несчастья никогда не приходят поодиночке, его схватил приступ, который мучил его больше, чем вы думаете, но лекарь его хорошо поддержал, и с помощью лекарств, слабительных и мочегонных, они заставили его мочиться от своего несчастья (*pisser son malheur*). И моча его была так горяча, что с тех пор никогда не остывала, и во Франции есть разные места, где он оставил свой след, которые теперь называют *горячими ваннами*, как, например, в Котере, Лиму, Даксе, Баларуке, Нерисе и Бурбон-Ланси"[105].

Главы знаменитой книги Рабле, которые больше всего свидетельствуют о его медицинских познаниях, - это те, в которых обсуждаются недоумения Панурга по вопросу о браке. Пантагрюэль долго рассуждает "за" и "против", но так до конца и не определился; он не требует решения супружеской проблемы ни от богов, ни от снов, ни от оракулов сивилл. Однако он соглашается прислушаться к совету герра Триппа - аллегорическому имени, которым Рабле наделил немку Камиллу Агриппу из Нетерхайма, философа и врача, наиболее известного своими книгами по алхимии, магии и оккультным наукам. Этот *знаток* предложил раскрыть будущую судьбу наших героев с помощью "пиромантии, эромантии, гидромантии, гиромантии"; или, что еще лучше, с помощью "некромантии я заставлю дух восстать из мертвых, как Аполлоний Тианский к Ахиллу, как ведьма Эндорская к Саулу, который расскажет вам все, как Эрихто, мертвый и истлевший телом, восстал духом и предсказал Помпею исход битвы при Фарсалии"[106].

Панург неизменно отказывается, но в конце обращается за советом к священнику, врачу, юристу и философу, которые проясняют вопрос. Консультация с врачом Рондибилисом, то есть другом автора Гийомом Ронделе, сокурсником Рабле по университету Монпелье, особенно интересна для всех врачей благодаря анатомическим и физиологическим аргументам.

Добрый лекарь Рондибилис так отвечает Панургу на вопрос о браке:

"Вы говорите, что чувствуете в себе острые колющие укусы чувственности. Я нахожу на нашем медицинском факультете, а мы основываем свое мнение на идеях, высказанных древними платониками, что плотская склонность контролируется пятью способами.

"*Imprimis*" - вином; ибо неумеренность в вине делает кровь холодной, ослабляет связи, распускает нервы, рассеивает генеративное семя, одурманивает чувства, извращает мускульные движения; все эти недостатки препятствуют акту порождения. Поэтому Вакх, бог пьяниц, гуляк и выпивох, всегда изображается безбородым и одетым в женскую одежду, как и подобает слабоумному или евнуху. Вам хорошо известна античная пословица, что Венера остывает без общества Цереры и Бахуса".

Эти размышления об общем влиянии алкоголя на нервную систему очень справедливы. Что касается его конкретного влияния на функцию генерации, то все гигиенисты признают, что алкоголь, принимаемый иногда в избытке, возбуждает венерические желания, но при привычке он ослабляет генеративные функции. Амиот отмечает, что "*те, кто пьет много вина, ленивы в выполнении генеративного акта, и их семя, как правило, ни на что не годится*".

Рондибилис сказал Панургу правду. Теперь посмотрим, какие еще советы он дал своему пациенту, а также отметим методы, с помощью которых он предлагал обеспечить наилучшее завершение супружеского акта.

"*Во-вторых, пыл похоти ослабляется с помощью некоторых лекарств и растений, которые делают принимающего их хладнокровным по отношению к женщинам, иными словами, лишают его способности к половому акту. Таковы водяная лилия, агнус кастор, ивовые прутья, стебли конопли, тамариск, мандрагора, мошकारа, болиголов и другие, которые, попадая в человеческое тело, своими элементарными достоинствами и специфическими свойствами замораживают и разрушают плодovitую зародышевую жидкость, препятствуют генеративному духу, вместо того чтобы направлять его в те проходы и каналы, которые предназначены для его приема Природой, и, препятствуя изгнанию, не дают человеку совершить подвиг любовного сближения.*"

Мы не будем вдаваться в обсуждение анафродизиакальной ценности растений, упомянутых Рондибилисом. Мы по-прежнему признаем успокаивающие свойства *Agnus Castus* и *витекса*, или монашеского порошка, как его иногда называют, а также белладонны, болиголова, дигиталиса, лупулина, камфоры и конопляного семени; что касается тамаракса и ивовой коры, то их достоинства по меньшей мере сомнительны.

Но из этого отрывка из Рабле мы должны сделать вывод, что лечебное применение растений было хорошо известно уже в шестнадцатом веке.

Доктор Рондибилис снова заявляет: "Страсть или разврат усмиряются тяжелым трудом и непрерывной работой, которая производит такое растворение во всем теле, что у крови не остается ни времени, ни досуга для семенных ресудов или избытка третьей порции. Природа особенно бережет себя, считая, что гораздо важнее сохранить отдельную особь, чем умножить человеческий род. Поэтому на целомудренную Диану ведется непрерывная охота. Про усталых и изможденных людей говорят, что они "кастрированы". Мы постоянно наблюдаем полуимпотенцию у спортсменов. Так писал Гиппократ в своем великом труде "*Liber de Aere, Aqua, et Locis*": "В Скифии есть племя, которое было более бессильно к венерическим желаниям, чем евнухи, потому что эти люди постоянно живут верхом и тяжелой работой. Напротив, праздность, мать роскоши, порождает сексуальную страсть".

Нет необходимости в длинных комментариях, чтобы показать, что ручной труд и активные физические упражнения уменьшают естественную склонность к эротическим идеям. Рабочий и крестьянин, как известно всему миру, менее подвержены любовной страсти, чем

праздные и роскошные жители городов. И причины, приведенные выше врачами Средних веков, сегодня признаются всеми физиологами.

Но продолжим совет Рондибилиса:

"Увлеченная учеба уменьшает эротическую склонность, ибо в таких условиях происходит невероятная решимость духа, так что он никогда не отдыхает от выполнения генеративного решения. Созерцая облик человека, внимательно относящегося к своим занятиям, мы увидим, что все артерии мозга перетянуты как бы пуповиной, чтобы снабжать его духами, достаточными для поддержания наполненными желудочков здравого смысла, воображения, восприятия, памяти, координации и т. д."

Эти довольно туманные и несовершенные физиологические объяснения открыты для обсуждения, но все мы знаем, что избыток работы, интеллектуального труда в области науки, письма или искусства, признается сегодня причиной ослабления венерических желаний и предвестником импотенции.

Рондибилис снова заявляет: "Что касается венерического акта, то опять-таки: Я придерживаюсь мнения, что желание умиряется методами, к которым прибегают отшельники Фебаиды, мацерирующие свои тела, чтобы подавить чувственность; это они делают двадцать пять или тридцать раз в день, чтобы уменьшить восстание плоти".

Это означает, что определенная причина импотенции заключается в избытке полового аппарата, независимо от его разновидности; и мы добавим то, о чем не упомянул врач из Монпелье, что эта мацерация, которая была ничем иным, как мастурбацией, вызывала сперматоррею, болезненные последствия которой для человеческой экономики хорошо известны.

Нет необходимости следовать за нашим господином Рондибилисом во всех его рассуждениях об анатомических и моральных несовершенствах женщин, которые он относит на счет искажения обычного здравого смысла природы, которая, по его мнению, "лепит женщин скорее для удовольствия мужчины и продолжения рода, чем для обеспечения совершенства индивидуума". Несомненно одно: он говорит с большим физиологическим настроением, а любезный Панург настолько очарован учеными разговорами доктора Рондибилиса, что не забывает заплатить ему за консультацию, ибо, как гласит достоверная хроника, "подойдя к нему, он, не говоря ни слова, положил ему в руку четыре *вельможи a la rose*, которые Рондибилис изящно принял". Эти монеты были изготовлены из чистого золота и отчеканены в 1334 году Эдуардом III, правителем Англии. С одной стороны на них была изображена фигура корабля, а с другой - роза, гербы домов Йорков и Ланкастеров. Эта консультация была оплачена деньгами королевства.

Если мы внимательно изучим Рабле, то обнаружим, что он был ярко выраженным contagiонистом и не верил ни в какое другое средство защиты от моровой язвы, кроме бегства из зараженной страны. Именно так он заставляет поступить своего героя "Пантагрюэля", когда тот оказался в деревне, "в которой ему было приятно жить, если бы чума не прогнала его оттуда". В другом отрывке наш автор замечает: "Причина чумы - зловонный и заразительный выдох". Следует, однако, добавить, что в ту эпоху чума была эндемическим заболеванием, и люди, по слову пророков, приписывали ее причину божественному гневу. Дороги были переполнены паломниками, идущими дать обет и помолиться в часовне святого Себастьяна. Как часто Рабле пытался бороться с этими суевериями! В доказательство приведем еще одну короткую цитату из великого сатирика: "Лжепророки возвещают эту ложь! Так они хулят Праведников и Святых Божьих, которых

выставляют демонами жестокости. Эти подлые лицемеры, духовенство, проповедуют в моей родной провинции, что святой Антоний вызывает эризипелас, святой Евтроп - водянку, святой Гильдас делает людей безумными, а святой Гильдус увековечивает подагру. Я поражен, что наш славный король позволяет этим самозванцам проповедовать столь скандальную ложь в своем королевстве; и они должны быть наказаны скорее, чем те, кто с помощью магии или иным способом может занести чуму в страну. Чума убивает только тело, а клерикальные самозванцы отравляют человеческие души".

Нужно было обладать огромным мужеством, чтобы придерживаться и выражать подобные взгляды в XVI веке перед лицом мясников инквизиции. Это мужество Рабле приобрел не благодаря своим философским занятиям или религиозным идеям; его вдохновляли научные убеждения, от которых Святая канцелярия не смела требовать опровержения, как это было в случае с Галилеем. *Ведь папство с древнейших времен всегда избегало споров с медицинской наукой.* И здесь мы можем вспомнить, что Рабле начертал в своем сердце, как на первой странице своих книг: *"Доктору Франсуа Рабле и его друзьям"*. Он гордился своим врачебным званием, считал практику (и мы упоминаем об этом факте, поскольку один древний писатель утверждал, что он не принадлежал к нашей славной профессии) своего рода магистерским и священническим долгом и требовал в качестве первого условия для получения звания врача, чтобы у кандидата на почетную медицинскую степень было *здоровое сердце*.

Именно в назидание пациентам он написал часть своих книг. Он хотел успокоить их чувства, открывая им великое зрелище мира; и цель его очевидна - внушить человечеству любовь к гуманности; сам он не имел других личных стремлений, кроме как играть роль врача на жизненном поприще, перевязывать раны несчастных, лечить болезни тела и служить малодуховным и унылым.

Сильная мужская независимость его характера проявляется в том, как он противостоял всем притеснениям, будь то со стороны науки или князей церкви. Он отказывался слепо подчиняться авторитету так называемых мэтров физики и оставлял за собой право свободно обсуждать их доктрины. "Гиппократ, Гален и Аристотель, - замечает он, - как бы велики они ни были, никогда не знали всего. Наука - это работа многих поколений, и ее величие так загадочно, что чем больше мы знаем, тем больше новых проблем представляется нам для решения. Наука, как и природа, бесконечна". Этот возвышенный язык глубоко поразил мыслителей и вызвал против своего автора ту же подневольную папскую партию, которая бродила и плела заговоры в позолоченных прихожих аристократических замков того времени; то же разнообразие существ, которое мы видим сегодня, циркулирует индийскими файлами по коридорам наших академий, факультетов и судов. Для нового, как и для древнего, это всегда одно и то же слово прошлого - *Magister dixit*. Оно никогда не меняется.

Будучи профессором в Лионе, Рабле прочел "курс анатомических лекций, прочитанных с таким красноречием, - пишет Эжен Ноэль, - что поразил всех слушателей; он показал аудитории, как устроен человек, подобно великолепному и драгоценному произведению архитектуры, предмету изящества и красоты, так что народ толпился в лекционном зале, чтобы послушать его". За этими лекциями следил Доле. Однажды Рабле читал лекцию на трупе повешенного человека и рассуждал о своем предмете с таким изяществом и теплотой, так ясно показывая чудо нашей природы, что Доле, выходя из зала, воскликнул: "Если бы меня повесили, и я бы стал таковым, если бы мог стать свидетелем столь божественной речи!" Некоторые отрывки из этой знаменитой лекции можно найти в "Пантагрюэле"; мы видим, что он учил, помимо величия творения, уважению к жизни и *тому, что кровь - это святое*.

Рабле сказал: "Единственная трудовая мука этого мира - постоянное производство крови. В этой работе у каждого члена есть свое место. Питание обеспечивается всей природой; это хлеб, это вино - это пища всех видов. Чтобы найти и приготовить этот материал, руки человека работают, ноги карабкаются и несут машины, глаза ведут нас, язык пробует на вкус, зубы перемалывают пищу, а желудок принимает и переваривает". Здесь наш анатом несколько подробно останавливается на образовании крови и роли, которую играют наши органы в пищеварении, добавляя:

"Как радуются эти раздатчики тела, когда после сложной работы и тяжелого труда они видят этот поток красного золота. Каждая конечность отделяется и открывается, чтобы усвоить или очистить заново это сокровище - *кровь*. Сердце, с его музыкальной диастолой и систолой, утончает ее так, что, встретившись в желудочке, она становится совершенной; затем, по венам, она возвращается из всех конечностей. Гармония Небес не сравнится с гармонией человеческого тела. Пытаясь проникнуть в глубины этого удивительного микрокосма, человек теряется и ошеломляется. Поверьте, в нем есть нечто божественное; ах! этот *маленький мир* настолько хорош, что, достигнув этой сытости, *он думает уже о тех, кто еще не родился*".

Эта выдержка из Рабле служит отражением обвинения в скептицизме, так часто выдвигаемого против него, и мы видим в личности знаменитого писателя XVI века двух людей: *эрудита*, обогатившего *belle lettres*, и популярного философа, обратившегося к обделенным судьбой и наукой. Именно для последних он требовал от светской власти права на материальное удовлетворение жизни, помимо мнения папы и церкви. Рабле был воплощением филантропии, и в этом, прежде всего, он оказал честь медицинской профессии, бессмертным членом которой он является.

Именно Рабле пожелал стать архитриклином для бедных, для неимущих, радостных сердцу пантагрюэлистов. Именно последнему он сказал: "Пейте веселые друзья, вечно пейте, как голодные рыбы. Я буду вашим виночерпием и хозяином; я буду удовлетворять вашу жажду, и никогда не бойтесь, что вина не хватит, как на свадьбе в Кане. Сколько вы будете черпать из крана, столько же я буду удивлять вас у крана; так что бочка с вином никогда не будет пуста; источник всех жизненных наслаждений, вечный источник счастья".

Воспоминания о юности, такой спокойной и веселой в отцовском салуне "Таверна Лампри", среди бравых выпивох и веселых умников, с полными кубками богатого септембрийского урожая, чистого, искристого, румяного виноградного сока, славного вина его родной провинции, оказали большое влияние на мысли и взгляды философа. Он вновь услышал, как отголоски памяти, веселые песни сборщиков винограда, и вакхические песнопения затихли в музыкальных нотах в недрах Храма времени. Он был счастлив, осознавая себя Франсуа Рабле, доктором медицины, но, оглядываясь назад, ощущал смутное и неопределенное чувство поэзии, которое всегда сопутствует великому гению. Именно тогда он воскликнул:

"O bouteille!

Pleine tout

Des mysteres,

D'un oreille

Je t'ecoute."

Однако в его сердце никогда не было ни грусти, ни меланхолии. Он мечтал о золотом веке всеобщего братства между людьми и о вечной радости, о продолжительности земного изгнания души.

Бургундскому вину Франции мы обязаны этой моральной анальгезией, которая прогоняет страсти и все заботы, порожденные глупыми мирскими амбициями. Он предпочитал лицо веселого пьяницы голове тиранического Сезара. Он любил нос виночерпия, как он говорит, "этот музыкальный рожок, богато инкрустированный цветами великолепного рисунка, пурпурный, с малиновыми полосами, эмалированный пупырышками, похожими на драгоценные камни, расшитый прожилками небесной лазури". Такой нос имеет добрый священник Панзульт и Пьебуа, лекарь из Анжера".

Рабле не оставил без внимания тот факт, что эти "любители хорошо выпить" когда-то болели подагрой, ведь он не забыл дать медицинский прогноз в случае с прожорливым Гаргантюром. "Всю жизнь он будет страдать от подагры". Но какая разница, что у него был гравий и красный нос, это славное творение Бахуса? Он получал самое теплое утешение от мысли, что немного хорошего вина согревало его кровь и смягчало горечь жизни, заставляя забыть о несправедливости одних и неблагодарности других; настоящий *непенте* для его страданий, забот и опасений. Каждый, кто хорошо пьет, становится мудрецом. Так говорил Гораций, а Рабле, читавший этого мастера латинской поэзии, начертал на фасаде своего жилища

"NĪC VĪBITUR".

"В этом месте пьют вино, этот восхитительный, драгоценный, небесный, радостный, дарованный Богом нектар и ликер".

Но на дне бочки мастера Франсуа Рабле был вкус, о котором не догадывался весь мир, вкус свободной мысли, противостоящей всякой тирании, гомеровский дух со звучным голосом, эхо которого будет звучать в грядущих веках. Наши авторы, включая историков, философов и поэтов, чтят его память, а один из величайших умов сказал: "Рабле был галлом, а галльское - это греческое, ибо Рабле - это грозная маска античной комедии, оторванная от греческого проскениума, бронза, превращенная в живую плоть, человеческое лицо, полное смеха, веселящее нас и смеющееся вместе с нами". Аналогичное суждение высказывает автор *"Бургграфов"* и *"Нотр-Дам де Пари"*. Рабле бессмертен, несмотря на церковных недоброжелателей, которые на протяжении нескольких веков скрыто поносили его память.

Врач, философ, писатель, он был первым исключением в позитивном мире, той глубокой верой, которая тождественна науке. Именно по этой причине врачи Средневековья взирали на него как на одну из своих слав; именно по этой причине его труды должны в будущем войти в число классиков медицины и больше не оставаться в забвении у широких масс представителей той профессии, которую он чтит. В оставленной им эпитафии он не забыл о докторском звании, которое всегда носил с такой честью:

"Cordiger et medicus, dein pastor et intus obivi,

Si nomen quæris, te mea Scripta docent"[107].

Создавая этот стих, он не думал о том, что однажды парижане выгравировут его имя с последними словами на мраморе его статуи как свидетельство для будущих поколений, что память о Рабле никогда не должна быть стерта.

[КОНЕЦ.]

*Перепечатка из
The Cincinnati Lancet-Clinic,
1 декабря 1888 г. -
16 февраля 1889 года.*

СНОСКИ:

[1] Магометане считали вскрытие человеческого трупа не только нечестивым действием, но и запрещали его своими религиозными догмами. Они верили, что душа после смерти не покидает тело внезапно, а уходит постепенно, пока не покинет конечности и не попадет в грудную полость. Поэтому тело нельзя было препарировать без страданий. Однако остеологией не пренебрегали, и исследования проводились на костях, собранных на кладбищах.

[2] Роман "Долопатос или семь мудрецов" принадлежит трубадуру двенадцатого века по имени Герберс. Происхождение этой поэмы, по-видимому, восходит к индийской литературе.

[3] Слова написаны на старофранцузском языке и поэтому нелегко поддаются переводу:

"Вы читали роман.

Tandis com li plaie est novelle

Lors pust estre mieux garie

Que lors quant elc est envieillie." и т.д., и т.п.

[4] Эта знаменитая поэма Перро де Сен-Клуфа, как произведение воображения, считается самым замечательным литературным памятником Средневековья.

[5] Читатель старофранцузского языка может на досуге перевести следующие строки:

La pie avoit tel meschief,

Et la Jambe si boursoufflee,

Si vessiee et si enflee

Si pleine de treus et de plaies;

In'il i avoit, ce croi, de naies

Et d'estoupes demi giron,

Boue et venin tout environ,

De toutes parts en saillait fors.

-Готье де Конизи.

[6] В "*Чудесах Святого Людовика*" мы находим историю исцеления, произошедшего благодаря королевскому прикосновению. Это лекарство служит иллюстрацией того, как монахи писали лекарства в тринадцатом веке. Болезнь этого пациента была вызвана белой припухлостью левого колена. Ниже приводится достоверная хроника:

"Примерно в год Спасителя нашего 1174, перед праздником святого Андре, некий Жеан Дюгю из города Комбреус в епархии Орлеана был поражен воспалением левой ноги в районе колена. В плоти, которая была мягкой и гнилой над и под суставом, виднелось несколько отверстий".

[7] Бакалавр в другие времена был рыцарским титулом или университетской степенью. Слово произошло от латинского *Bachalarius*. Во Франции это слово появилось лишь в XVI веке. Под именем *бакалавра* или *бакалавра* впоследствии стали называть всех молодых людей в армии, изучающих военное дело, науки или искусства.

[8] См. клятву, которую дают христианские аптекари и боящиеся Бога, предписанную *генеральным прокурором*, Жан де Рессон, *Institutions Pharmaceutique*, 1626.

[9] До наших дней лекарственные ванны не пользовались популярностью; песочные и железные ванны, столь восхваляемые Скрибонием и Геродотом в Риме, были неизвестны во Франции. Серные ванны были рекомендованы в XI веке Гилбертом из Англии при водянке и других кахектических заболеваниях, а Арнольд де Вильневом - при камнях в мочевом пузыре. Ванны с минеральной водой по-настоящему вошли в обиход только в XVI веке. В 1570 году Юбер восхвалял воды Бурбуна, а в 1584 году Пиду - воды Пуны. Воды Оверни и Пиренн были впервые описаны в семнадцатом веке, также как воды Экса и Де Бегнольса в Генандене.

[10] Прокопий, греческий историк, родившийся в Кесарии в 500 году, оставил после себя множество трудов, среди которых можно перечислить "*Историю своего времени*" в восьми томах (*Procopii Cæsariensis Historia sui temporibus*). Эта история времен, написанная Прокопием, содержит полное описание чумы и является одним из *шедевров* медицинской литературы, который никогда не будет превзойден. В этой работе нет ничего упущенного, даже различные клинические формы, она является поистине классической".

[11] Georgius Florentius Gregorius, *Historia Francorum*, de 417 591 A.D.

[12] Anglada: *Etude sur les Maladies eteintes et les Maladies Nouvelles*.

[13] *Traduction de Laurent Joubert de Montpellier*.

[14] Black. "Histoire de la Medecine et de la Chirurgie".

[15] "Хроника Рауля Глабера", бенедиктинца из Ключи, охватывает период между 900 и 1046 годами. Ее можно найти в переводе в сборнике мемуаров по истории Франции Гизо.

[16] "Новая библиотека рукописей".

[17] Сатирические писатели не преминули бы рассказать о следах, оставленных оспой. Такие авторы, как Марциал, который часто посещал общественные бани, чтобы записать физические недуги своих сограждан, чтобы разгласить их уродства в язвительной эпиграмме, были бы только рады высмеять лица современников, отмеченные рубцами от оспы.

[18] В 570 году жестокая болезнь, сопровождавшаяся бегом живота и ветряной оспой, жестоко поразила Италию и Францию.

[19] Gregorii Turonensis, *Opera Omnia*, Liber V.

[20] Латинское *corallum*, означающее сердце, легкие, кишки, а по расширению смысла - внутренности тела.

"C'est la douleur, c'est la bataille

Qui li detrenche la coraille."

-Роман *де ла Роз*.

[21] Sauvel, "Histoire et recherches des antiquites de la Ville de Paris".

[22] В 622 году Аарон впервые указал на оспу, но только в 900 году два арабских врача, Разес и Авиценна, написали свои труды об этом заболевании и определили клинические формы, дав прогноз и диагностические признаки, а также методы лечения. Разес, врач госпиталя в Багдаде, из-за теплого климата своей страны рекомендовал прохладные и освежающие напитки. В период лихорадки он советовал обильные кровопускания, а для детей - влажные примочки. Он укрывал своих пациентов теплой одеждой, хорошо растирал их тело и давал им обильное питье со льдом. В некоторых случаях он ставил большие сосуды с горячей водой, один впереди, другой позади пациента, чтобы облегчить процесс высыпания; затем тело помазывали, пока пот не остыл. Он назначал примочки для глаз, когда высыпания были сильными в области глаз. Он советовал использовать полоскания. Пустулы, когда они созревали, он вскрывал золотой иглой, а гной впитывал кусочками ваты. Он давал опиум при поносах и бессоннице, а когда болезнь ослабевала, использовал мягкие очистители и т. д. и т. п.

[23] Аарон, современник Паулюса д'Эгинета, лишь вскользь упоминает о болезни в своих трудах. О кори упоминает в своих сочинениях и Разес, давая четкое описание ее диагностики и лечения. Он говорит, что когда пациент испытывает сильное беспокойство и впадает в обморок, его следует погрузить в холодную ванну, а затем энергично растереть кожу, чтобы спровоцировать высыпания. Авиценна не признавал корь, считая ее лишь биллиардной лихорадкой или оспой. Константин Африканский следует примеру Авиценны и воспроизводит мнение арабской школы без комментариев.

[24] Johannis Philipi Ingrassiae. "De tumoribus praeter naturam." Cap. I.

[25] Fernelli. "Universa Medico".

[26] "Brief recit et succinte narration de la navigation faicte en ysles de Canada." Paris, 1545.

[27] Григорий Турский говорит, что в Париже у них было убежище, где они очищали свое тело и перевязывали язвы.

[28] Они обозначали названиями *borde*, *bordeau*, *bordell*, *bordette*, *bourde* или *bourdeau* небольшой дом или хижину, построенную на краю города; хижину, предназначенную для содержания прокаженных. Слово *bordell*, дом с дурной славой, используемое и в наши дни, происходит от *borde*, приюта для прокаженных.

[29] Этьен Барбазен, эрудит и историк, родился в 1696 году, автор ряда работ по истории Франции: "Алфавитный указатель исторических произведений"; "Таблицы и рассказы о французах XII, XIII, XIV и XV веков"; "Рыцарские ордена и т. д.". Он также оставил

многочисленные рукописи о происхождении французского языка. См. "Библиотека Арсенала".

[30] Пьер Андре Матиоль, "De Morbo Gallico".

[31] Заметка о сифилисе в XIII веке, "Gazette Medicale de Paris".

[32] "Cyrurgia", Magistri Guilielmi de Saliceti, 1476.

[33] Мишель Скотт: "De procreatione hominis physionomia". Работа опубликована в 1477 году, но написана в 1250 году, ибо автор родился в 1210 году.

[34] Именно Фракастор дал венерическим заболеваниям название сифилис в своей поэме "Syphilis sive Morbus Gallicus", опубликованной в Вероне в 1530 году. По мнению Рикорда, сифилис происходит от греческих слов *sus* - свинина и *philia* - любовь (любовь к свинине). *Горре* в романском языке задолго до этого имело то же значение.

[35] Провансальский текст в оригинале гласит следующее: "La reino vol que toudes lous samdes la Baylouno et un barbier deputat des consouls visitoun todos las filios debauchados, que seran au Bourdeou; et si sen trobo qualcuno qu'abia mal vengut de paillardiso, que talos filios sion separados et lougeados a part afin que non las counougoun, por evita lou mal que la jouinesso pourrie prendre."

[36] Astruc: "De Morbis Venereis", chap. viii.

[37] Jean de Gaddesen: "De concubitu cum muliera leprosa, in Rosa Anglica".

[38] "Cyrurgia Guidonis de Cauliaco".

[39] Torella: "De Pudendagra Tractatus".

[40] "Господство астрологии, - замечает Шпренгль, - заставило врачей приписать это заболевание влиянию звезд. Сатурн, пожиривший своих детей, по общему выражению, произвел оспу. Именно его соединение с Марсом, находящимся в знаке Девы, дало начало эпидемии. Или это было соединение Юпитера с Сатурном в Скорпионе, как в 1484 году. В другое время это была оппозиция этих двух планет, как было замечено в 1494 году. Наконец, это было соединение Сатурна и Марса, как в 1496 году. ("Если сифилис был вызван совместным действием Сатурна, Юпитера и Марса в знаке Девы, то астрологи вполне могли подумать, что Меркурий может уничтожить последствия этой болезни, что было бы лучше, чем кровопускание или чистка"). Леоники приписывали причину венерической чумы всеобщим наводнениям, случившимся примерно в этот период, *то есть* в 1493 году, а затем в 1528 году. Кроме того, они признавали причиной этих венерических симптомов общую кислотность гуморов и преобладание четырех кардинальных гуморов, но особенно метастазы желчи из печени в половые органы".

[41] "De Morbo Gallico".

[42] "Antiquites de Paris", Tome III., by Sauval.

[43] "Observations et histoires chirurgiques", 1670, Geneve.

[44] Antoine Lecocq, "De ligno sancto".

[45] Использование ртути, *larga manu*, при трениях было начато в 1497 году.

[46] Сам Рабле с большим или меньшим успехом лечил больных сифилисом в Лионе, а возможно, и в других местах. В пятой книге "Пантагрюэля" он говорит, что среди невозможных вещей необходимо выделить квинтэссенцию, "гарантирующую излечение от оспы, как говорят в Руане". Так вот, известно, что сифилис в Руане был настолько плохим, что выдавался за неизлечимую болезнь. Отсюда и пословица: "От руанской оспы и парижской чесотки нет средства".

[47] "De Rebus Oceanis et de Orbe novo decades".

[48] "Histoire Philosophique et Politique de l'Occulte".

[49] Coelius Aurelianus: "De Acutis Morbis." Edition Dalechamp, p. 90.

[50] Магия была причислена к наукам Александрийской школы за 150 лет до нашей эры, в медико-теософской секте, члены которой применяли к космогонии доктрину эманации. Они признавали, что демоны происходят из источника вечного света и что человек может стать равным им, ведя созерцательную жизнь. Таких демонов было несколько, все явления природы и особенно все болезни приписывались демонической силе. Эти демоны были бесплотны, и их свет окружал определенные тела подобно тому, как солнце сверкает в воде, не будучи заключенным в ней. (См. Шпренгель). Не следует забывать, что Александрийская библиотека, самое богатое учреждение такого рода в древности, и храм Сераписа, в котором она была установлена, были преданы огню по наущению монахов, по приказу их создателя, апатичного императора Феодосия.

[51] "De doct. Christ." liber II.

[52] Baluze, "Capitularia regum", capitola 13.

[53] Fleury, "Histoire Ecclesiastique", Tome XVII.

[54] Leloyer, "Des Spectres", Angers, 1588.

[55] См. "Psychologie Experimentale" д-ра Пюэля; "L'Histoire de l'Occulte" Феликса Фабарта; "Livre des Esprits" Аллана Кардека и "Fakirisme Moderne" д-ра Жибье, - многие выдержки из последней были переведены и опубликованы в "Cincinnati Lancet-Clinic" в 1887 году.

[56] Шпренгель, цитируемая работа, том iii.

[57] Tetrabiblon, ii. et iv.

[58] Sprengel, tome ii., et Alexander Trallian. Liber ix. et xii.

[59] Arnauld de Villeneuve: "De Phlebotomia".

[60] Bernard Gordon: "Lillium Medicinæ".

[61] J. Fernelli, "Opera Universa Medicina", liber II, глава 16.

[62] Амбруаз Паре, "Oeuvres", девятое издание, Лион, 1633, p. 780.

[63] Читайте работы Жана Виера в "Библиотеке дьявола" с комментариями Борневиля к ним. Эти книги имеют название "Histoires disputes et discours des illusions et impostures des diables, des magiciens infames, sorcieres et empoisonneurs, des ensorcelez et demoniaques et de la guerizon d'iceux". Два великолепно отредактированных тома. Delahaye & Co., издатели.

[64] J. Weir: "De præstigiis dæmonum et incantationibus."

[65] Capeifuge.

[66] Monstrellet, *Chroniques*, liber, III.

[67] Jacques Duclerc, *Memoires*, liber IV., cap. IV.

[68] Мы находим подтверждение этому факту в работах Готье Коинси, который писал о "магах" еще в 1219 г. Он дал таким колдунам название *tresgetteres*.

"В городе живет некий гев.

Qui tant d'engien et d'art savoit

De tresgiet d'informanterie,

De barat et d'enchanterie

Que devant li apartement

Faisoit venir a parlement

Les ennemis et les deables."

[69] Работа Кальмейля, цитированная ранее, стр. 103.

[70] "Ecole du pur Amour de Dieu ouverte aux Scavants". Работа, цитируемая П. Дюфуром.

[71] "Lettres au sujet de la magie, des malefices et des Sorciers", Paris, 1725.

[72] Remigius, "Demonolatriæ libritres", Lugd, 1595, p. 55.

[73] Thomas Erastus, "De Lamiis".

[74] Nider: "In malleo maleficorum".

[75] Экстаз принимает возвышенный и созерцательный характер, если во время бодрствования душа устремлена ввысь, к Божественному; галлюцинации эротические, с другой стороны, если ум и сердце пребывают в мечтах о любви; если мысли непристойны в период бодрствования, за ними могут последовать развратные ощущения. При раздражении половых органов, мужских или женских, возникают иллюзии, которые ошибочно принимаются за дьявольские действия демонов. (См. Эсквирол.)

Существует значительная корреляция между хроническим метритом и непристойными сновидениями.

[76] Психические внушения.

[77] Ф. Уиллис наблюдал подобную вспышку в 1700 году в монастыре в Оксфорде, Англия, где за лающим припадком последовали конвульсии и, наконец, выраженная мания.

Реулин и Геке описали аналогичную эпидемию в 1701 году, характеризующуюся мяуканьем, похожим на кошачье, которое раздавалось каждый день в один и тот же час среди толпы монахинь в одном из монастырей Парижа. Все эти монахини внезапно перестали мяукать, когда их обвинили и сказали, что если подобное повторится, то их выведут на улицу и будут бить лошаадьми рота солдат, которая стояла у дверей монастыря, чтобы выполнить приказ. См. "Traite des affections vaporeuses".

[78] Чтение мыслей?

[79] "Histoire des Diabes", p. 57 et 58.

[80] То есть, особые состояния ощущений у определенных существ, состояния, которые могут быть получены искусственно, с развитием ясности, пропорционально силе гипнотизера.

[81] Рукопись в Национальной библиотеке. Впервые опубликовано М. А. Бене, Париж, 1883.

[82] За полным отчетом читатель отсылается к французскому оригиналу.- Переводчик.

[83] Zoellner, "Wissenschaftliche Abhandlungen", 1877 и 1881.

[84] Когда мы спрашиваем факиров Индии о явлениях *спиритизма*, они отвечают, что они производятся духами. "Духи, - говорят они, - это души наших предков, служащие нам теперь в качестве *медиумов*; мы даем им в долг нашу естественную жидкость, чтобы они соединили ее с их жидкостью, и благодаря этой смеси они создают *жидкое тело*, с помощью которого они действуют на материю, как вы видели". (Поль Жибье, "Le Spiritisme").

[85] Чтобы составить представление о невежестве *материалистической* школы *так называемых ученых*, достаточно прочесть слово "Сомнамбулизм", как оно определено в "Медицинском словаре Литтреса", где мы находим следующие строки о *рэппинге*: "Эти звуки обусловлены небольшим предшествующим смещением коленной чашечки, большеберцовой кости на бедренную, когда сухожилие длинной малоберцовой мышцы внезапно возвращает эти части в их первое положение. Это смещение вызывается мышечным сокращением и может быть легко культивировано привычкой". Автор этого определения подкрепляет свое утверждение *притворными экспериментами* Флинта и Шиффа; он мог бы сказать более справедливо на *простом утверждении* Жоберта де Ламбалля и Вельпо, *которые*, как хорошо известно, *совершили в этой связи грубую и глупую ошибку в физиологии*."

[86] Мистер и миссис Л. Б. являются близкими друзьями доктора Пьюэля, но эта дама, которая является медиумом, предоставляет нам свои медиумические услуги самым бескорыстным образом; кроме того, она и ее муж занимают такое социальное положение, которое ставит их далеко за пределы необходимости или желания получать денежное вознаграждение.

[87] Один из моих друзей, Л. Б., всегда держит в руке восковую лампу, которую он время от времени зажигает, чтобы определить, не проявляется ли обман.

[88] Высказывание М. Жаколио, судьи трибунала в Пондишери, Индия. Цитируется доктором Жибье.

[89] Dr. Gibier, "Le Spiritisme", 1887. В экспериментах, проведенных мистером Оксоном из Оксфордского университета с медиумами Слейдом и Монком, спонтанное письмо было получено при следующих условиях: Доски были новыми, помеченными знаком и тесно связанными вместе. Оксон никогда не терял эти грифели из виду и держал на них руку до поры до времени. Они никогда не выходили из его рук после того, как он их вымыл и пометил. Эти эксперименты проводились под ярким светом.

[90] Пьер Ле Лойе: Рассуждения и истории призраков, видений, явлений людей, ангелов, демонов и духов, делающихся видимыми для людей. 1605. Париж, Библиотека Арсенала. 1225. S. A., in 4°.

[91] В Афинах был дом, в котором, по слухам, обитал призрак. Философ Афинодор снял этот особняк. В первую же ночь, когда он занялся своими занятиями, он услышал и увидел дух, который неоднократно подавал ему знаки следовать за ним; он последовал за этой тенью

ушедших во двор, где призрак исчез. Афинодор отметил место, на котором в последний раз стоял дух, и на следующий день попросил городского магистрата раскопать землю в указанном месте; там нашли кости, нагруженные цепями, которые были освобождены и преданы достойному погребению со всеми положенными похоронными почестями. Призрак больше не появлялся (Плиний Младший, Письма VII и XXVII).

Это почти история опыта Кейт Факс в Хайдсвилле.

[92] В качестве примеров ответов, полученных с помощью психографии, можно привести следующие определения, данные Юджином Нусом и его соратниками, художниками, философами и литераторами:

Физика - знание материальных сил, порождающих жизнь и органику миров.

Химия. Изучение различных свойств материалов, как простых, так и составных.

Математика. Свойства сил и чисел, вытекающие из универсальных законов порядка.

Электричество. Непосредственная сила, исходящая от земли и передающаяся от конкретной жизни к мирам.

Магнетизм. Животная сила, удерживающая людей вместе; связь универсальной жизни.

Гальванизм и электромагнетизм - объединенные силы земной и животной жизни.

[93] "На меня нападают два класса разных людей, - говорит Гальвани, - *ученые* и невежды; все они мучают и высмеивают меня, называя *мастером танцев на лягушачьих лапках*. Между тем я верю, что открыл одну из великих сил природы".

[94] Laplace; "Traite du calcul des probabilities".

[95] Оливье Басселин был владельцем мельницы в долине Вире, где он сочинял свои маленькие стишки; поэтому он назвал свои рифмы "Во де Вире".

[96] Это, в определенной степени, диалектная поэма, которая более чем в одном отношении напоминает "Северных фермеров" Теннисона.

[97]

"Et mon orine

Vous dit elle que je meure?"

[98]

"On pense estre guari par l'obscure parole

О неясном шарлатане, который трубит и говорит;

Un autre plus niais me fait exorciser,

Ou par un circoncis se fait cabaliser."

[99] В старофранцузском тексте: "Condamnacion des bancquetz a la louenge de diepte et sobriete pour le prouffit du corps humain."

[100] Поэтическая свобода в таких рифмах неограниченна.

[101] В группу поэтов того же периода входили Ронсар, Дю Белле, Жодель, Дорат, Белло, Бейль и, наконец, Понтус де Тиар.

[102] Eugene Noel, "Rabelais medecin, ecrivain et philosophe."

[103] В счастливом аббатстве Телем, которое строит Гаргантюа, мы видим надпись фаланстера Фурье, предназначенную для избранных, с надписью над большой дверью:

"Ci n' entrez pas hypocrites, bigots,

Vieux matagots, mariteux, boursofles.

"Haires, cagots, caphards, empantouples,

Gueux mitoufles, frapparts escarnifles.

"Ci n' entrez pas, masche faim praticiens,

Clercs, basochiens, mangeurs de populaire,

Officiaulx, scribes et pharisiens,

Juges anciens" и т. д. и т. п.

[104] Первое издание "Пантагрюэля" датируется 1553 годом, а в следующем году он стал врачом в Лионском госпитале, где впервые, *до Везалия*, прочел анатомические лекции о человеческом трупе.

[105] Такое происхождение французских термальных источников очень любопытно, и, конечно, игнорируется обычными пациентами.

[106] Агриппа определил *роль* тех, кто занимается магией, в своей работе "De Vanitate Scientiarum, cap de Magia Naturali". Он говорит: "Маги - прилежные ученики природы, и с помощью предварительной подготовки часто производят чудесные эффекты, которые вульгарные люди чаще всего считают чудесами, в то время как они могут быть лишь естественной работой". Перевод Луи де Майерна, Турке, медика короля Генриха IV. 1603.

[107] "Монах, врач, впоследствии священнослужитель, я спускаюсь в гробницу. Если ты желаешь узнать мое имя, мои дела сообщат тебе об этом".

Примечание переводчика

Очевидные опечатки были исправлены. Вариации дефиса были стандартизированы, но все остальные орфографические и пунктуационные особенности остались без изменений.